

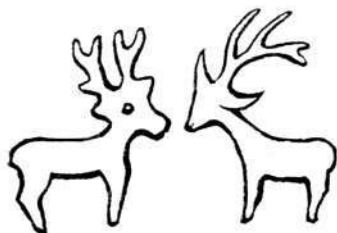
Edited by Foxit Reader
Copyright(C) by Foxit Software Company,2005-2008
For Evaluation Only.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Б. Ковалевская

КАВКАЗ И АЛАНЫ

Века и народы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия

К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр, Г. М. Бонгард-Левин
(председатель), *Р. В. Вяткин, Э. А. Грантовский,*
И. М. Дьяконов, С. С. Цельникер, И. С. Клочков
(ответственный секретарь)

Ответственный редактор и автор послесловия

Д. С. Раевский

Ковалевская В. Б.

К56 Кавказ и аланы. Века и народы. Послел.
Д. С. Раевского. М.: Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1984.

192 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книга посвящена истории формирования различных народов Северного Кавказа и их культур. Автор в доступной форме излагает принципы исторической интерпретации археологических памятников и на основе их сопоставления с данными письменных источников и этнографии рисует картины далекого прошлого этих народов. Значительная часть использованных в книге материалов получена в результате раскопок, осуществленных автором, и публикуется впервые.

К 0507000000-130
013(02)-84 111-84

ББК 63.4(2)

Вера Борисовна Ковалевская

КАВКАЗ И АЛАНЫ

Века и народы

Утверждено к печати Редакцией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»

Редактор Э. О. Секер. Младший редактор Л. В. Исаева. Художник Н. И. Шевцов. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор А. В. Шандер

ИБ № 14985

Сдано в набор 15.02.84. Подписано к печати 07.06.84. А-05534. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08+0,84 п. л. вкл. на бум. № 1. Усл. кр.-отт. 11,24. Уч.-изд. л. 12,14. Тираж 10 000 экз. Изд. № 5342. Зак. 142. Цена 75 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ВВЕДЕНИЕ

Читатель, знай, что, следуя писаниям старших, я собрал с обширнейших их лугов лишь немногие цветы и из них в меру ума своего сплел венок для пытливого.

Иордан, историк VI в. н. э.

Кавказ издревле притягивал к себе взоры поэтов, историков, географов разных стран. Его заоблачные выси казались античному миру отдаленным краем земли, той зримой преградой, которая отделяла цивилизацию от областей обитания полуполюбопытных народов и мифических существ; там, по преданиям, находилось царство воинственных амазонок, там был прикован Прометей и в темных ветвях священной рощи сверкало золотое руно. Из-за Кавказских гор явились скифские орды, а еще раньше — воинственные киммерийцы. Позднее, в эпоху «великого переселения народов», современник событий Евсевий Иероним (IV—V вв. н. э.) писал: «От крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом» (письмо 77).

Для жителя Европы таким крайним пределом казались Меотида (Приазовье) и далекие скалы Кавказа. А между тем до своего появления на берегах Азовского моря гунны прошли тысячеверстный путь от китайского пограничья. Они нарушили неустойчивое, но все же сложившееся равновесие между миром оседлых земледельцев и степными кочевниками; сдвинули алан и другие сарматские племена, перекроив, таким образом, этническую карту Европы. В ходе этих крупнейших передвижений народов степные кочевники достигли даже берегов Атлантики. Вслед за гуннами мы видим в степях Предкавказья болгар, затем авар, печенегов, мадьяр, половцев... Как не вспомнить археологу, пытающемуся разобраться в древностях евразийских степей, строки Н. А. Заболоцкого:

От Танаида до Итилли
Коман, хазар и печенег
Таких могил нагородили,
Каких не видел человек.

Для Северного Кавказа вслед за нашествием гуннов наступила пора владычества Тюркского каганата, степь выдвинула болгарскую орду, возник Хазарский каганат, центр которого вначале находился на Кавказе. Перипетии ирано-византийских и арабо-хазарских войн еще активнее вовлекали народы Северного Кавказа в бурный круговорот политической жизни середины I тысячелетия н. э.

Эпоха раннего средневековья на Северном Кавказе — это время кипучей военно-политической жизни, перемещения больших масс ираноязычных и тюркоязычных племен из Причерноморских степей, Средней и Центральной Азии, что привело к сложению тех народов Северного Кавказа, которых мы знаем сегодня. Не имея в интересующую нас эпоху своей письменности, эти народы не могли создать собственную письменную историческую традицию, в которой нашли бы отражение события внутренней и международной жизни, сведения о происхождении и о деяниях их правителей. Данные об этом мы можем почерпнуть лишь из скурых строк иноязычных авторов (греческих, латинских, грузинских и т. д.). Однако следует помнить, что эти сведения отрывочны, а порой и противоречивы, поскольку северокавказские племена упоминаются здесь лишь в связи с событиями, которые разворачивались достаточно далеко от интересующих нас мест.

Поэтому основным источником, документирующим жизнь народов Северного Кавказа в этот период, как и в более ранние эпохи, остается археологический материал: следы поселений и древние клады, погребения вождей и массовые могильники рядового населения, орудия труда и предметы вооружения, уникальные произведения прикладного искусства и сотни тысяч, казалось бы, неотличимых друг от друга фрагментов глиняной посуды, остатки монументальных крепостных сооружений и яркое многоцветье бус... Правда, этот обширный и разнообразный археологический материал до сих пор не сведен полностью в стройную систему, должным образом не классифицирован и не датирован. К тому же специфику подхода к изучению материальной культуры Северного Кавказа (как эпохи переселения народов, так и более раннего времени) составляет то, что часть вещей (предметы вооружения, поясные

наборы и т. д.) следует рассматривать на широком фоне материалов Евразии — от Забайкалья до Дуная и от Прикамья до Передней Азии и Балкан.

Работа ставит своей целью не только показать историю культуры и политические отношения местного горского населения и пришлых сармато-алан на Кавказе с момента появления последних на мировой исторической арене до сложения централизованного государства Алании, но и ввести читателя в лабораторию научного поиска. Спорные вопросы не только не будут обойдены, но на них мы обратим особое внимание. Автор проведет читателя по шатким мосткам, выводящим из моря фактов к стройной конструкции их описания и осмысления.

Читатель сможет оценить состояние источников и наших знаний о них, увидеть белые пятна, спорность ряда построений и отождествлений и сложность процесса исследовательского перехода от памятников материальной культуры и сведений древних авторов к связной истории народов Кавказа. Внимание будет обращено на пределы и возможности использования математических методов в археологии.

Чем продиктовано название предлагаемой книги? Каковы географические и хронологические рамки нашего повествования? Прежде всего это Центральный Кавказ, между ледяными вершинами Казбека и Эльбруса, включающий верхнее течение крупнейших водных артерий Северного Кавказа — Кубани, Кумы и Терека. На протяжении рассматриваемых двух тысячелетий (I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.) здесь складывались древние общества, культура которых обладала рядом специфических черт, объединявших племена Центрального Кавказа в единую культурно-историческую общность и отделявших их от обитателей степей, Северо-Западного Кавказа (Прикубанье и Черноморское побережье Кавказа), Дагестана и Закавказья, — в эти области мы будем заглядывать только тогда, когда без этого будет непонятен смысл событий, разворачивавшихся на изучаемой территории¹.

¹ В некоторой степени выбор указанных географических рамок объясняется направлением полевых работ автора, на протяжении последних десятилетий связанных преимущественно с районом Приэльбрусья, и стремлением проиллюстрировать работу материалами собственных раскопок, в значительной части не опубликованными.

Предгорья Эльбруса, не те, где мы видим 'фешенебельные кемпинги и высотные здания гостиниц, а оставшиеся вне туристических маршрутов, пленяют своим непреходящим очарованием вековой нетронутости временем. Стоит и сегодня уехать в горы недалеко от Кисловодска, будь то долина Ольховки, или Березовой с карачаевским аулом Элькуш, или Аликоновки с ее плоскогорьями, покрытыми альпийским разноцветьем, пасущимися отарами овец и табунами темно-гнедых и вороных скакунов, как забываешь о сегодняшнем дне. Те же нетронутые выпасы, белеющие выходы известняка, окаймляющие 'поверху глубокие долины, 'сверкающие на красных гранитах водопады, каменистые и крутые тропы, медленно бредущие за плугом или зорко смотрящие с высоких скирд орлы, ждущие своей добычи — потревоженных мощной техникой полевков.

Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хребтов загадочно синее,
Кричат орлы, пустынный ветер веет

И. Бунин

Как уже говорилось, хронологические рамки работы охватывают период с I тысячелетия до н. э. Почему же тогда в название ее вынесено имя алан — народа, засвидетельствованного на Кавказе и в прилегающих областях лишь с рубежа нашей эры? Предшествующая его история разворачивалась на иных территориях. Аланы выделились из обширной группы ираноязычных кочевников — сармат, занимавших степи Приуралья, Поволжья и Подонья. Уже с середины I тысячелетия до н. э. сарматы проникли в степное Предкавказье, вступив, согласно исследованиям крупнейшего специалиста по этой тематике К. Ф. Смирнова, в тесный контакт с местными племенами Северного Кавказа. Последние века до нашей эры ознаменованы здесь активными военными действиями между двумя крупными сарматскими племенными объединениями — сираками и аорсами. Именно из аорсской конфедерации племен выделились аланы, с именем которых историческая традиция связывает все важнейшие события, разворачивающиеся в центральной части Северного Кавказа на протяжении последующих полутора тысяч лет.

Из народов, обитающих на Кавказе в наши дни, только осетины сохранили иранскую речь. Но обращение «алан» в Приэльбрусье является синонимом слова «друг» и для тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, а жители южных склонов Большого Кавказа называют всех северокавказских горцев «аланами» в значении «герой, удалец, друг» [Абаев, 1958, с. 47].

Вклад исторических алан в этногенез того или иного народа Северного Кавказа еще требует всесторонней научной оценки, но и для осетина, и для балкарца, и для карачаевца наших дней нет сомнения в том, что аланы — это их славные предки.

Тема происхождения северокавказских народов остается сложнейшей в исследовательском, и прежде всего методическом, плане. Как оценить удельный вес местного кавказского населения (как говорят, «кавказский субстрат») в этногенезе, с какими археологическими культурами древности можно его связывать на разных этапах и вообще позволяет ли археологический материал решать эти вопросы однозначно? Как оценить вклад пришлых ирано- и тюркоязычных племен? В чем и как проявляется (и олицетворяется) непрерывная культурная традиция и каков механизм внедрения в нее новых элементов? Как отражаются в материалах археологии передвижения племен, включение (инкорпорация) пришельцев в местную среду, изменение физического типа населения или же победа того или иного языка? Анализ всех этих вопросов и заставляет нас углубиться в I тысячелетие до н. э. — время существования кобанской культуры в горах и предгорьях Кавказа.

Если в результате знакомства читателя с данной книгой он получит некоторое представление о том, в каком соотношении оказывались местные кавказские племена с разноязычными пришельцами, и ему захочется углубить свои знания, обратившись к специальной археологической литературе, я буду считать свою цель достигнутой. Обширность темы вызвала несколько «очерковый» характер изложения, а сложность ее потребует от читателя внимания к различным аспектам и процедурам историко-археологического исследования, поэтому шаряду с конкретно-историческими главами в работу введены раз-

дела, посвященные методике археологического анализа. И мне хотелось бы донести до читателя тот неуловимый аромат веков, с которым сталкивается историк и археолог при раскопках, вскрывая древнюю нетронутую гробницу или постигая значение строк древнего летописца, неясных ранее.

Вечно лишь то, что связует незримую связь
Душу и сердце живых с темной душою могил.
И. Бунин

Это очень остро чувствуешь во время археологических работ на Кавказе, видя то нескрываемое уважение к ним и интерес, которые проявляют люди разных профессий — от табунщика до строителя или учителя школы. Вечером в горах у костра за долгими рассказами о судьбах кавказских горцев всех нас охватывало чувство, что

Та красота, что мир стремится вперед,
Есть тоже след былого.

И. Бунин

Часть I

КАВКАЗ

Кавказ глазами древних и современных географов

Человек зонален во всех проявлениях своей жизни: в обычаях, в красоте, в одежде, во всей житейской обстановке.

В. В. Докучаев

Кавказ воспринимался древними авторами прежде всего как «огромная гора» (и это отражало специфику его ландшафта) и как «край мира», что определялось местоположением авторов, видевших его с юга (из Передней Азии и Закавказья) или с юго-запада — с берегов Черного моря, от легендарной Колхиды. В античной историко-географической литературе сведения о нем, расширяясь и углубляясь по мере роста географических знаний авторов древности, претерпевают определенные изменения, хотя традиционность представлений прослеживается довольно наглядно на протяжении тысячелетия — с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.

Как справедливо писал Прокопий в связи с определением границы между Европой и Азией, «по большей части все люди, проникшись каким-либо учением, восходящим к древним временам, упорно придерживаются его, не желая уже работать над дальнейшим исследованием истины и переучиваться в этом вопросе и принимать во внимание новые точки зрения: для них всегда все более древнее кажется правильным и заслуживающим уважения, а то, что является в их время, они считают достойным презрения и смехотворным» (Proc. De bello Got. VIII, 9—10).

Для Геродота Кавказ — «самая обширная и высокая из всех горных цепей» (Herod. I, 203). При этом большинству античных авторов он представлялся частью единой системы, протянувшейся от

Индии на востоке и до Балкан на западе. Огромное влияние на раннесредневековых авторов оказали сведения о Кавказе, собранные и обобщенные Страбоном, который, глядя на Кавказ из Малой Азии и мысленно пересекая главный водораздельный хребет, рисует смену ландшафтных зон почти в тех же выражениях, что и современные географы: «Эта гора возвышается над обоими морями — Понтийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора отделяет с юга Албанию и Ибернию, а с севера — сарматские равнины. Она покрыта лесами из всевозможных пород, и в особенности корабельным лесом» (Strab. XI, II, 15). Затем, конкретизируя картину, он описывает вершины недоступных гор, покрытые и летом снегом и льдом, с которых, «спускаясь к предгорьям, попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом... Эта область прилегает к равнинам сираков... Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем...» (Strab. XI, V, 7—8).

Для эпохи раннего средневековья развитие географических представлений о Кавказе мы можем проследить по данным Иордана и Прокопия (последний находился в Лазике во время ирано-византийских войн). Они добавили к сведениям, почерпнутым из древней и современной для них литературы, личные впечатления: «Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады: они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покрыты снегом, предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор» (Proc. De bello Got. IV, 3, 1—4).

Прокопию вторит Иордан: «Где он (Кавказский хребет.— В. К.) обращен на юг, он пламенеет, исходя парами на солнце; там же, где он открыт к северу, он покорствует студеным ветрам и обледенению» [Иордан, 1960, с. 153]. Или же: «Кавказский хребет, огромный и обширный, едва ли не величайший из всех, вознося высокие свои вершины, предоставляет народам неодолимые укрепления, воздвигнутые природой» [Иордан, 1960, с. 76].

Обобщая эти представления, мы видим, что древние историки и географы знали направление Кав-

казских гор (от Черного моря к Каспийскому), их высоту и неприступность, наличие проходов через них (об этом см. ниже) и ряда параллельных хребтов; им было известно, что на севере горы постепенно переходят в предгорья, сменяющиеся равнинами. В пределах Кавказа древние историки выделяли следующие крупные области: Закавказье (достаточно хорошо известное древним авторам, поскольку именно оно было плацдармом военных действий); горы Большого Кавказа, предгорья и равнины Северного Кавказа, переходящие в побережья указанных морей. Знали древние авторы (но уже менее детально) и о крупнейших реках Кавказа — Кубани (лучше) и Тереке (значительно меньше).

Сопоставим эти данные с представлениями современной географии о членении Северного Кавказа.

В начале XX в. В. Семенов-Тянь-Шанский, подчеркивая важность изучения «поверхностных образований в связи с рельефом, климатом и растительностью» [Семенов-Тянь-Шанский, 1915, с. 2], для Северного Кавказа выделял область Предкавказья, а также западную и восточную части Главного Кавказского хребта. Почти в это же время Л. С. Берг предложил свое учение о ландшафтах, в которых он видел такую «совокупность, или группировку предметов и явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира, а также до известной степени деятельности человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны земли» [Берг, 1947, с. 5].

Такой системный подход продуктивен не только для географии, но и для археологии. Для нашей работы особое значение имеет геоморфологическое районирование Большого Кавказа, предложенное еще И. Щукиным в 1926 г. Мы остановимся только на той территории, которая является предметом нашего рассмотрения. На западе границы ее — между речью Лабы и Урупа, на севере — пограничье со степью, на востоке — границы с Дагестаном, на юге — водораздельный Кавказский хребет. По районированию И. Щукина, в этих пределах выделяются следующие геоморфологические районы (с юга на север): Большой Кавказ членится на кристаллическую западную высокогорную область от верховьев

Псекупса на западе до Дарьяльского ущелья на востоке, включающую в себя междугорье между Скалистым и Главным Кавказским хребтом, и восточную часть — высокогорную сланцево-песчаниковую область Среднего Кавказа.

Центральный гранитно-гнейсовый массив с типичными для него острыми вершинами и зубчатыми гребнями является водоразделом в западной части этой территории, а в восточной (Северная Осетия) прорезан поперечными ущельями, и в этой части водоразделом служит более южный хребет. Многие долины рек (Кубани, Марухи, Аксаута и их притоков), как поперечные, так и боковые, имеют характер трогов — долин с широким, корытообразным дном, постепенно переходящим в крутые склоны, за которыми следуют перелом (край трога более четко выражен в гранитах и известняках, чем в сланцах) и пологая террасовидная площадка; иногда в дно трога врезана узкая речная долина. Эти особенности ландшафта определяют тип археологических памятников и их расположение. В целом высокогорная зона слабо насыщена археологическими памятниками.

К северу от Скалистого хребта простирается куэстовая область северного склона Большого Кавказа. В геологическом прошлом это равнина, сложенная осадочными породами, пологой наклоненной с юго-запада на северо-восток. Стекающие с Большого Кавказа реки прорезали ее довольно глубокими долинами, расширяясь в местах залегания мягких пород и образуя теснины с отвесными стенами в твердых породах.

Поверхности куэсты — плато, покрытые степной растительностью и создающие полную иллюзию бесконечных степных просторов. Однако географы справедливо подчеркивают, что на всю область куэст нельзя распространять понятие «предгорья», поскольку на севере они незаметно сливаются с равнинами Предкавказья, а их южные гребни поднимаются выше уровня снегов и представляют собой высокогорье [Щукин, 1926, с. 134].

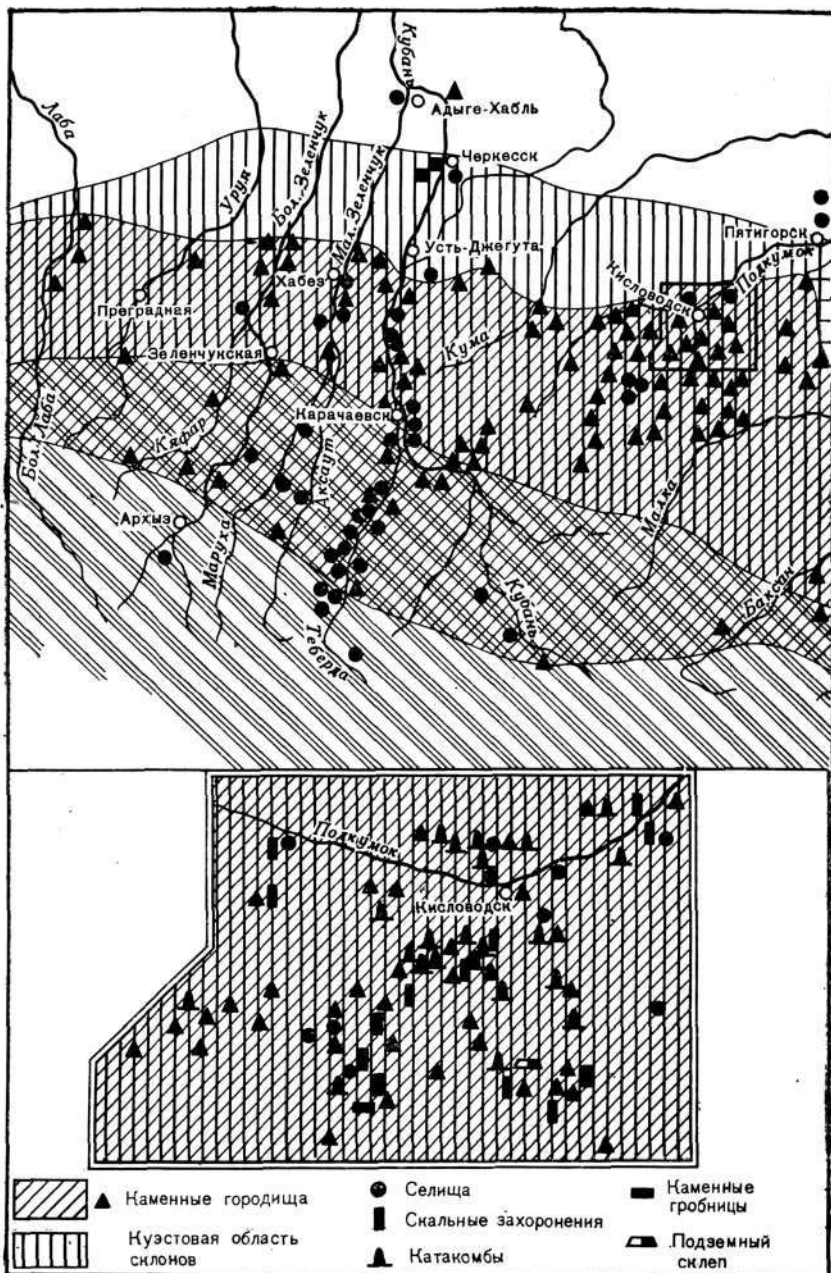
Куэсты — прекрасные пастбища для скота, и именно здесь сконцентрирована основная масса раннесредневековых археологических памятников. Северная часть уступов отличается мягкими очер-

таниями—холмистый рельеф с лесистыми балками, зона Черных Гор. К югу обращены скалистые стены с отвесными обрывами. Их специфику составляет наличие в известняках и песчаниках меловой эпохи многочисленных ниш, выдувов и пещер, как правило расположенных в склонах, обращенных на юг и часто использовавшихся для скальных захоронений, характерных лишь для западной части зоны куэст.

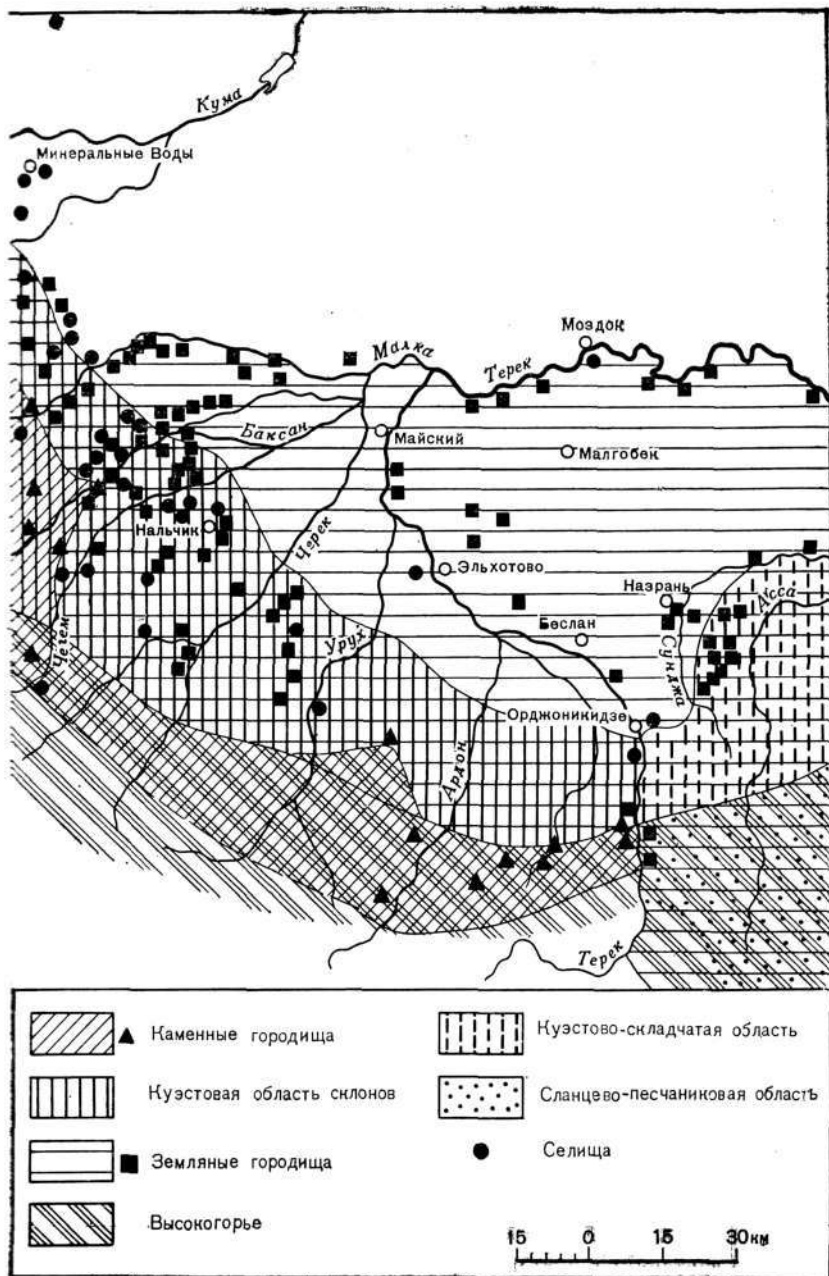
От описанной области достаточно резко отличается сланцево-песчаниковая область Среднего и Восточного Кавказа, сменяющая к востоку от Терека зону куэст и иначе называемая переходной куэстово-складчатой областью. Северная предгорная зона здесь—это холмы мягких очертаний (глины, мергели, песчаники), покрытые лесом и повышающиеся к югу, южная (с меловыми и верхнеюрскими отложениями)—хребты с острыми зубчатыми гребнями, прорезаемыми бурными горными реками, долины которых, как и на западе,—чередование узких теснин (где тропинки вьются вдоль карнизов почти отвесных скал и реку можно переходить только по висячим мостикам) с расширенными котловинами—например, Ассинской. Там прослеживается ряд террас, верхние из которых расположены на высотах 300—400 м над современным уровнем реки.

Особо выделяется географами вулканическая область Пятигорья, ограниченная на юге хребтами Джинала и Боргустана, а на севере—Ставропольской возвышенностью. Она как бы оказывается северным форпостом зоны куэст, выдвинутым в Предкавказье, в область степей и равнин, местом географически обусловленного усиленного контакта степных кочевников с горцами.

Некоторые географы [Виленкин, 1955; Гвоздецкий, 1963] при районировании Центрального Кавказа акцентируют внимание на меридиональных границах, проходящих по водоразделам Терско-Кубанскому и Терско-Сунженскому, выделяя, таким образом, Западный, Центральный и Восточный Кавказ. При таком подходе ландшафтные границы фактически игнорируются и горные области и предгорья рассматриваются как нечто цельное. Такое членение, принятое в географической литературе, не могло не повлиять на обобщающие работы и по археологии Северного Кавказа.

Геоморфология Северного Кавказа и распространение основных

типов средневековых археологических памятников

Если различия между равнинными и горно-предгорными областями очевидны географически и столь же наглядно прослеживаются в археологическом материале [Крупнов, 1960, с. 5; Марковин, 1960, с. 118], то значительно менее четко (особенно в связи с неравномерной изученностью горных территорий) сказывался ландшафтный подход при изучении археологии предгорных и горных районов Кавказа. Это существенно повлияло, в частности, на содержание дискуссий последних лет по поводу выделения локальных вариантов кобанской и аланской культур [Чеченов, 1969, с. 107—111; Виноградов, 1972, с. 184—264; Кузнецов, 1962, с. 120—122; Козенкова, 1974, с. 284—289; Ковалевская, 1981, с. 84].

А между тем, как мы видели, пересеченные долинами предгорья с вытянутыми в широтном направлении хребтами членятся самими природными условиями на ряд поясов, представляющих различные экологические ниши, по-разному использовавшиеся древними людьми в разные исторические периоды. Например, сплошное обследование правых притоков Подкумка в районе Малого Карачая и Кисловодска показало, что памятники кобанской культуры располагались в долинах, на конусах выноса малых притоков, тогда как цепь раннесредневековых крепостей занимает высокий берег тех же глубоких долин, причем разница в высотных отметках между этими памятниками может составлять до нескольких сотен метров. Вызывается это тем, что долины удобны для земледелия, тогда как остепненные луга на водораздельных плато — превосходные пастбища и сенокосы.

Рассмотрение этнической истории и археологии Кавказа в ключе принятых на данный момент географических представлений традиционно для отечественного кавказоведения. Мы столь подробно анализировали принципы подхода к географическому районированию Кавказа с целью выяснения того, какую географическую сетку целесообразнее накладывать на исследуемый нами археологический материал, чтобы она помогла его анализу и исторической интерпретации, чтобы любая совокупность памятников нашла в ней соответствующую географически и исторически обусловленную ячейку.

Немного предыстории

Азия сделалась народовержущим вулканом. С каждым годом выбрасывала она из недр своих новые толпы и стада, которые, в свою очередь, сгоняли с мест изверженных прежде.

Н. В. Гоголь

Тысячелетиями евразийские степи были подобны клокочущему котлу, выплескивавшему все новые и новые бурные потоки народов, наводнявшие степные просторы, вливавшиеся в плодородные долины и останавливавшиеся в преддверии гор. Горы и предгорья с оседлым земледельческо-скотоводческим населением, будь то Средняя Азия, Кавказ или Балканы, издавна притягивали кочевников: у каждой из этих историко-культурных областей был собственный длительный путь развития, измененный, а порой и прерванный подобным нашествием, свои установившиеся веками культурные и торговые связи. По-разному, отнюдь не по стереотипу, складывались взаимоотношения между местным оседлым горским и пришлым кочевым населением.

Чтобы яснее представить себе отношения, сложившиеся в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э. между местным горским населением Северного Кавказа и пришлыми ираноязычными племенами, мы попытаемся коротко, лишь с указанием основных вех, обрисовать археологию Предкавказья в предшествующую этому периоду эпоху освоения металла. Само географическое положение Кавказа между Передней Азией с ее высокоразвитыми цивилизациями, евразийскими степями и Европой оставалось залогом длительных и ранних контактов.

По мнению А. А. Формозова, для Северо-Западного Кавказа до III тысячелетия до н. э. характерно развитие «местных племен в традициях, сложившихся еще в мезолитическую и энеолитическую эпохи» [Формозов, 1977, I, с. 53], при наличии связей и обмена с югом (Малая и Передняя Азия) через Закавказье, где в это время расселились пришедшие из Передней Азии древнеземледельческие племена. В Дагестане в эпоху энеолита мы видим археологические памятники как местного горского населения, так и пришельцев из Закавказья, проникающих вплоть до

Центрального Предкавказья. Крупный специалист по археологии Кавказа эпохи бронзы В. И. Марковин справедливо писал об отсутствии общекавказского единства в эпоху ранней бронзы [Марковин, 1974, с. 48], приводя в качестве примера крупное древнее (середины III тысячелетия до н. э.) передвижение племен, принесших на Северо-Западный Кавказ с Пиренеев традицию сооружения дольменов.

Ко II тысячелетию до н. э. заметно ослабевают связи с югом. К этому времени относится интенсивное освоение местных меднорудных месторождений в горах и на этой базе развитие металлургии меди, развитие земледелия и яйлажного скотоводства, причем существенным компонентом становятся усилившиеся связи со степным миром, почти вплотную подступившим к северокавказским предгорьям.

Со второй половины II тысячелетия до н. э. для Центрального Предкавказья документированы более тесные связи с Закавказьем, и менее заметные — со степными племенами; именно на этой территории в эпоху бытования северокавказской культуры Е. И. Крупнов [Крупнов, 1960, с. 71] и А. А. Иессен видят существование особого культурного очага, резко отличного от окружающей культурной среды и продолжавшего и в это время развивать формы, приемы и традиции местной металлургии II тысячелетия, вытесненные в соседних областях новыми формами кобанской бронзы.

Кобанский могильник и открытие кобанской культуры

В Тагаурии, на северо-восток от горы Казбек, в Дергавском ущелье, на реке Гизель или Кобан-дон, в том месте, где Гизельдон прорывает лесистые края, расположенные между снеговыми вершинами Казбека и описываемой местностью, и соединяется с Кобан-доном, на скалистом отроге высятся развалины замка, возведенного, по преданию, Тагауром.

П. С. Уварова

В прошлом веке знаток и исследователь кавказской археологии, председатель Московского археологического общества Прасковья Сергеевна Уварова,

плененная красотами края и богатством памятников древности, объездила «нагорные пространства и глухие ущелья, лежащие вне всяких дорог и сообщений, до которых, за редкими исключениями, можно добраться только верхом» [Уварова, 1894, с. 2].

Кобанский могильник, давший название самой блестящей и яркой археологической культуре Кавказа, сразу привлек внимание русских и иностранных ученых к доисторическим древностям Кавказа. В истории его исследования и публикации материалов как в зеркале отражаются светлые и темные стороны характера археологических работ на протяжении свыше ста лет. Могильник был открыт случайно, когда весенние воды Гизель-дона подмыли вторую береговую террасу, а в обвале оказались бронзовые предметы и человеческие кости.

Бронзовые предметы кобанской культуры (тогда она называлась не так и до той поры была не только неизвестной, но и неожиданной в горном захолустье) привлекают каждого, даже не посвященного в археологические тайны, своим удивительным совершенством форм, обилием и, я бы сказала, монументальностью, «грандиозной в своей первобытной форме» [Уварова, 1887, с. 81] выразительностью зооморфной пластики. Вот почему обнаружившие их осетинские крестьяне не выбросили эти предметы, а передали в руки владельцу тех мест Хабошу Канукову, которого многие поколения археологов будут с того момента вспоминать отнюдь не добрым словом.

Алдар Хабош Кануков — потомок владельцев замка, о котором говорится в эпитафии П. С. Уваровой к данной главе. Он переселился к этому времени ближе к аулу, в урочище Харбзат, где между Верхним и Нижним Кобаном весенние потоки обнажили огромное могильное поле, скорее всего ряд могильников, представляющих все стадии развития кобанской культуры с эпохи поздней бронзы до средневековья.

Собрав коллекцию кобанских бронз, Хабош Кануков в 1869 г. продал ее в Тифлисский музей (ныне Музей Грузии в Тбилиси), где она позднее была изучена и описана Г. Д. Филимоновым, который в 1877 г., в преддверии намечавшегося на 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе, приступил к раскопкам на Кобанском могильнике [Филимонов,

1878, с. 2—6], продолженным в следующем году В. Б. Антоновичем [Антонович, 1882, с. 242—246].

П. С. Уварова, не раз бывавшая в Тагаури, с огорчением замечала, что «Кобань стала известна всей Европе и любимейшим местом посещения и раскопок как русских, так и иностранных ученых или любителей. Более же других в этой местности поработал вышеупомянутый Хабош Кануков, который, живя на месте, составил себе из раскопок доходный промысел и добыл из могильника массу предметов, обогативших главным образом Сен-Жерменский музей близ Парижа, музеи в Лионе и в Вене и частные собрания Вирхова в Берлине, К. И. Ольшевского, А. В. Комарова и графа А. А. Бобринского» [Уварова, 1900, с. 8]. И вот сразу же после V Археологического съезда в Тифлисе, проведенного более века назад, когда были опубликованы еще небольшие предварительные отчеты по раскопкам Кобанского могильника, в Европе появляются блестяще иллюстрированные тома, посвященные древностям Кавказа, жемчужными зернами которых являются кобанские бронзы [Chantre, 1887]. К концу 80-х годов прошлого столетия относятся раскопки Кобанского могильника, проведенные по поручению Императорской Археологической комиссии преподавателем реального училища во Владикавказе В. И. Долбежым, много сделавшим для кавказской археологии².

Однако добытое при научных раскопках могильника (с составлением планов раскопанных участков, с чертежами погребений) составляло лишь малую долю того, что оказалось в виде разрозненных материалов и плохо документированных коллекций в руках частных лиц благодаря «деятельности» Канукова, вскрывшего около 600 погребений. Чтобы представить себе воочию тот урон, который нанесен им археологии Кавказа, вспомним для сравнения Гальштатский могильник VIII—V вв. до н. э., открытый в 1824 г. в Швейцарии и ставший известным миру по раскопкам любителя, а не специалиста И. Г. Рам-

² Раскопки В. И. Долбежева были отражены только в очень кратких публикациях, но в архиве Ленинградского отделения Института археологии счастливо сохранились ежегодные журналы раскопок, произведенных им на Кавказе; поэтому его материалы остаются бесценным источником для изучения кобанской культуры многими поколениями археологов [Алексеева, 1949; Абрамова, 1974].

сауэра в 1846—1863 гг., близкий по времени и характеру материала к Кобанскому и именно загадкой этого сходства подогревший в свое время живой интерес в Европе к кобанским древностям. Ведь в Европе на протяжении последующих полутора веков полевых исследований не появилось другого аналогичного по объему (первоначально вскрыто 993 погребения) и значимости памятника. Интерес к этому замечательному могильнику определяется его размерами, многочисленностью погребений (к настоящему времени их исследовано до 2000) и богатством оставившего его населения, о чем свидетельствует могильный инвентарь.

Главное заключается в том, что этот материал благодаря документации по комплексам давал возможность представить жизнь определенной группы населения на протяжении примерно 350 лет. Изучение коллекций, дополненное материалами сохранившихся в Лондонской библиотеке Общества антиквариев (созданного в 1718 г.) рукописных «протоколов» раскопок И. Г. Рамсауэра и каталога Венского музея природы, позволило в самое недавнее время прекрасно издать, а затем подвергнуть такой математической обработке материал Гальштатского могильника [Barth, Hodson, 1976; Hodson, 1977], что методически эта работа может служить примером для исследования древних могильников, раскапываемых в наши дни.

В отечественной археологической литературе восполнить урон, нанесенный хищническими раскопками «любителей», было призвано осуществленное Московским археологическим обществом с 1888 по 1916 г. под редакцией П. С. Уваровой титаническое издание тринадцати томов монументальных, не превзойденных по качеству иллюстраций и полноте охвата источников «Материалов по археологии Кавказа». Особый интерес для нашей темы представляет восьмой выпуск «Могильники Северного Кавказа», включающий 381 страницу текста и более 130 прекрасно исполненных таблиц,— настольная книга каждого кавказоведа, к которой мы не раз будем обращаться на протяжении дальнейшего изложения.

В предисловии, написанном П. С. Уваровой, говорится, что с публикацией книги возникла «возможность русским ученым, во-первых, оправдаться перед

Европой изданием научного материала, вещцелю принадлежащего России, но до сих пор обработанного преимущественно иностранными учеными, а во-вторых, воспользоваться им для дальнейших трудов и научных выводов, которые станут возможнее и доступнее при материале, собранном в одно целое и более или менее систематизированном» [Уварова, 1900, с. IX].

Превосходное знание обширных коллекций, происходящих с Северного Кавказа, позволило Алексею Сергеевичу и Прасковье Сергеевне Уваровым предложить периодизацию кобанской культуры, выдержавшую испытание временем, так как в ней четко отмечены все основные пограничные вехи развития древних культур Кавказа. Начало кобанской культуры с момента открытия блестящих кобанских бронз отнесено исследователями к последним векам II тысячелетия до н. э. Мы оставляем в стороне вопросы уточнения этой даты, проблемы взаимоотношений кобанской и во многом сходной с ней колхидской культур (или же точку зрения о единой колхидско-кобанской культуре). Нам необходимо проанализировать особенности памятников кобанской культуры, не теряя при этом исторической перспективы. Однако, прежде чем остановиться на этих вопросах подробно, необходимо выяснить, что вкладывает археолог в понятие «археологическая культура» и какова историческая реальность, стоящая за этим понятием.

Факты и обобщения

Громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы с них и начать, для того чтобы посредством определений привести их в порядок.

Р. Бэкон. «Новый органон»

Могильник, поселение или же древний клад и все, что происходит из этих комплексов (от обломков глиняных сосудов или отщепов кремня до монументальных сооружений), составляет основную источниковедческую базу археологии. Интересно, как археолог разбирается в море фактов. Какие операции и в какой последовательности производят над мате-

риалом начиная с того момента, как он выкопан, попал в руки ученого и оказался запечатленным в виде рисунка, чертежа или перфокарты? Как и с помощью каких дополнительных средств от археологических фактов мы переходим к археологическим научным построениям?

Любой обнаруженный предмет, оказавшись в руках археолога, ставит целую серию вопросов. Прежде всего необходимо сразу же определить, что он собой представляет функционально и морфологически. Уникален ли он или повторение того, что уже известно (то есть здесь проявляется умение различать и отождествлять предметы)?

Нам нужно знать, как этот предмет и аналогичные ему распределены во времени и пространстве, как следует их упорядочить, что им предшествует, с чем они связаны генетически. Таким образом, следует ответить на вопросы, поставленные в определенной последовательности: что, где, когда? Это, собственно, еще описательная, эмпирическая стадия. Далее следуют вопросы, объясняющие это явление. Рассматривая данный археологический материал в системе наших знаний, необходимо понять, как отражают предмет или совокупность предметов стоящую за ними реальность — самих некогда живших людей, уровень развития производства и общественных отношений, исторические события и идеологические представления, характер торговых и культурных связей. Тут уже ставятся вопросы, связанные с интерпретацией фактов (как, почему, каким образом), и для ответа на них следует применить методы дедукции и индукции, экстраполяции, моделирования, перехода от простого к сложному, вводя уточненную номенклатуру, определяя законы перехода от археологических фактов к историческим построениям и принятые в этом случае допущения и ограничения.

Поэтому история археологии это не столько и не только история раскопок, то есть открытия новых материалов, пусть ярких и блестящих, сколько история изменений наших представлений о возможностях и способах интерпретации материалов и конкретное проявление этих интерпретаций в реконструкции прошлого. Углубление наших представлений характеризуется применением все более точных и

эффективных методов познания — будь то новые методы датирования, экспериментальные работы, методы математической статистики и теории информации. На очереди дня стоит переход к углубленному анализу, когда нам важны как конечный результат, так и выработка чутких, тонких и объективных приемов, которые помогут извлечь максимум информации из имеющегося в нашем распоряжении материала. В методике археологического исследования нет еще единообразия и однозначности в определениях, многие положения здесь спорны или неясны, а на часть вопросов до сих пор нет ответов, но поскольку в данной работе нам не раз придется, говоря о кобанской или скифской, сарматской и аланской культурах, оперировать термином «археологическая культура» (в дальнейшем — АК). — одним из фундаментальных понятий археологической науки, то следует подробнее рассмотреть содержание этого понятия и дискуссионные аспекты его толкования.

Для археологов основным предметом исследования являются археологические факты. Прошло уже то время, когда археологическое исследование основывалось на единичных фактах и наблюдениях. Бедой науки нашего времени скорее может стать обилие вещественных источников, когда в результате интенсивных раскопок накапливается огромный полевой материал, который сложно опубликовать без потери информации и еще труднее обобщить, ведь каждые пятнадцать-двадцать лет объем материала по меньшей мере удваивается. Темпы накопления материала не должны слишком сильно опережать развития методик, интенсифицирующих его исследование. Каждый вновь открытый и исследованный памятник (могильник или поселение) всегда в определенной мере уникален и в то же время обладает рядом черт, свойственных достаточно широкому кругу памятников.

Наша задача состоит в том, чтобы наиболее точно определить место изучаемого памятника в ряду других (во времени и пространстве), что и означает отнесение данного памятника к определенному локальному варианту той или иной АК. В явной или неявной форме, но понятие АК присутствует почти в каждом археологическом исследовании. Несмотря на это, к настоящему времени нет единства во взглядах по всем основным вопросам, связанным

с интерпретацией археологических материалов в этом ключе.

До сих пор исследователи не пришли к определенному решению относительно того, для каких этапов истории можно говорить о наличии археологических культур³, каково время существования той или иной АК, то есть где следует видеть смену археологических культур, а где — этапы одной культуры. Сходный вопрос возникает при определении пространственных границ культуры и соотношения данной АК с ее локальными вариантами. Ведь нельзя же согласиться с таким явлением, когда одним исследователем несколько памятников с очень узкой датой (а бывает и всего один) интерпретируются как особая культура, тогда как другим эта же группа рассматривается как представляющая определенный этап одного из локальных вариантов культуры (много подобных примеров мы видим, обращаясь к археологии Приуралья; археологии Кавказа, пожалуй, присуща противоположная тенденция).

К настоящему времени можно насчитать около двух десятков теоретических работ, ставящих своей задачей специальное рассмотрение проблемы АК. Начнем с того, что именно большинством исследователей принимается за объект исследования: «элементы» [Жуков, 1929], «группы» [Blume, 1912], «некий организм» [Городцов, 1925], «типы остатков» [Child, 1929] или же «типы находок», «стиль в культурах» [Schuchardt, 1926], комплекс «признаков», [Артамонов, 1949] или «памятников» [Фосс, 1949], «локальные образования», [Брюсов, 1952], «совокупность вещественных признаков» [Удальцов, 1953] или «находок», «археологические памятники» [Монгайт, 1967; Клейн, 1970; Захарук, 1964] или «группу памятников» [Каменецкий, 1970]. Собственно, в разных по форме определениях речь идет об одном — об археологических памятниках, сумма, а вернее, сложная динамическая система которых и составляет АК. Поскольку архео-

³ По А. Я. Брюсову, они появляются в неолите [Брюсов, 1952, с. 18] или с позднего палеолита [Брюсов, 1958, с. 6]; А. П. Смирнов говорит о них лишь для первобытной археологии [Смирнов, 1964, с. 3]; И. С. Каменецкий доводит их до эпохи древних государств; М. И. Артамонов считает, что культура и цивилизация означают одно и то же, причем цивилизация — это археологическая культура классового общества [Артамонов, 1969].

логические памятники характеризуются определенным набором признаков, в некоторые определения АК включаются характеристики присущих этим памятникам свойств как «типичных» [Жуков, 1929], «своеобразных» [Blume, 1912], «постоянно встречающихся» [Child, 1929], «связанных», «обладающих сходством или отличием», «этнографических» [Артамонов, 1949].

Критериями выбора признаков, характеризующих АК, являются их специфичность, конкретность, необходимость полноты списка, возможность использования количественных характеристик, узость ареала каждого из них. Выбор производится из всей суммы археологических источников. Сюда входят и орудия труда, и предметы быта, и оружие, и керамика и ее орнамент, и украшения (особенно женские), и характер жилища и его конструктивные детали, и очаги, и типы могильных сооружений, и детали погребального обряда, и т. д. Раз именно своеобразие ряда конкретных черт позволяет из обширной массы памятников выделить близкие (сходство внутри группы подчеркивается отличием от других групп), АК существуют реально, а не только играют служебную роль [Смирнов, 1964, с. 10] для наших построений. В определение АК включается представление о занятой ею территории, «сплошной» (М. Е. Фосс; А. Я. Брюсов; Ю. Н. Захарук) или по крайней мере «определенной» (В. С. Жуков; А. А. Формозов), то есть памятники одной АК занимают некую территорию (вначале, как правило, сплошную), границы которой меняются в процессе существования культуры — они могут расширяться и суживаться. АК может сегментироваться, когда группа населения — носитель той или иной АК — переселяется на другую территорию.

Все это тесно связано с вопросом о характере границ между археологическими культурами: они могут быть достаточно четкими, если идут по естественно-географическим рубежам. Например, северная граница кобанской культуры, идущая по пограничью степей и предгорий, прослеживается гораздо лучше, чем западная и восточная, где рубежами являются междуречья. Среди исследователей не утихают споры о том, являются ли те или иные памятники этого пограничья смешанными (зона контакта двух культур), или же их следует относить к одной из

двух граничащих между собой археологических культур [Крупнов, 1960; Виноградов, 1972; Козенкова, 1977; Марковин, 1980].

В некоторых случаях между археологическими культурами выявляются «нейтральные зоны», тогда размытые границы приобретают желаемую четкость. Проблема границ между археологическими культурами и членения последних на локальные варианты, так же как и проблема времени существования АК и деления ее на этапы (периоды, стадии), прежде всего упирается в вопрос о мерах сходства и отличия между группами памятников. Коль скоро не введены количественные оценки степени сходства, не определен набор необходимых и достаточных признаков, выделение археологических культур остается операцией произвольной и субъективной. Стоит обратиться к археологической карте Приуралья, пестрящей только для одного раннего средневековья таким обилием «культур», имеющих весьма узкую территорию и время существования, как становится ясным, что сопоставлять эти «культуры» с АК смежных территорий или других периодов просто невозможно в силу их таксономической неравноценности. Собственно, как правильно указал И. С. Каменецкий, полемизируя с В. Ф. Генингом, хронологические этапы и локальные варианты трактуются в данном случае как отдельные АК [Каменецкий, 1970, с 24], а этим мы лишаем АК присущего ей развития во времени и изменения в пространстве, рассматривая статически «живую и динамическую систему».

Неразработанность этих критериев сходства и различия — самое слабое место наших теоретических построений. «Измерение» как основной путь исследования включалось в определение АК еще В. А. Городцовым [Городцов, 1924; 1925]. В 1929 г. В. С. Жуков говорил о необходимости «количественного и качественного учета и выделения тех характерных признаков, которые определяют группы» [Жуков, 1929]. В большинстве работ последующего периода этому вопросу отводилась роль «археологической кухни», и выносить его на обсуждение представлялось авторам излишним. В этом случае в определении давался как бы результат такой аналитической работы, проведение которой подразумевалось, корреляция между признаками выражалась не количественно, а качествен-

но: «комплексы... находок» [Монгайт, 1967], «определенный комплекс археологических предметов», «совокупность археологических памятников» [Клейн, 1970], «система типов» [Шер, 1976], «культурный комплекс» [Клейн, 1970]. В представлении археолога, выделявшего АК, существовал «средний «памятник», эталон, несший в себе сочетание тех черт, которые характеризовали культуру.

В настоящее время в советской и зарубежной археологии существуют многочисленные разработки математико-статистических методов оценки сходства (например, поселений или культурных напластований) по процентному соотношению массового материала [подробнее: Ковалевская, Погожева, Погожев, 1970; Ковалевская, 1976], вводятся точные критерии определения значимости признаков [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975; Подольский, 1972; Федоров-Давыдов, 1981]. Поставлен вопрос о том, что средствами математики следует выбирать критерия для выделения этапов и локальных вариантов в пределах археологических культур [Артамонов, 1961; Каменецкий, 1970; Клейн, 1970]. Чтобы подойти к рассмотрению АК «в системе взаимно координированных понятий» [Клейн, 1970], следует вернуться к тому, как исторически складывалось это понятие в теоретической археологии на протяжении двух последних столетий.

На начальной стадии развития археологии, в частности европейской, когда в музеях уже были сосредоточены обширные археологические коллекции, задачей первостепенной важности стало их упорядочение по культурно-историческим стадиям с опорой на данные стратиграфии (если колонка строилась по материалам поселений) или на корреляцию основных типов вещей из погребений и иных закрытых комплексов [Montelius, 1903].

В тот период в археологии преобладала терминология, заимствованная из эволюционной биологии и предназначавшаяся для упорядочения памятников культуры во времени — по «эпохам», «периодам», «стадиям» (ср. в современной школе археологов США: *pattern — phase — aspect — focus — component*). Другим важнейшим орудием исследования стал метод картографирования: определялись ареалы отдельных признаков, типов вещей и их сочетаний, в резуль-

тате чего выделялись «культурные провинции», «культурные группы», «культурные круги» (в частности, в работах немецких археологов и этнографов; ср. в США: *culture area—region—locality*). Собственно, мы видим изолированное рассмотрение двух сторон АК — развитие ее во времени, периодизация, и изучение ее ареала и локальных вариантов; эти два направления закономерно должны были слиться.

Теперь посмотрим, как решалась проблема соотношения АК и этноса — вопрос весьма важный и сложный. В явной и неявной форме многие определения АК содержали допущение, что рассматриваемая культура являлась культурой определенного народа [Артамонов, 1971, с. 29]. По Ю. Н. Захаруку, АК отражает «территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка» [Захарук, 1964, с. 39]. В свою очередь, И. Ю. Брайчевский высказался еще более определенно: «Культуру, которой не отвечала бы одна, и только одна этническая общность, мы не признаем культурой» [Брайчевский, 1965, с. 18]. Следует отметить, что в большинстве работ вопрос соответствия АК и этноса решался негативно. Однозначного соответствия между этносом и археологической культурой нет [Монгайт, 1967; Арутюнов, Хазанов, 1979], хотя археологическая практика зачастую негласно предполагает противоположное.

В настоящее время этот вопрос подвергся разбору в этнографической и археологической литературе. Какими важнейшими понятиями современной этнографической науки мы можем оперировать при его решении и с чем соответственно можем сопоставлять АК, чтобы сохранить и учесть принятую в этнографии «систему взаимно координированных типологических понятий различного таксономического уровня» [Мелконян, 1976, с. 52]? Прежде всего это понятия «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) и «историко-этнографическая область» (ИЭО), выделенные еще в 1965 г. М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым [Левин, Чебоксаров, 1965, с. 4—10], успешно применяющиеся в этнографии поныне и имеющие определенные соответствия в археологии.

ХКТ отражает выработанные в процессе исторического развития на основе общности естественно-географических условий «комплексы особенностей

хозяйства и культуры» [Левин, Чебоксаров, 1965, с. 4]. ИЭО выявляет локальную специфику этих систем, когда в силу общности социально-экономического развития, взаимосвязей и взаимовлияний складываются культурно-бытовые особенности. Соотношение археологической культуры с этими этнографическими понятиями весьма различно: АК может соответствовать хозяйственно-культурному типу или его локальному варианту, иногда же варианты АК соответствуют разным ХКТ. Характерные черты АК могут помочь картографировать ИЭО в древности [Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 49—50].

Если же говорить об этнической интерпретации АК, то следует согласиться с тем, что ни в коей мере нельзя выделять «этнос на основе отдельно взятых элементов культуры — будь то погребальный обряд, форма каменных орудий или тип керамики и ее орнаментации» [Арутюнов, Хазанов, 1978, с. 2]. Определение этнической принадлежности носителей отдельных археологических культур древности требует сопоставления археологических материалов с данными лингвистики, письменных источников, антропологии, фольклористики, топонимики, следует использовать ретроспективный и типологический методы, статистические подсчеты, картографию и т. д.; но даже в этом случае мы не сможем выйти за рамки гипотетических построений. Мы попытаемся также конкретно осветить некоторые из тех этногенетических вопросов, которые позволяет ставить археологический материал в сопоставлении с данными письменных источников, палеоантропологии и других наук, чтобы воссоздать отдельные страницы истории племен, населявших Кавказ в древности.

Еще один кобанский могильник

То, что мы теперь считаем врожденным суеверием, было для наших предков вполне естественным убеждением. Находя, по-видимому, оправдание в каких-то неведомых нам фактах, они полагали, что мертвое тело наделено некоей таинственной силой, способной причинять зло.

Амброс Бирс

Если вскрытый могильник не ограблен в древности и в последующие эпохи и все, что в нем сохранилось и не подверглось гниению, дошло до нас, — это

огромная удача для археолога. К тому же, если его удалось раскопать полностью, то информация, дошедшая до нас, резко увеличивается. Тогда мы сможем словно заглянуть в жизнь древнего коллектива, оставившего этот могильник, не только увидеть то оружие, которым сражались воины, те орудия, с помощью которых они трудились в мирные дни, но и представить себе, что думали они о жизни и смерти, какова была социальная структура и т. д.

Известно, что смерть сородича всегда вызывала у людей двойственное чувство. С одной стороны, ему следует отдать последний долг, снабдить всем ценным, чем он обладал, для загробного путешествия, для жизни в загробном царстве и, очевидно, «для отправления культов в мире без возврата» [Антонова, 1980, с. 21], построить надежный «дом мертвых», дать с собой еду и питье, оружие и орудия труда, одеть его и украсить. С другой стороны, нужно обезопасить живых от его возможного возвращения или губительного влияния, причем, чем большим влиянием он пользовался при жизни среди соплеменников, тем опаснее мог оказаться после смерти и тем весомее должны были быть меры, принятые для того, чтобы его обезвредить. Благодаря обычаю погребать с человеком те предметы, которые символизировали его функции рядового члена общества, военачальника или шамана, — орудия труда, парадное или военное оружие, пиршественные чаши, культовые жезлы, жертвенники и т. д. — мы получаем представление о культуре изучаемого нами общества.

Анализ различий в составе инвентаря отдельных погребений указывает на разное положение в пределах древнего коллектива тех людей, чьи погребения обнаружены. Наша задача — определить, какой смысл был ими вложен в эти отличия. Участие антропологов в экспедиционных работах позволяет точнее определить те манипуляции, которые производились с погребаемыми, и попытаться установить их смысл.

Рассматриваемый ниже могильник позднекобанской культуры был полностью раскопан в 1977—1979 гг. археологической экспедицией под руководством автора в зоне Эшкаконского водохранилища.

Устье Эшкаконского ущелья находится в 18 км к западу от Кисловодска. Ущелье, широкое в ниж-

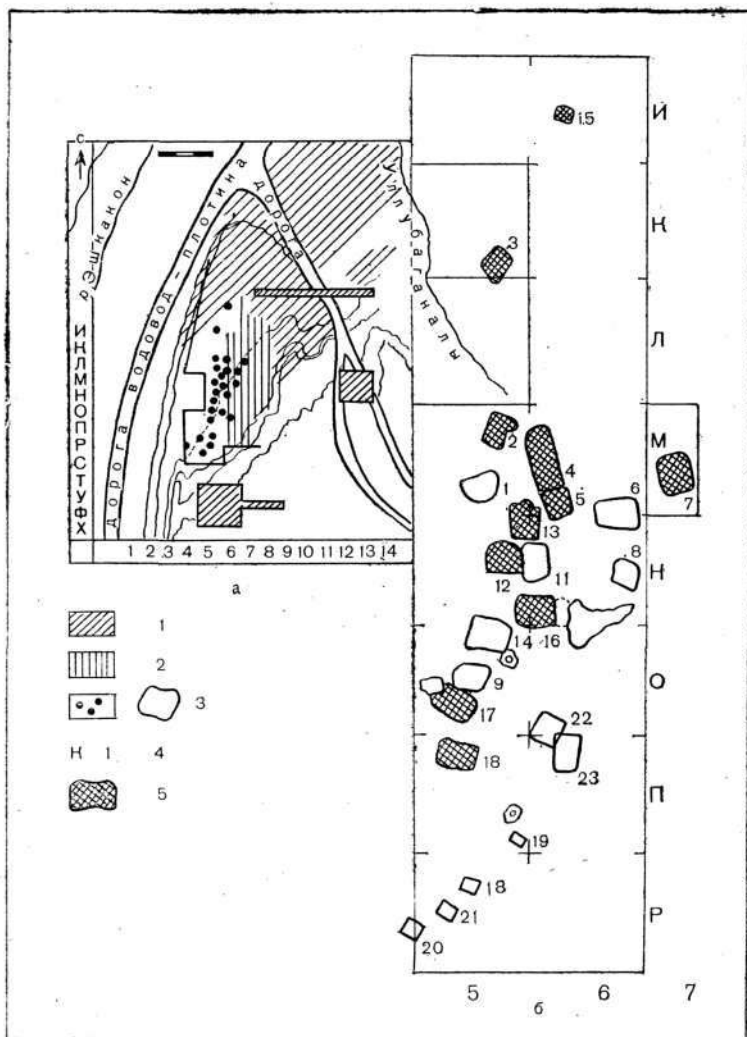
ней части, постепенно сужается к верховьям; оно ограждено похожими на боевые корабли плосковершинными крутыми мысами, на некоторых из них располагались средневековые труднодоступные крепости, находящиеся между собой в зрительной связи.

По мере продвижения вверх по ущелью отдельные рощицы из низкорослых деревьев сменяются густыми, труднопроходимыми лесами, где и сейчас можно встретить кабана и серну, волка или медведя. Ущелье становится труднодоступным: плато Бийчсын в верховьях Эшкакона является водоразделом трех основных рек Северного Кавказа — Кумы, Терска и Кубани. Все плоскогорья над изрезанной Эшкаконской долиной представляют собой прекрасные альпийские пастбища для стад, отар и табунов, пасущихся здесь с ранней весны до первого снега (он выпадает тут в конце сентября, а в конце октября — начале ноября ложится прочным покровом). В верховьях ущелья разведки выявили древние могильники и поселения на абсолютной высоте более 2000 м над уровнем моря.

Могильник, о котором пойдет речь, располагался на конусе выноса правого притока Эшкакона — небольшой реки Улубаганалы, или Муртаз-Кол-Айгы, на высоком мысу. Его территория вытянута по длинной оси с юго-запада на северо-восток на 35 м, по короткой оси он имеет всего около 10 м. С трех сторон могильник окружен поселением того же времени, причем с юга и юго-востока он огражден невысокой каменной стеной, сохранившейся в виде развала камней под дерновым слоем. Все погребения (а их обнаружено одиннадцать мужских, шесть женских, пять детских и два кенотафа⁴) были не только не разграблены, но и не повреждены (за двумя исключениями). При погребенных найдены оружие и орудия труда, украшения и керамика, напутственная пища и питье. Наша задача заключается в том, чтобы использовать всю заложенную в этих материалах информацию путем обработки ее с помощью традиционных методов и формализованных процедур.

Могильник был грунтовым; никаких следов на

⁴ Кенотаф — небольшой каменный ящик, заполненный лишь материковым грунтом с угольками, в нем отсутствует погребение.

Улубаганалы. Схема расположения поселений и могильника (а) и план могильника (б). Раскопки автора 1977—1979 гг.
 1 — поселение, синхронное могильнику; 2 — раннее поселение; 3 — могилы; 4 — сетка квадратов; 5 — мужские погребения

поверхности в настоящее время не осталось, за исключением нескольких крупных скальных обломков рядом с погребениями. После снятия двух «штыков» (так при археологических раскопках называется пласт послойно снимаемого землекопами грунта мощностью 15—20 см) обнаружались каменные перекрытия могил и каменные выкладки⁵ со следами «тризны» — фрагментами разбитых сосудов, поставленных около погребения.

Конструкция могильных сооружений разнообразна: грунтовые могилы, каменные ящики из четырех вертикально поставленных достаточно мощных известняковых плит, каменные гробницы, стены которых возведены из положенных горизонтальными рядами камней. При этом каменные ящики, специфичные для ранних памятников кобанской культуры, в исследованном могильнике использовались только для детских и самого древнего женского захоронений. Погребения были очень неглубокими. К удивлению местных жителей, которые много лет копали здесь землю под огороды, лишь самые глубокие из могил достигали 1 м от уровня современной поверхности, а глубина большей части составляла всего 50—70 см.

Довольно интересны конструктивные детали погребальных сооружений. Этнографические параллели и лингвистические данные свидетельствуют о том, что в древних обществах место последнего упокоения — могила — трактовалось как последнее жилище человека. Отсюда — конструктивная близость между жилищем живых и «жилищем» мертвых. Пристальное изучение показало, что в рассматриваемом могильнике каменные ящики и каменные гробницы сооружались следующим образом; например, для устройства самого раннего в могильнике каменного ящика № 22 в слое более древнего поселения был вырыт котло-

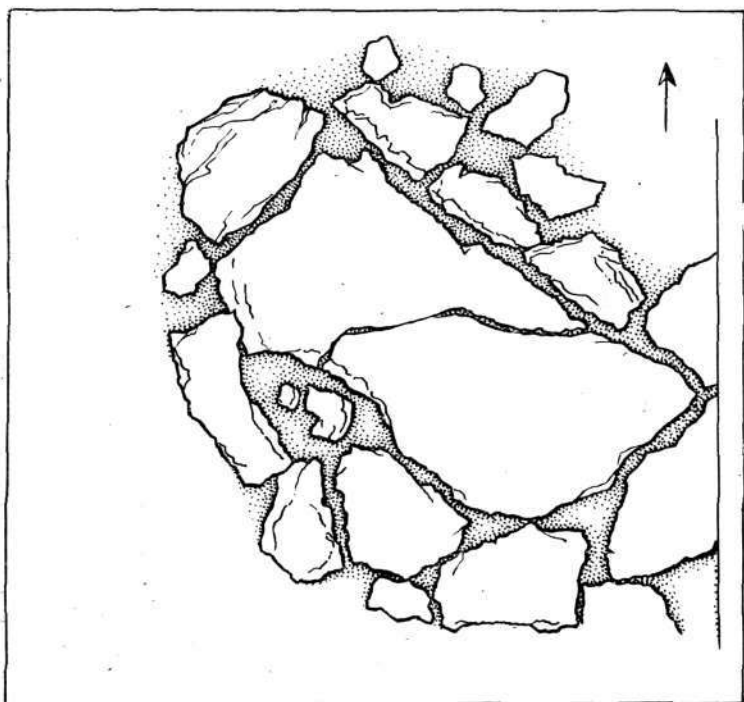
⁵ Как известно, почва обладает удивительным свойством, которое мы можем наблюдать постоянно, так же как и нарастание культурного слоя: предметы, оставленные на поверхности (на так называемой «дневной»), включая каменные сооружения и отдельные камни, с течением времени не только зарастают, но и «погружаются» на дно почвы» [Грязнов, 1973, с. 67] и, таким образом, оказываются лежащими непосредственно на материке (иногда, как в нашем случае, на культурном слое, поскольку частично могильник заходил на территорию поселения IX—VIII вв. до н. э.), но не на дерновом слое или в его толще, а в основании.

ван до материка площадью примерно вдвое большей, чем сам каменный ящик; затем внутри на выровненной поверхности поставили вертикально четыре достаточно массивные плиты размером 85×120 см (при высоте 40 см). Затем по внешнему периметру положены горизонтально в один-два ряда обломки известняка, подпиравшие снаружи стенки каменного ящика и засыпанные землей до верхней кромки плит. Дно могильной ямы аккуратно вымощено каменной щебенкой. Сходная последовательность процедур применялась и при возведении описываемых ниже жилищ.

Погребения индивидуальные, положение скелетов скорченное. Сильная скорченность свидетельствует в пользу того, что погребенные были связаны. Кисти рук в ряде погребений, преимущественно женских и детских, естественно изогнуты или вывернуты. У костяка из жреческого (судя по своеобразному инвентарю) погребения № 14 выпилен (посмертно) кусок черепа у основания, причем дополнительно жрица (?) была «убита» тремя железными ножичками, лежащими около горла и направленными острием к подбородку. Так же, видимо, «убита» женщина из погребения № 1: узкий стилетообразный нож упирался лезвием в ключицу погребенной, положенной скорченно на боку.

В земляное дно могильной ямы воина-всадника (погребение № 4) воткнуты вертикально две стрелы с бронзовыми наконечниками скифского типа: одна — возле лица погребенного, другая — у края могильной ямы. Подобные случаи (воткнутые в могилу ножи, копья и стрелы) имеют многочисленные аналогии на Кавказе. Абхазский археолог М. М. Трапш наблюдал их в погребениях того же времени из Куланурхвы, близ Гудауты [Трапш, 1970, с. 110]; В. С. Ольховский приводит данные о копьях, вбитых в дно скифских погребений Поднепровья [Ольховский, 1978].

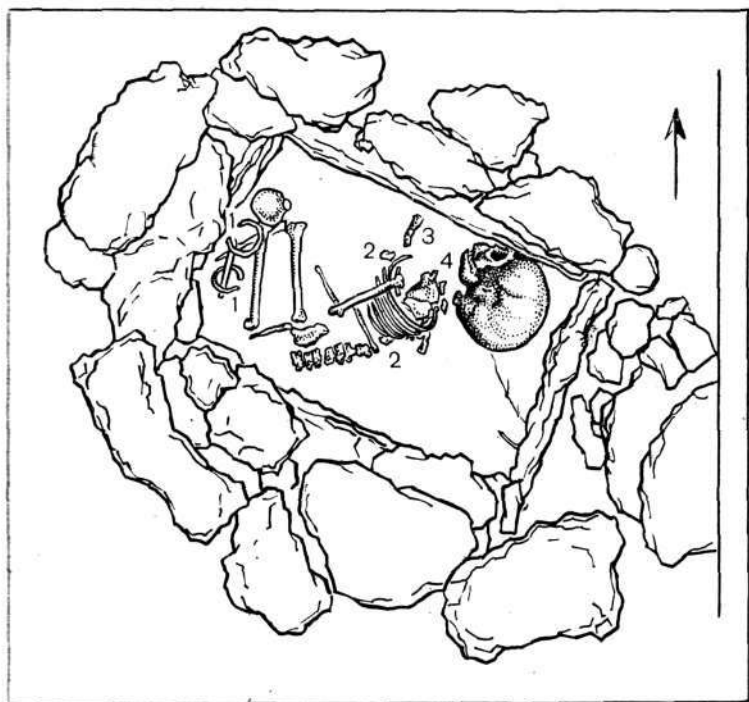
Много подобных находок происходит из каменных ящиков района Пятигорья, но из-за недостаточной тщательности раскопок, произведенных краеведами, они неправильно истолкованы: стрелы, найденные в них, трактованы как причина смерти погребенных, из чего сделаны далеко идущие выводы о враждебных взаимоотношениях между аборигенами и степняками. Раскопки Н. Д. Членовой уникального

Могильник Уллубаганалы. Погребение № 19
(перекрытие могилы)

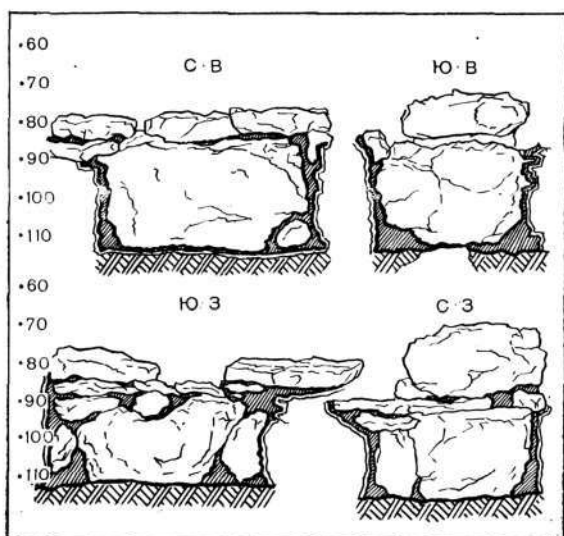
погребального сооружения середины VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском [Членова, 1977, с. 100—101] дали пример того же ритуального «убийства», когда в парном погребении № 6 за черепом мужчины найден железный топор-секира, «воткнутый острием в дно могилы» [Членова, 1977, с. 11], а среди кучи стрел в головах женского погребения часть их направлена острием в сторону черепа, так же как и наконечник стрелы, лежавший около позвоночника [Членова, 1977, с. 12].

Железные ножички, аналогичные тем, которыми «убивали» погребенного (серповидные или с прямой спинкой, иногда с превосходно выполненными костяными ручками, покрытыми травировкой), — необходимая принадлежность комплекса заупокойной пищи (лопатка и ребра барана), обязательная принад-

Могильник Улубаганалы. Погребение № 19 (план):
 1 — бронзовые ножные браслеты (2 шт.); 2 — альчики (4 шт.); 3 —
 железный серповидный нож; 4 — фрагменты стеклянных бус

лежность каждого взрослого погребения. Прекрасную параллель указанным фактам, объясняющую их смысл, дает осетинская народная сказка «Бедняк и Барастур загробного мира» (как известно, в осетинском фольклоре многие мотивы восходят к скифской эпохе). Согласно сказке, владыка загробного мира Барастур дает бедняку следующее поручение: «Поезжай в мой дом и моим маленьким ножиком с черной рукояткой, который засунут с тыльной стороны моего кинжала, заколи рыжего барана, которого я откармливал семь лет, предварительно посвятив его мне. А после этого посвяти мне мою жену и зарежь ее этим ножиком» [Осетинские народные сказки, 1973, с. 516]. И погребенный, «убитый» ножом или стрелой, и заупокойная пища мыслились, таким

Могильник Уллубаганалы. Погребение № 19 (разрезы)

образом, как своего рода жертвоприношения владыке загробного мира.

Могилы забрасывались камнями или закладывались плитами; так, самое богатое женское погребение № 11 перекрыто, словно тремя слоями каменного савана, тремя сплошными горизонтально лежащими рядами камней: нижний представлен тонкими плиточками известняковой щебенки, средний — плитками несколько более толстыми и большими по размеру, а верхний, опирающийся по краям на плиты каменной обкладки могилы, состоял из аккуратно положенных горизонтальным слоем плит (размером до 40—50 см в поперечнике). Погребения, сопровождавшиеся меньшим количеством вещей, перекрыты меньшим числом каменных слоев или же только отдельными камнями.

Каждое погребение — это судьба древнего человека, прожитая кем-то жизнь, и степень конкретности наших представлений о ней определяется тем, что мы сможем извлечь из анализа погребального обряда и инвентаря. Как мемуарист пушкинской поры знает по именам всех друзей Пушкина и даже людей,

которых поэт мог или должен был встречать в близких ему домах, так и нас не оставляет желание представить себе во всей возможной полноте отношения, связывавшие между собой ту небольшую группу людей, которая похоронена (а следовательно, и жила) на берегах удивительно чистой, весело журчащей по камням небольшой реки Уллубаганалы. В нашем распоряжении не так уж мало возможностей.

Конечно, «имя смерть украла», но мы сможем увидеть лицо: ведь работает лаборатория М. М. Герасимова над реконструкциями внешнего облика по черепу. И если сохранность костей позволит и мы сможем увидеть ряд лиц, то, может быть, узнаем родителей и детей. О родстве могут свидетельствовать отдельные особенности строения и формы черепа, зубного аппарата, профилировки лица, обнаруженные антропологами Г. П. Романовой и Т. М. Резниковой при обработке этой небольшой, но очень интересной серии. Одно оказалось очень наглядным: женская серия дала большую однородность, причем в ней преобладают местные кавказские черты, тогда как мужские черепа в основном обладали отчетливыми признаками пришельцев-степняков.

Правда, восстанавливая семейные связи между погребенными в могильнике людьми, следует помнить, что здесь можно найти больше погребений отцов, матерей и сыновей, чем дочерей: этнографические параллели позволяют полагать, что жены и мужья должны быть из разных родовых коллективов, а поскольку брак патрилокален (муж брал к себе в дом жену), то жены должны происходить из других поселков, а дочери уходить из поселка. Незамужние взрослые дочери остаются здесь, но думается, что при значительно более ранней смертности женщин (двадцать семь лет), чем мужчин (пятьдесят лет), и вызванном этим преобладанием мужчин в коллективе, как правило, дочери уходили из семьи.

Кроме родственных отношений погребенных в могильнике лиц объединяют и брачные, причем для их определения мы привлекаем уже сугубо археологический материал: анализ плана и стратиграфии могильника, сравнение погребений по деталям обряда, конструкциям могильных сооружений, особенностям инвентаря и т. д. Понять отношения людей между собой мы сможем, надежно распределив все погребен-

Характеристики погребального обряда могильника Уллубаганаты

Ковыль номер	№ погребений		2	3	4	5	7	10	12	13	14 ^а	15	16	17	Среднее
	Описание погребений	№ погребений													
1 ¹	Форма могильной ямы	1	1	1	1	1 (3)	2	1 (3)	1	1	1	1	1 (3)	2	2
2	Длина могильной ямы, см	140	130	280	140	127	165	135	130	130	157	70	160	145	149
3	Ширина могильной ямы, см	70	82	100	100	89	95	105	100	100	111	60	100	90	91
4	Глубина могильной ямы, см	54	73	80	73	62	63	55	58	58	45	76	70	80	64
5 ²	Ориентировка	4	3	4	4	2	1	1	4	4	1	2	1	2	2
6 ³	Сооружения в яме	4	4	0,1	0	36	1	2	2	2	0,2	36	2	2	2
7 ⁴	Форма перекрытия	4	2	2	3	2	3	3	2	2	2	2	2	2	2
8	Засыпь ямы культур- ным слоем	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	Количество костяков	1	1	1+	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
10 ⁵	Место костяка в камере	1	1	1	—	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1
11 ⁶	Поза костяка	3	2	3	—	3	3	2	2	2	2	—	3	2	2
12	Степень скорченности, градусы	70—90	90	105	—	90	90—100	60—70	70—90	70—90	85	—	47—70	70—77	80
13 ⁷	Ориентировка	9	9	9	9	9	5	5	5	9	5	6	5	5	5

ния во времени. Материал погребений, прежде всего мужских, говорит о существенных отличиях их между собой по набору оружия, что отражало относительное место каждого в воинской иерархии. Следовательно, коль скоро мы будем рассматривать могильник как срез сложной, некогда живой системы, все члены которой находились между собой в различных отношениях, в частности семейно-родственных и социально-иерархических, принадлежали к разным, следующим друг за другом во времени поколениям, мы должны очень углубить и детализировать ту сумму вопросов, которые мы ставим материалу, предъявить более строгие требования к качеству, количеству, форме выражения исходных данных, к их полноте и достоверности. Отсюда — необходимость исследования их не только традиционными методами (когда основное орудие археолога — интуиция, тем большая, чем больше опыт, сумма знаний и исследовательские навыки ученого), но и формализованными (построение графиков, моделирование, оценка степени сходства).

Раскапывая любой археологический памятник, мы тем самым его уничтожаем. Далее он сохраняется лишь в виде чертежей, полевых записей, на основании которых пишется научный полевой отчет, и зашифрованных находок, которые исследователь передает музею. Именно поэтому археология не хобби, а профессия, требующая от ученых четкой и тщательно документированной фиксации того, что разрушается по мере раскопок. Описание материалов данного могильника производится с использованием детализированного кода.

Анализ табл. 1 показывает, что погребальный обряд характеризуется 16 группами характеристик, каждая из которых включает от одного до восьми признаков. Количественные признаки измеряются с точностью до второго знака. Для качественных отмечается присутствие, а для серии — частота встречаемости. Могильник характеризует стереотипность в расположении и наборе погребального инвентаря и тесная корреляция его набора с половозрастной принадлежностью погребенного. Так, обязательные для всех взрослых погребений крупные корчаги, как правило расположенные у ног, в детских погребениях отсутствуют. В погребениях мальчиков устойчивый,

хотя и весьма небогатый набор вещей: на ногах бронзовые браслеты (арханская черта для данного могильника, так как ножные браслеты характеризуют предшествующий этап кобанской культуры), рядом с погребенным — астрагалы для игры в «бабки». В погребениях девочек найдены бусы, в качестве орудия труда — костяная проколка, а также остатки жертвенной пищи — кости ягненка или маленький биконический сосудик.

Некоторая архаичность облика детских захоронений подчеркивается и сооружением каменных ящиков, перекрытых одной или несколькими плитами, — наиболее ранний тип погребального сооружения для данного могильника. Стандартен и погребальный инвентарь в женских захоронениях: обязательные корчага и небольшой сосудик, в большей части могил напутственная пища, личные украшения — бронзовые литые ожерелья, закреплявшиеся на груди с помощью бронзовых ажурных пуговиц, иногда золотые или серебряные височные кольца в полтора оборота, бронзовые зооморфные амулеты, булавки, цепочки, ажурные бронзовые, стеклянные и каменные бусы.

О мужских погребениях следует сказать особо. Важную часть инвентаря составляли предметы, свидетельствующие о контактах местного населения со степным кочевым миром: железные акинаки и боевые топоры-секиры, бронзовые втульчатые двухперые наконечники стрел с шипом, костяные грибовидные застежки колчанов, костяная рукоятка серповидного ножа с гравированным орнаментом в виде головок грифона или циркульного орнамента, железные стрелковидные удила. Наряду с ними железные лавролистные копья, местные стрелы и черешковые кинжалы, оселки, шилья. В наиболее богатых погребениях возле лица лежала бронзовая пиршественная чаша. В мужских погребениях весьма заметна социальная дифференциация погребенных, проявляющаяся в разном составе и количестве оружия в воинских погребениях, наряду с которыми выявлены богатые, но вовсе лишенные оружия погребения (иногда сопровождаемые культовыми предметами).

Различия в наборе вещей дополняются рядом дифференцирующих черт погребального обряда. Глубина детских могил в среднем составляет 75,5 см, женских — 70,4, а мужских — 63,8 см; длина могилы

также оказывается скоррелированной с полом и возрастом — соответственно 149 см (мужчины), 136,1 см (женщины) и 61,8 см (дети). Эти три группы погребений, имеющие половозрастные отличия, объединены погребальным ритуалом и керамикой, причем последняя особенно интересна в этом плане. Все сосуды лепные, слабоощенные. Это маленькие биконические сосудики, изредка миски и кувшинчики и небогато орнаментированные корчаги вместимостью от одного до двух ведер. Сосуды характеризуются большой общей однотипностью при варибельности деталей.

Принято считать, что лепные сосуды эпохи раннего железа являлись продуктом домашнего производства и изготовление их было делом женским — возможно, хозяйки дома. Даже если предположить, что они попадали в семью путем покупки, разумно считать, что одна малая семья покупала сосуды у одного мастера и поэтому они близки между собой по разным деталям — степени отогнутости венчика, его относительной высоте и т. д. Следовательно, особенности керамики должны оказаться тем связующим звеном, которое позволит сгруппировать мужские и женские погребения как погребения членов одной семейной группы. Визуальные наблюдения над керамикой, не подкрепленные подсчетами, к каким-либо наглядным выводам не привели, что потребовало подвергнуть керамику статистической обработке, применявшейся уже в отечественной археологической литературе [Литвинский, 1973; Генинг, 1973; Ковалевская, 1981] и успешно оправдавшей себя.

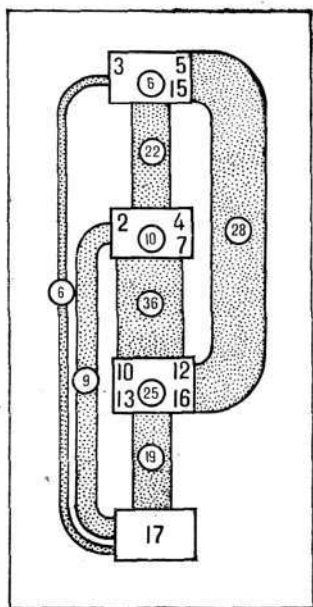
Для характеристики каждого сосуда учитывались замеры ряда (пяти) диаметров на разной высоте и ряда высот. Соотношение высот и диаметров (индексы) отражало все существенные особенности формы сосудов, которые можно было бы свести в таблицу или выразить при помощи графиков. Сравнивая между собой индексы керамики, мы из всей массы сосудов можем выбрать пары или тройки наиболее близких между собой форм и результаты объединить в таблицу типа турнирной, где наибольшее сходство выразится в наибольшем количестве случаев близости.

При этом подсчеты проводятся как для корчаг, так и для небольших биконических сосудиков, которые в ряде случаев встречены в погребениях в двух

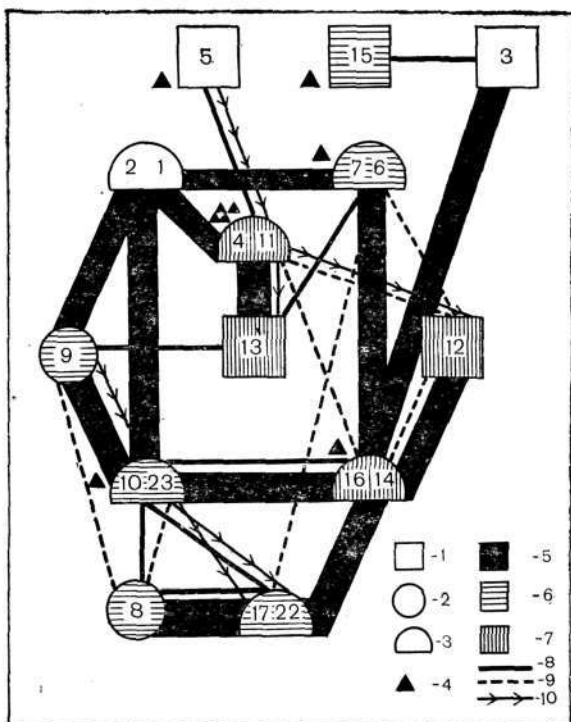
экземплярах. На основании сравнения индексов керамики возможно сгруппировать погребения, оценив связь между сосудами в пределах групп, между ближайшими и удаленными группами. В результате все погребения на основании анализа формы найденных в них сосудов могут быть упорядочены на определенной оси, и в нашу задачу входит теперь выяснение, каков исторический смысл этого упорядочения, прежде всего отражает ли оно хронологическую последовательность данных комплексов.

Поскольку женские и детские погребения могильника, как правило, не содержат материалов, которые можно надежно распределить на временной шкале, обратим главное внимание на датировку мужских погребений. Для этого мы подсчитываем в таблице типа турнирной все случаи сопряженности признаков погребального обряда, типов инвентаря и закономерностей его расположения, а также индексов керамики для каждой пары погребений. Затем мы учтем для каждой пары только те связи, которые имеют максимальное значение, и получим граф, объединяющий наиболее сходные предметы. Граф в нашем случае получил древовидную форму [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 88], что отражает хронологическую последовательность погребений. Данные стратиграфии и планиграфии позволяют нам на графике проводить линии вертикально (когда погребения разновременны) или горизонтально (когда они одновременны). Линии сопряженности наглядно подчеркивают тот факт, что могильник постепенно за-

полнялся захоронениями с юга на север.

Могильник Уллубаганалы. Сопряженность признаков деталей обряда мужских погребений (в квадратах — номера погребений, в кружках — число признаков, объединяющих между собой группы погребений)

Могильник Уллубаганалы. Направленный граф, отражающий взаимосвязи между погребениями по разным параметрам (1—22 — номера погребений):

1 — мужские; 2 — женские; 3 — предполагаемые брачные пары; 4 — наличие оружия скифского типа; 5 — интенсивность связей; 6 — мезо-брахикраны; 7 — долихокраны; 8 — связи по керамике; 9 — связи по антропологическим данным; 10 — данные стратиграфии

Для того чтобы увязать с указанным упорядочением мужских погребений все наличные женские погребения, мы подсчитываем сопряженность по всем признакам женских погребений с мужскими и строим связанный граф. Содержательной интерпретацией этих связей следует считать отражение семейных отношений между теми мужскими и женскими погребениями, которые оказываются наиболее близкими по ориентировке, типу могильного сооружения,

характеру перекрытия могилы и керамике. Они — в непосредственной территориальной близости друг от друга, причем женское обычно расположено восточнее или южнее относящегося к нему мужского.

Исходя из парных показателей максимального сходства, после построения графа в виде дерева мы получили модель, в которой все взрослые погребения оказались объединенными в одну систему, отражающую последовательность этих погребений во времени. При этом ярусы графа мы можем сопоставить с хронологическими этапами существования могильника, выраженными пятью группами.

Хронологическая последовательность групп подтверждается стратиграфическими данными. Погребение № 9 из второй группы перерезает самое древнее мужское погребение № 17 из первой группы, так же как погребение № 23 нарушило погребения № 22, 13 и 12 третьей группы, стратиграфически более древние, чем погребение № 11 из четвертой, а погребение № 4 из четвертой было стратиграфически более древним, чем погребение № 5 из пятой группы. Объективные данные позволяют выделить в пределах могильника несколько групп с узкой хронологией.

Посмотрим, как определяется абсолютная датировка этого могильника по аналогиям погребальному инвентарю и как можно уточнить ее, смоделировав время существования некоего родового (или семейного, патронимического) коллектива, состоявшего из 24 (или условно, с учетом кенотафов, 26) человек.

Начнем с даты-срока, как было предложено называть узкий промежуток времени использования могильника, в том случае, когда известно полное число погребенных в нем людей [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975]. Предмет нашего рассмотрения — компактно расположенный небольшой могильник с ограниченной территорией (не более 350 кв. м). Не повторяя предложенных Я. А. Шером и А. К. Абетковым выкладок о времени существования могильника Жаныш-Булак в Киргизии, где мы имеем 24 взрослых захоронения, скажем, что они удивительно подтверждаются нашим материалом. Средний возраст — 30 лет, — принятый Я. А. Шером, соответствует вычисленному антропологами Г. П. Романовой и Т. М. Резниковой среднему возрасту населения, оставившего могильник на Эшкаконе. Логически справедливое пред-

положение авторов о том, что в каждом последующем поколении количество семейных пар увеличивается, находит подтверждение и здесь. Отличие между нашим памятником и моделью, построенной на материалах могильника Жаныш-Булак, очевидно, в одном. В последнем случае мы имеем дело с поколениями — потомками двух брачных пар. У нас же представлена родственная группа, восходящая к одной начальной брачной паре (погребения № 17 и 22).

За двумя брачными парами второго поколения следуют три мужских погребения третьего и три брачные пары четвертого, за ними следуют три мужских погребения (одно из них, № 15, очевидно, чужака: погребение отрубленной головы, скорее всего это культовое (?) захоронение головы врага, что подтверждается и антропологическими отличиями погребенного). Следовательно, дата-срок патронимического (?) могильника Уллубаганалы определяется не более чем в 50—60 лет, а скорее в 40—50 лет.

Не будем подробно останавливаться на пути определения абсолютной даты. При ее установлении:

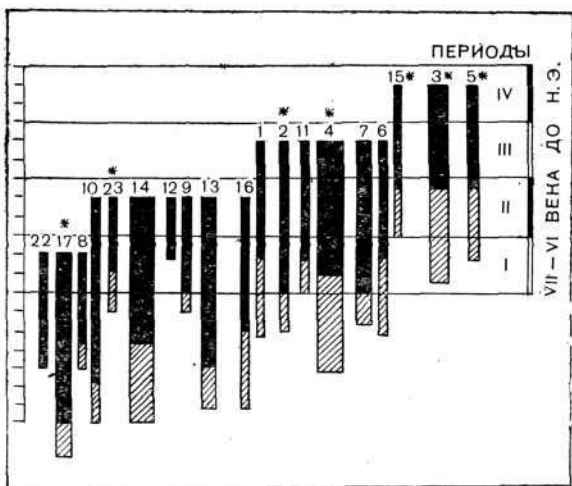
а) учтены все материалы, «работающие» и «не работающие» на хронологию; по возможности полностью собраны все аналогии по опубликованным и неопубликованным данным;

б) приняты наиболее мелкие подразделения существующей типологии (типы, подтипы, варианты) для каждой категории инвентаря;

в) должны упорядочиться при упорядочении комплексов (если упорядочение верно) эволюционные ряды конкретных категорий инвентаря (так, топор-секира из погребения № 17, по мнению М. Н. Погребовой, характеризуется более архаическими чертами, чем топоры из погребений № 10, 2 и 4).

Переход от относительной хронологии к абсолютной производится на основании наличия в комплексах вещей, имеющих наиболее узкий период бытования (скифские двух- и трехлопастные втульчатые стрелы, акинаки, костяные застёжки от колчанов, гатовые «подушкообразные» бусы, стремечковидные железные удила).

Если исходить из закавказских аналогий, то датой должен стать конец VII — первая половина VI в. до нашей эры, если же скифских степных — первая половина VI в. Если рассматривать наш памятник на

Распределение погребений по периодам с учетом возраста погребенных. Каждое деление на вертикальной оси слева соответствует пяти годам. Черным обозначена наиболее вероятная, а косой штриховкой—допустимая продолжительность жизни. Толщина колонок соответствует социальным рангам погребенных. Звездочкой отмечены погребения с оружием

фоне близких ему по времени и территории памятников, то хронологически он окажется между Краснознаменским могильником третьей четверти VII в. на Ставрополье, раскопанным В. Г. Петренко [Петренко, 1975, с. 125], и уникальнейшим погребальным сооружением середины VI в. из Султан-Горы близ Кисловодска, раскопанным Н. Л. Членовой (находящимся в одном дневном кошном переходе от Эшкакона). Тогда он одновременен ранним погребениям Комаровского могильника в Северной Осетии [Абрамова, 1974, рис. 2—3], а также ряду комплексов из района Кисловодск—Минеральные Воды [Бобин, 1958; Виноградов, 1972; Афанасьев, Рунич, 1976]. Очень близки ему (особенно по архаическим женским бронзовым ожерельям) комплексы VII—VI и VI вв. до н. э. с верхней Кубани [Алексеева, 1971].

Чтобы рассмотреть все дошедшие до нас мужские погребения могильника как характеризующие «пете-

старно-политическую культуру» позднекобанского населения небольшого родового поселка скифского времени на Эшкаконе, недостаточно знать дату-срок использования могильника и распределение во времени всех погребений. На этом основании для каждого периода можно говорить лишь о тех мужчинах, которые в тот период умерли и были захоронены, но ведь в то время жили (были взрослыми, юношами или детьми) те мужчины, которые умерли позднее. Зная возраст каждого из погребенных по определениям антропологов, можно составить таблицу (См. с. 49.)

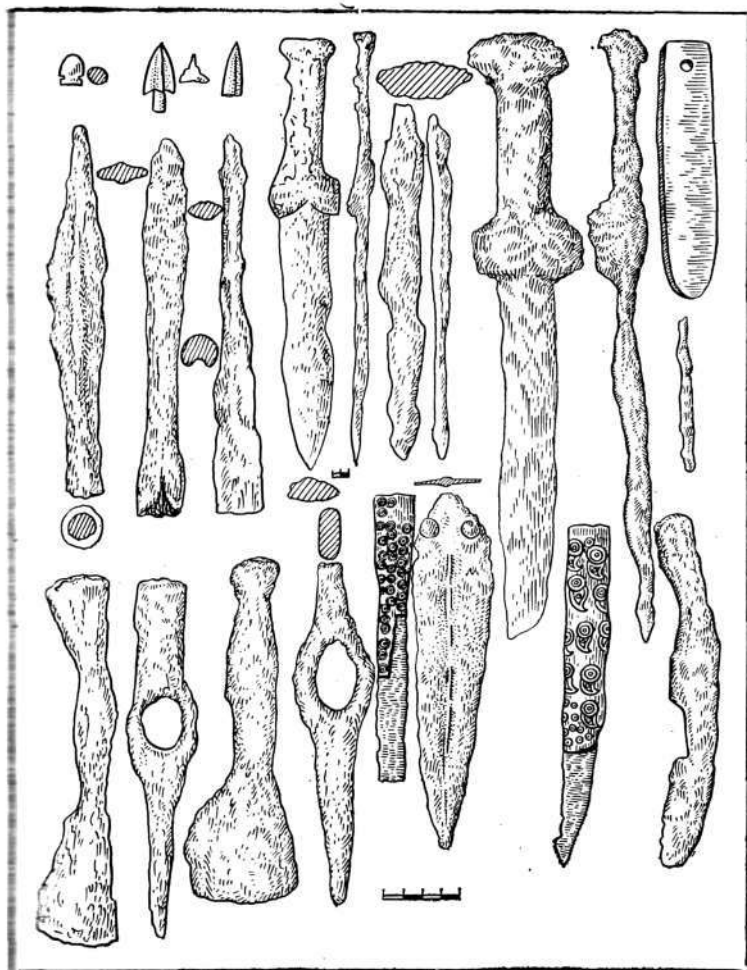
Так, к первому этапу, когда было совершено наиболее древнее мужское погребение № 17, достигли уже возраста 35—45 лет мужчины, захороненные позднее в погребениях № 10, 13, 16; несколько моложе был всадник из погребения № 4; юношами были те, кто похоронен позднее в погребениях № 2 и 7. То есть по меньшей мере можно говорить о шести взрослых и двух юношах как одновременно живших мужчинах того небольшого коллектива.

Ко второму этапу, когда умерло трое мужчин и один юноша (погребения № 10, 12, 13, 16), взрослыми были еще трое мужчин (погребения № 2, 4, 7) и двое юношей (погребения № 3, 5, если мы не считаем его чужаком). Следовательно, здесь жило по меньшей мере восемь взрослых мужчин и трое юношей⁶.

О последнем этапе судить трудно, так как или население отсюда ушло, или могильник был перенесен на другую территорию. У нас нет никаких оснований для подсчетов, кроме данных о трех погребениях (№ 3, 5, 15; все без исключения — воинские).

В целом из одиннадцати мужских погребений в семи (если не в восьми) найдено оружие дальнего боя: луки, детали колчана (погребения № 4, 10), стрелы (погребения № 3, 4 и, возможно, № 7) и копья (погребения № 17 и, возможно, № 7); оружие ближнего боя — акинаки (погребения № 4, 5 и 15), кинжал кавказского типа (погребение № 3), боевые топоры-секиры (погребения № 2, 4, 10, 17). В трех мужских

⁶ О возрасте, с которого юношу считали взрослым, в какой-то мере свидетельствует погребение № 12 юноши 14—16 лет, захороненного на взрослом кладбище. Мальчики полутора-шестилетнего возраста погребены на южном участке могильника, который состоял только из детских погребений (№ 18—21) и двух детских (судя по размерам) кенотафов.

Предметы вооружения из могильника Улубаганалы

В погребениях оружия нет, в одном (погребение № 7) оно, видимо, было, но помещено рядом с камнями мольного ограждения. При этом только в погребении № 12 отсутствие оружия, очевидно, объясняется юношеским возрастом погребенного. В других случаях без оружия погребены немолодые мужчины (40—55 лет), погребения их отличаются как тщательностью соору-

жения могилы, так и достаточно богатым, но своеобразным инвентарем (следует указать на наличие бронзовой пиршественной чаши в совершенно лишенном оружия погребении № 13). В этом, видимо, отражена иная, чем у воинов, позиция погребенного в социальной структуре.

Различия в наборе оружия отражают место каждого мужчины в воинской иерархии. Определенные категории инвентаря несут социальные функции — мы знаем это относительно лука как символа власти, коня, положенного в могилу всадника в качестве приношения. Зная традиционный набор оружия пешего и конного воина, мы можем косвенно судить о социальном статусе погребенного.

Время существования могильника относится к эпохе скифских походов в Переднюю Азию, когда население гор и предгорий Кавказа оказалось тесно связанным со степным миром. На примере данного могильника ярко виден тот факт, что «заимствование более эффективных видов вооружения существенно повышало действенность той или иной потестарной или политической структуры» [Куббель, 1980, с. 129].

Если в наиболее раннем погребении № 17 воина 45—50 лет в качестве оружия дальнего боя находились копье с железным наконечником, типичное для местных памятников той (а в бронзе — и предшествующей) эпохи, и боевой топор-секира, аналогичный подобному оружию в северокавказских, закавказских и степных памятниках VII—VI вв. до нашей эры, то уже в следующем поколении (погребение № 10) оружием дальнего боя оказался лук. Скифские наконечники стрел не были ни особенно часты, ни многочисленны в погребениях позднекобанской культуры вообще и рассматриваемого могильника в частности. Находки в погребении № 4 наряду с костяными деталями колчана, акинаком, топором-секирой и стремечковидными железными удилами документируют именно эти связи позднекобанского населения гор и предгорий со скифами.

Относительно социального строя кобанских племен эпохи скифских переднеазиатских походов у нас до сих пор нет еще определенного представления: мы привыкли считать этот период временем существования первобытнообщинного строя земледельцев и скотоводов, у которых лишь начинала выделяться военная

верхушка. Учитывая вероятность участия кобанских племен в переднеазиатских скифских походах, стимулировавших резкий скачок в социальном развитии обитателей Северного Кавказа и, в частности, способствовавших распространению здесь железного оружия, можно предполагать начало расслоения исследуемого нами общества. О чем же свидетельствует археологический материал, в частности данные могильников? Для их интерпретации необходимо учесть все факторы, влияющие на облик погребального комплекса. Чтобы установить их структуру и удельный вес, основатель современной «новой археологии» американский исследователь Л. Бинфорд предпринял анализ и обобщение этнографических материалов по 40 народностям различных районов земного шара.

Выяснилось, что первое место среди факторов, влияющих на особенности погребального обряда, делят социальная позиция и половая принадлежность умершего (по 0,72), тогда как возраст определяет их всего на 0,25, причина смерти — на 0,20, а место смерти — всего на 0,05, причем, чем выше социальная организация общества, тем выше влияние на погребальный обряд социальных факторов [Binford, 1972, с. 20].

Анализ конструкций погребального сооружения и характера погребального инвентаря рассматриваемого могильника показал, что в целом обычаем регулируются определенный обязательный набор и количество вещей и выделяется ряд общих для всех погребений признаков: наличие заупокойной пищи (часто с ножом при ней), крупного сосуда-корчаги, биконического сосуда, иногда бронзовой чаши или глиняной миски, оружия и орудий труда для мужчин, украшений и орудий труда для женщин, украшений, предметов для игры или орудий труда для детей. Посмотрим, возможно ли по составу оружия, его количеству, набору остального инвентаря ранжировать воинские погребения могильника Уллубаганалы и попытаться установить, какие реальные социальные градации кроются за этими выделенными рангами. На ранних этапах социальной истории можно предполагать вертикальное членение общества на ряд степеней, границы между которыми заметны еще очень слабо, поскольку они еще не закреплены ни четким имущественным неравенством, ни традиционными установлениями.

Несколькими путями можно прийти к выделению устойчивого сочетания разных типов оружия в погребениях, отражающего различные группы вертикальной структуры, объединяющие воинов одного ранга. Мы оцениваем информативность в этом плане разных признаков погребального комплекса. Она, разумеется, определяется не только частотой данного признака, но и культурным контекстом той или иной черты погребального ритуала; так, при достаточной редкости погребения коня вместе с воином (всего один случай в Уллубаганалы) следует считать этот факт символизирующим погребение предводителя, на чем мы не останавливаемся подробно, поскольку значение культа коня, роль его в древних ритуалах были уже предметом нашего исследования [Ковалевская, 1977]. Чем полнее по своему составу представлен набор оружия, тем выше, видимо, ранг воина.

Оценить относительную значимость разных видов оружия в плане социальной ранжированности (стратификации) воинов возможно, лишь располагая убедительным материалом для столь ранних периодов; трудно сказать, в одну ли группу входили, предположим, воины, вооруженные только луком со стрелами или только акинаком; письменные источники не помогают нам в решении этих вопросов. Способом проверки наших выводов по оценке полноты набора вооружения является суммирование данных всех иных находок в том или ином погребении, оценка труда, потраченного на сооружение погребения, наличие золотых или ценных импортных вещей и т. д.

К интересным наблюдениям указанный подход привел К. Рандсборга, рассмотревшего 944 погребения с 10 000 вещей эпохи ранней бронзы из Дании [Randsborg, 1972, с. 565—570], распределенных по пяти локальным вариантам и трем хронологическим периодам. Весь материал из погребений, разделенных дополнительно на мужские и женские, характеризовался весом бронзовых вещей в каждом погребении (в нашем случае мы предпочитаем брать количество вещей) и фактом наличия золота. Анализ этого цифрового материала (с привлечением методов математической статистики) показал, что могут быть выделены определенные группы погребений (четыре для мужских, три для женских), причем социальный статус мужчин относительно выше, чем у женщин (это же

Таблица 2

Распределение погребений по рангам
(могильник Уллубаганалы)

Группа погребений \ Ранг	I	II	III	IV	Метод ранжирования
Мужские с оружием	№ 4	№ 3, 17	№ 2, 10	№ 5, 15	По набору оружия По числу находок
	№ 4	№ 3, 17	№ 2, 10	№ 15	
Мужские без оружия		№ 7, 13	№ 12	№ 16	То же >
Женские	№ 11, 14, 22, 23	№ 1, 6	№ 9		

наблюдается в Уллубаганалы); погребения, содержащие золото, богаче и по наличию бронзовых вещей (аналогично — в Уллубаганалы), следовательно, вес (а также и количество) находок может служить основанием для подобного рода расчетов.

Уязвимость наших выводов заключается в небольшом объеме привлекаемых для подсчетов данных, но достоинство материала состоит в его целостности (могильник, пусть он и невелик, но раскопан полностью и является срезом сложной динамической системы)⁷. Нами выделены группы, ранжированные на основании полноты набора вооружения у воинов (наличие коня или уздечки, лука со стрелами, иногда копья, топора-секиры, акинака или кинжала местного типа, боевого ножа) или по количеству вещей в мужских погребениях без оружия и в женских погребениях. Они проверены сопоставлением с материалами из северокавказских могильников примерно того же времени: Тли в Южной Осетии (15 комплексов скифского времени), Лугового (66 комплексов), Исти-Су (10 комплексов), Комаровского (5 комплексов), Моздокского (2 кургана) и комплексов VII—VI вв. до н. э.,

⁷ Как справедливо говорил Колин Ренфру, «отдельное погребение может научить нас малому, но анализ всего могильника начинает нам говорить о рангах индивидуумов и о делении общества на группы» [Renfrew, 1973, с. 13].

Мужские погребения,

%

Могильники	Ранг	I	II	III	IV	Количество
Уллубаганалы		10	30	30	30	7
Кавминводы (в среднем) . . .		5	22,5	22,5	50	42
Из них:						
Мебельная фабрика . . .		12	37	32	28	8
Султан-Гора		7,5	7,5	60	25	9
Луговой		7	38	23	36	66
Тли		13	26	47	13	15
Скифы IV—III вв. до н. э.*		4,55	20,2	60,5	6,4	534

* Для сравнения взяты данные по скифским могильникам степного Приднепровья IV—III вв. до н. э., обработанные Е. П. Бунятян [Бунятян, 1982].

происходящих из района Кавказских Минеральных Вод (42 комплекса, частично опубликованные, но в большей части известные по полевым отчетам и изученные в фондах музеев Северного Кавказа).

Эти материалы 140 воинских комплексов, проанализированных теми же методами, показали, что для VII—VI вв. до н. э. в среде воинов, принадлежащих к носителям кобанской культуры (или культурно-исторической общности), наблюдалось уже достаточно четкое вертикальное членение на ряд групп-рангов. Надо полагать, что здесь стимулирующим для процесса стратификации фактором явились частые войны и освоение железа [Хазанов, 1979, с. 131—140]. В дальнейшем само членение общества стимулировало быстрое распространение инноваций [Арутюнов, 1978, с. 47—48], в данном случае широкое вхождение в традиционную культуру (а набор оружия обычно весьма традиционен), железных, правильнее сказать, стальных орудий труда и оружия, более эффективных и престижных.

1-й ранг, или высший, — всадник (он может быть погребен с конем или только с уздечкой), вооруженный луком, акинаком или кинжалом, топором-секирой и боевым ножом. В эту же группу мы включаем воинов, у которых в наборе оружия отсутствует не

больше одного из названных компонентов. В целом воины I-го ранга составляют от 5 до 13%;

2-й ранг — конь отсутствует, три (в любом сочетании) вида оружия;

3-й ранг — оружие двух видов: дальнего боя (лук или копье) и ближнего (акинак или топор);

4-й ранг — один вид оружия — как правило, акинак.

На холмах, в горах и горных долинах

Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока.

А. С. Пушкин

Четверть века назад жарким июльским днем мы подъезжали к белым саманным домикам станицы Змейской, спрятавшимся в тени абрикосовых и грушевых деревьев. За последние сто двадцать пять лет здесь ничего не изменилось. Тогда А. С. Пушкин описывал эти места так: «Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа» [Пушкин, 1978, с. 437]. Терека не было видно: он остался в стороне; справа «возвышалась огромная, лесистая гора» [Пушкин, 1978, с. 438], а перед ней — сменяющие друг друга невысокие холмы старой поймы Терека, покрытые выжженными солнцем чахлыми травами, с одинокими деревцами, в то иссушающе-жаркое лето они давали скудную тень.

Задача, поставленная начальником экспедиции Е. И. Крупновым, была четкой: небольшой кирпичный заводик разрушал катакомбы очень интересного атланского могильника XI—XII вв., нужно было их исследовать; раскопки вел аспирант В. А. Кузнецов, а мне и Д. В. Деопику, вчерашним студентам Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, поручили изучить поселение. Его следы по находкам керамики на поверхности были обнаружены в первый же день разведочных работ на ближайших холмах.

Открыв старый полевой дневник, я нашла стершийся ситуационный план и прочла: «11 июля на восточном холме заложен раскоп в сто квадратных метров».

В нем было зафиксировано, сколько рабочих принимало участие в раскопках, грунт, характер слоя, находки... Через день-другой после снятия «первого штыка» стало ясно, что экспедиции посчастливилось найти древнекобанское поселение, раскопки которого под общим руководством Е. И. Крупнова [Деопик, Крупнов, 1961] продолжал Д. В. Деопик, а я, уже на другом холме, расположенном в непосредственной близости к могильнику, приступила к раскопкам селища аланской культуры, одновременного Змейскому могильнику [Деопик, 1961].

Змейское поселение явилось первым бытовым памятником кобанской культуры, почти полностью раскопанным археологами, поэтому значение этих работ переоценить трудно. Поселок занимал вершину небольшого холма на третьей террасе старой Терской поймы. Крутые склоны служили ему защитой. Небольшие наземные жилища, вытянутые вдоль края бугра, имели каменные фундаменты и турлучные (плетень, обмазанный глиной и обожженный) стены. Полы вымощены галькой или обмазаны глиной. В одном из домов была зачищена углубленная в пол печь. Во дворах располагались многочисленные (24) хозяйственные ямы колоколовидной и цилиндрической формы, 12 очагов. Найден гончарный горн.

Поселение дало богатую коллекцию керамики, орудий труда, что позволило составить представление о хозяйстве населения, о роли в нем земледелия и скотоводства, об уровне керамического производства и металлургии, о наличии ткачества, костерезного дела и т. д. Однако Змейское поселение долгое время оставалось уникальным. Материалы, которые оно дало, ни с чем сравнить было нельзя. Прошел еще ряд лет, пока той же Северо-Кавказской экспедицией были начаты большие работы на кобанских многослойных бытовых памятниках более восточных районов — на Сержень-Юрте, Бамуте, Алхасте [Козенкова, 1977, с. 11 и сл.].

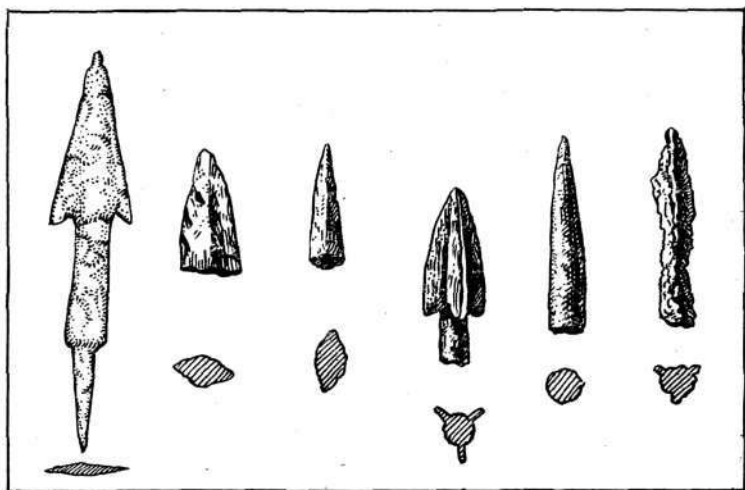
Наши представления углубились и расширились, стало возможным выявить определенную закономерность в расположении поселений: кобанское население выбирало естественно укрепленные места, освещенные солнцем холмы, вблизи воды, удобные для занятий земледелием и придомным скотоводством. Поселения пересекали мощеные улицы, застроенные большими

земными (площадью 80—100 кв. м) домами. Углы турлучных стен крепились столбами, а центральные подпорные столбы, углубленные в материке, поддерживали двускатные камышовые кровли. Стены изнутри обшивались тонкими досками, а понизу — дубовыми шпалами. Полы были земляными, утрамбованными, иногда вымощенными черепками или галькой. Во дворах располагались многочисленные хозяйственные ямы и очаги.

Итак, долина Терека приоткрыла перед исследователями некоторые страницы своей древней истории. Но долгое время в нашем распоряжении не было юбанских поселений, исследованных в бассейне Кумы и Кубани. Эта лакуна оказалась заполненной в результате раскопок автора в 1977—1980 гг. в зоне строящегося Эшкаконского регулирующего водохранилища.

Раскопки многослойного поселения можно уподобить киноленте, пущенной в обратном направлении, ведь сначала раскапываются поздние слои, а затем — ранние. Вернуться вновь к последним кадрам, пройдя весь путь от них до первых, можно, лишь используя свою научную документацию: полевые дневники, чертежи, фотографии, описи находок, а также сами находки и то, что осталось на земной поверхности после раскопок, — борта раскопов, в которых напластования земли дают информацию о прошлой жизни, и каменные сооружения различных строительных периодов. Если при этом мы не поставили нужного вопроса вовремя или задали его в слишком общей форме, ответа нам уже не получить. Раскопки древних поселений особенно сложны и трудоемки. «Курганщик», даже обладающий многолетним полевым стажем, остановится в недоумении перед многослойным поселением, где основным строительным материалом была глина, а специалисту по древним городам Средней Азии покажется весьма сложной методика раскопок древнерусских городов, где хорошо сохраняется дерево.

Копать на Эшкаконе трудно: в культурном слое много камней. Сложенная насухо, то есть без скрепляющего раствора, древняя стена, разрушаясь, превращалась в сплошную хаотическую груду камней. Искусство археолога в данном случае заключалось в том, чтобы уловить порядок в этом хаосе: убрав все

Наконечники стрел с поселения Уллубаганалы (раскопки автора, 1977—1979 гг.)

«лишние» — смещенные — камни, выявить сохранившиеся участки стены.

Исследовать памятник необходимо так, чтобы возможно более полно представить все этапы его существования.

Поэтому вся территория поселений и могильника, как это принято в полевой археологии, была разбита на квадраты 5×5 м, ориентированные по странам света. В каждом квадрате с севера и запада мы оставляли метровые контрольные бровки, которые потом зачерчивались (профили раскопа) и лишь после этого убирались. Раскопки проводили «штыками». В пределах каждого «штыка» камни, принадлежавшие либо вымостке, либо кладке, не снимали, в основании же «штыка» оставляли все камни, наносили на план и для каждого определяли нивелировочные данные, то есть глубину их местонахождения от общей для всего раскопа нулевой отметки.

Раскопки одновременно велись на нескольких квадратах, и поскольку любое из жилых и хозяйственных сооружений имело значительную площадь, то в каждый раскапываемый квадрат попадал только его небольшой, а иногда и маловыразительный участок.

Задача усложнялась тем, что поселение кобанской культуры было перекрыто средневековым поселением XII—XIII вв., которое, как и современные огороды и здания, нарушило поверхность памятника (в частности, хозяйственными ямами). Здесь на одном мысу последовательно существовало несколько археологических памятников: небольшой (около 450—500 кв. м), компактно расположенный поселок эпохи поздней бронзы (X?) IX—VIII (VII) вв. до н. э., состоящий из нескольких домов-усадеб; затем на рубеже VII—VI вв. до н. э. к западу от этого разрушенного временем и оставленного людьми поселка, в непосредственной близости от него, а частично и заходя на его территорию, существовал описанный выше могильник (площадью 350—400 кв. м), огражденный невысокой каменной стенкой и окруженный одновременными ему жилыми и хозяйственными сооружениями поселения, занимавшего уже площадь в много тысяч квадратных метров.

Вещи и керамический материал обоих поселений (далее мы будем называть их поздним и ранним) резко различались между собой. Достаточно сказать, что орудия труда и оружие раннего поселения — это только костяные и бронзовые экземпляры, а позднего — преимущественно железные. Ранняя керамика каменноостско-березовского типа представлена лощеными красновато-палевыми, бурыми и черными сосудами с прорезанной геометрической орнаментацией, часты находки открытых сосудов типа мисок. Поздняя керамика имеет лощение худшего качества, место геометрической орнаментации занимают наколы и насечки, меняются форма и ассортимент сосудов; по аналогии с керамикой из могильника она надежно датируется рубежом VII—VI — началом VI в. до н. э. Как мы уже говорили, поселение и могильник расположены в месте слияния реки Уллубаганалы и Эшкакона. Там ущелье заметно расширяется за счет конуса выноса и защищено с севера отдельно расположенным шпилем, венчающимся небольшой ровной площадкой, дополнительно по периметру укрепленной каменной кладкой «насухо». Очевидно, эту «циклопическую» крепость можно считать убежищем древних кобанцев.

Конус выноса представляет собой наклонно (6—7°) расположенную поверхность с максимальной шириной 270 м, подрезаемую с запада Эшкаконом, а с

севера — рекой Уллубаганалы. С востока она переходит в крутые (40—45°) лесистые склоны, по которым вьется достаточно широкая грунтовая дорога, выходящая из ущелья на альпийские пастбища (перепад высот составляет более 500 м). Судя по характеру рельефа, здесь же проходила и древняя дорога.

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби дал яркое описание этих мест: «Воистину это удивительное, обширное, бесподобное ущелье. Длина ущелья — восемь часов пути по (местам) необычайной красоты. Горная долина... плодородна, имеет живую воду, и водопой ее достаточен для скота числом в пять-десять раз по сто тысяч голов... (имеются) обширные луга с (богатой) растительностью... А по обе стороны от ущелий возвышаются до небес отвесные красноватые скалы, страшные скалы с гнездами орлов, коршунов и соколов» [Челеби Эвлия, 1979, с. 91—92].

Почти три тысячи лет назад здесь располагался небольшой древнекобанский поселок, сначала, по-видимому, состоящий из одного большого дома (помещение № 2). Для сооружения дома был вырыт котлован глубиной около 0,5 м, площадью 60—70 кв. м, ориентированный по странам света с некоторым отклонением; поверхность материка — желтоватый, тугопластичный суглинок — была выровнена, крупные камни убраны. По краям котлована, на материке воздвигнуты стенки из горизонтально лежащих плит известняка, положенных без скрепляющего раствора. В центре, по линии север — юг, две углубленные в материк ямы диаметром 18—20 см от опорных столбов для перекрытий. В 1,5—2 м от них к востоку три менее глубокие и меньшего диаметра столбовые ямы, окруженные вымосткой из речных камней; возможно, это остатки перегородок, членивших восточную часть помещения на несколько небольших камер.

Изучая древнее жилище, следует обратить особое внимание на принцип сегментации площади помещения на отдельные камеры. Ведь только поняв, использовалось ли оно в виде единой площади или было разделено на отдельные помещения, мы можем ставить вопрос о том, каково было размещение членов семьи во время труда, отдыха, еды, а отсюда получить представление о структуре самой семьи и о социально-экономическом уровне развития общества. Материалы

первого этапа существования описываемого жилища, когда внутри его вырос культурный слой мощностью 15—20 см, слабо насыщенный керамикой, не содержащий никаких данных о членении дома, ни конструктивном, ни функциональном. При дальнейшем усовершенствовании жилища по периметру вдоль стен был тщательно уложен ряд плотно пригнанных горизонтально лежащих плит шириной 1,5—2 м. Их можно трактовать как каменные нары жилой части помещения. На эти слабо возвышающиеся каменные нары, возможно, клали шкуры или сено.

В связи с этим вспомним описание кавказского жилища, данное Эвлия Челеби: «На постелях бедняков постлана (сухая) трава. Подушки сделаны из бараньих шкур. Дома, которые принадлежат мирзам, в этой стране украшены чистыми циновками, войлоками и ткаными коврами» [Челеби Эвлия, 1979, с. 61].

Пол центральной части помещения земляной. Тут находился глинобитный очаг, около которого найдены три целых сосуда. Можно предположить, что три столба, расположенные по линии, параллельной восточной стене, это остатки перегородки, отделявшей от основного помещения спальную часть размером 6,6×1,8 м, в свою очередь разделенную перегородками на три небольшие камеры площадью 4,5; 2,2 и 4 кв. м. В порядке гипотезы можно предположить, что это спальные места трех входивших в состав большой семьи супружеских пар. После сооружения вымостки пола был воздвигнут второй ряд кладки восточной стены, сохранившийся на два-три ряда по высоте, из горизонтально лежащих или поставленных на торец известняковых плит. Интересной особенностью дома является наличие хозяйственного помещения, пристроенного к нему с севера и образующего небольшую камеру, пол которой находится на 50 см выше, чем пол помещения.

Следующему строительному горизонту раннего поселения принадлежат два помещения, одно из которых (№ 5) почти полностью повторяет планировку выше рассмотренного и отстоит от него всего на 5 м. Жилище площадью 35—40 кв. м углублено в землю на 80 см, имеет форму квадрата со скошенным юго-восточным углом и ориентировано углами по сторонам света. В южном углу к нему пристроено небольшое помещение с каменно-земляными стенами и полом,

аккуратно выложенным плитами на уровне пола основного помещения. Пол жилища в центральной части земляной, местами выложен мелкой щебенкой, а у стен — крупными каменными плитами.

Возможно, дом был разделен перегородками на три камеры; в центральной части дома, на полу, рядом с открытым очагом, находился крупный чашечный камень. Стены имели различную конструкцию. Они сооружались или из крупных, положенных насухо камней, или из двух рядов камня, расположенных на расстоянии 40—60 см друг от друга (внутреннего и внешнего панциря, из которых внутренний углублен сильнее); пространство между панцирями заполнено землей и мелким камнем. Такова, к примеру, юго-западная стена, общая ширина которой составляет 120 см. Если вспомнить, что это внешняя стена комплекса, можно допустить, что она выполняла и определенные оборонительные функции.

В заполнении жилища наряду с многочисленной керамикой найдены бронзовые мотыжки, имеющие ближайшие аналогии в одновременных памятниках Закавказья и до этого случая ни разу не найденные в кобанских памятниках Северного Кавказа. Керамический материал в целом того же каменноостско-березовского типа. В комплекс с помещением № 5 входит расположенное на том же уровне и так же ориентированное небольшое помещение № 8 (внутренняя площадь — 42—45 кв. м). Пол помещения земляной — выровненный материк, в южном углу помещения — открытый глинобитный очаг, содержащий золу. Культурный слой в жилище насыщен костями и керамикой и датируется тем же ранним периодом.

Между помещениями № 5 и 8 вскрыт слой, лишенный камня и состоящий из бурого однородного грунта. Это пространство можно трактовать как остатки загона для скота или открытого хозяйственного двора.

Теперь постараемся предложить реконструкцию дома-усадыбы древнекобанского поселка на Эшкаконе на основании сопоставления археологических данных с этнографическими.

Когда мы пытаемся увидеть за обнаруженными при раскопках остатками реальную жизнь древних обитателей этих мест, мы стремимся привлечь самые различные и разновременные доступные нам материалы: описания путешественников, свидетельства фолькло-

ра, этнографические данные. Так, в частности, только этнографическое исследование жилищ различных горских народов Большого Кавказа [Робакидзе, 1960; 1963; 1964; Чибиров, 1970; Текеев, 1972; Мизиев, 1973; Робакидзе, Гегечкори, 1975; Кобычев, 1982; Асанов, 1976] помогает нам понять значение ряда конструктивных деталей жилищ, вскрытых раскопками. В то же время последние раскопки на Эшкаконе увеличили глубь на два тысячелетия те культурные традиции, которые были живы в домостроительстве горских народов северных предгорий Большого Кавказа еще в самом недавнем прошлом. При этом ряд элементов сходства в домостроительстве можно объяснить влиянием окружающей среды и поэтому считать, что они возникли независимо: таковы выбор места для поселения на освещенных солнцем склонах ущелий и у скотопроегонных троп, использование камня для сооружения жилищ.

Однако ряд специфических признаков, сохранившихся в домостроительстве только на территории от верховий Кубани до верховий Терека (в местах проживания в горах карачаевцев, балкарцев и осетин), говорит о том, что независимое происхождение этих особенностей, с одной стороны, в эпоху бытования кобанской культуры, а с другой — у народов Осетии, Карачая или Балкарии с развитого средневековья маловероятно. Рассмотрим все те признаки жилищ, которые связывают между собой столь отдаленные эпохи. Вспомним, что проблеме преемственности разновременных культур Кавказа были посвящены специальные работы [Миллер, 1881; Батчаев, 1973], ей уделялось большое внимание и в обобщающих монографиях [Алексеева, 1949; Крупнов, 1960; Алексеева, 1963]. Исследователи сумели проследить длительное сохранение ряда элементов культуры от кобанской эпохи через средневековую аланскую вплоть до недавнего прошлого: стиль зооморфных изображений на подвесках, амулетах, булавах, использование для захоронений каменных ящиков и грунтовых могил, обложенных и перекрытых камнем, отдельные виды керамики, способы ее орнаментации и т. д.

Результат исследования «кобанского наследия» в средневековой культуре горцев Кавказа справедливо привел В. М. Батчаева к следующему выводу: «В качественном отношении древние формы представле-

ны не отдельными спорадическими элементами, а комплексом элементов, составляющих первооснову раннесредневековой культуры горцев» и охватывающих, «по существу, все структурные компоненты раннесредневековой культуры...» [Батчаев, 1973, с. 14--15].

Данные по древнекобанским поселениям и жилищам для предгорной и горной полосы до недавнего времени отсутствовали, и обобщающие работы по жилищам народов Северного Кавказа в качестве наиболее ранних аналогий могли использовать лишь позднесредневековые усадьбы балкарцев и немногочисленные, часто не опубликованные данные из раскопок аланских поселений. Поэтому автор одного из наиболее фундированных исследований по поселениям, жилым и хозяйственным постройкам балкарцев Ю. Н. Асанов, не имея необходимых данных, не смог по материалам жилых сооружений увести культурную традицию домостроительства далеко в глубь тысячелетий.

Постараемся заполнить этот пробел. Начнем с вопроса о выборе места для поселения. На Эшкаконе оно располагалось на освещенном солнцем участке (ср. [Асанов, 1976, с. 9]): обычно минут через тридцать-сорок после того, как мы начинали раскопки (то есть в шесть-семь часов утра), поднимавшееся незадолго до этого солнце обходило ближайший горный шпиль, чтобы уже до самого заката не покидать раскопа. Все подступы к поселению, как со стороны степи и Приэльбрусья, так и по левому и правому притокам Эшкакона, хорошо просматривались, что опять-таки имеет аналогии в устройстве поселений Северной Осетии [Робакидзе, 1975, с. 27]. Тенденция к постепенному росту поселка (один дом первого строительного горизонта и усадьба из двух домов с двумя дворами второго строительного горизонта первого периода существования поселка, затем значительно бо́льшая площадь поселения во второй, «скифский» период) находит параллели в этнографических материалах прошлого века из горных и равнинных районов Северного Кавказа [Кобычев, 1968, с. 82; Кобычев, 1982]. Квадратная форма дома, характеризующая наиболее архаичные балкарские жилища [Бернштейн, 1960, с. 196], так же как и большие размеры [Бернштейн, 1960, с. 196] и однокамерность домов [Асанов, 1975, с. 72], присуща

и композиционно-планировочному построению древнекавказских жилищ.

Однако на этом сходство не кончается. Древние жилища врезаны в склон, когда одна или две задние стены представляют собой либо земляную стенку котлована, либо вертикально расположенный, очевидно, специально подправленный массивный скальный обломок, как в наиболее архаичных жилищах балкарцев [Бернштейн, 1960, с. 197; Мизиев, 1973, с. 245]. Конструкция стен, состоящих из плотно пригнанных, необработанных камней, доходящих в поперечнике до 1—1,2 м и положенных без раствора, частично горизонтальными рядами, частично на торце, более крупных в нижних рядах и меньших выше, толщина стен (до 1—1,2 м) — все это отражает специфику жилищ северокавказских горцев, где стены не являются основным несущим элементом конструкции, такую функцию выполняют столбы, примыкающие к стене изнутри [Бернштейн, 1960, с. 207; Асанов, 1976, с. 39] (ср. столбы, основания которых обнаружены в помещении № 5 у самых стен). Количество рядов центральных опорных столбов (один или два), расстояние между ними (1,5—2,0 м), использование плоских камней, положенных в глубь столбовых ям, — это специфические признаки, объединяющие между собой дома, которые разделены двумя с половиной и более тысячелетиями [Бернштейн, 1960, с. 207—208; Асанов, 1975, с. 40—70].

Эти аналогии позволяют предложить реконструкцию древних домов. Кровли, очевидно, были отлогими, двускатными, опирающимися на центральные и боковые опорные столбы и в меньшей мере на стены. Они состояли из деревянного наката и земляного перекрытия (возможно, с применением каменных плит поверху). Столбы, как свидетельствуют указанные этнографические параллели, могли быть из поставленных комлем вверх стволов деревьев с коротко обрубленными ветвями [Бернштейн, 1960, с. 208]. Высота жилища вряд ли намного превышала человеческий рост [Текеев, 1972, с. 80]. Однокамерность жилища, разделенного на ряд секций лишь легкими перегородками между подпорными столбами, также имеет аналогии только в ранних типах карачаевско-балкарских домов [Асанов, 1975, с. 70].

Эта традиционность подкрепляется формой, размерами и расположением очага — между столбами в

центральной части дома, а также наличием земляного пола, каменных лежанок, выделением хозяйственного угла, то есть в доме-усадеб VIII—VII вв. до н. э. мы можем археологически проследить основные черты большого дома недавнего прошлого. Небольшие пристройки к дому, имеющие одну общую стену с центральным помещением, можно сопоставить с кладовой для хранения продуктов, традиционно находившихся в распоряжении хозяйки дома. Только с помощью этнографических данных оказалось возможным понять конфигурацию и назначение северной части помещения № 5, имевшей каменную вымостку, непосредственно продолжавшую вымостку основной части помещения. Это крупный крытый двор, вход в который был оформлен двумя столбами, базами которых были два чашечных камня.

Отдельно расположенный дом (помещение № 8), находящийся в непосредственной близости, так же ориентированный и выявленный на том же стратиграфическом уровне (строительном горизонте), можно сопоставить с кунацкой, которая традиционно выделялась в специальное помещение, или с домом семьи старшего сына. Оба дома объединялись в усадьбу квадратной формы, состоящую кроме указанных двух домов и крытого двора из открытого хозяйственного двора, в который и выходила дверь помещения № 5.

Следовательно, усадьба — это крытый двор, через который можно попасть в основное помещение — комнату для огня с кладовой, находящейся в задней его части, за очагом. Из него можно было выйти в открытый двор-загон и попасть в отдельно расположенный дом, восточная стена которого является непосредственным продолжением (по направлению) стены, отделяющей крытый двор от теплого помещения № 5.

Сравнение раскопанных за несколько последних полевых сезонов жилых усадеб раннекобанской культуры в Эшкаконском ущелье Карачаево-Черкесии с обобщенным материалом по жилым и хозяйственным постройкам северокавказских горцев самого недавнего прошлого неожиданно дало такое обилие легко сопоставимого материала, что заставило совсем по-новому взглянуть на удельный вес наследия древних кавказских горцев — носителей кобанской культуры в культуре этого тюркоязычного горского населения

наглядно показало непрерывную культурную преемственность, существующую между народами, обитавшими здесь на протяжении около трех тысяч лет.

Поиски новых источников

Ржавеет золото и истлевают сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

А. Ахматова

В предшествующих разделах мы рассмотрели археологические материалы, по которым можно представить жизнь населения северокавказских гор и предгорий в эпоху поздней бронзы и раннего железного века, то есть в начале I тысячелетия до н. э. Оказалось возможным реконструировать вид древнего поселка и могильника, погребальный обряд, характер вооружения, война и многое другое. Но как эти древние кавказцы называли себя или как называли их соседи, в каких событиях они участвовали, какие отношения связывали их как со степняками, так и с народами, жившими в Закавказье, — этого мы не знаем.

Для нас важно было бы найти письменные источники, которые расширили бы наши представления на эту тему. Правда, следует помнить, что, какими бы проблемами ни занимался исследователь, хочет он того или нет, но над ним довлеет состояние науки на сегодняшний день: весь запас знаний, фактов, гипотез и научных истин и тот путь интерпретации, которым ученый идет от фактов к их осмыслению, то есть то, что мы называем логикой научного исследования. Ведь мы ищем не арифметическую сумму всех доступных нашему рассмотрению фактов, а систему взаимосвязанных осмысленных явлений, дающую определенную и закономерную картину событий. Именно эта зависимость от традиционного знания может порою сослужить и недобрую службу, так как не позволит под новым углом зрения взглянуть на давно уже известные и многократно исследованные события. К пересмотру традиционной точки зрения следует подходить двумя путями: шаг за шагом проверяя каждое из вызывающих сомнение утверждений или вводя новый источник.

Вернемся к истории тех народов, о памятниках которых шла речь в предыдущих главах. Они были современниками, свидетелями, а возможно, и участниками грандиозного по тем временам исторического события — военных походов скифов через Кавказ в Переднюю Азию. Наиболее подробно эти походы описал греческий историк V в. до н. э. Геродот. Но, рассказав о взаимоотношениях скифов с могущественной Ассирией и только набравшей в те годы силу Мидией, Геродот ни словом не обмолвился о взаимоотношениях скифов с обитателями Кавказских гор. Он лишь упомянул, что через Кавказ проходил маршрут скифского войска. Между тем археологические материалы свидетельствуют о том, что скифы не просто прошли через Кавказ: часть из них осела здесь, их культура оказала значительное влияние на культуру аборигенов [Погребова, 1982]. Для исторического осмысления этих археологических данных было бы весьма заманчиво сопоставить их с письменными данными. И такой источник нашелся.

Речь идет об историческом сочинении Леонти Мровели, грузинского автора второй половины XI в., владельца или епископа Руиси; этим сочинением открывается грузинский летописный свод «Картлис Цховреба» [Ковалевская, 1975]. Какую же информацию о взаимоотношениях кавказцев и скифов мы можем почерпнуть из этого сочинения, где рассматривается история Грузии от библейских времен до X в. н. э.? Еще в XIX в. видным востоковедом И. Клапротом было выдвинуто предположение, что раздел, носящий название «Нашествие хазар», описывает фактически события значительно более ранние — скифские походы. Это предположение опиралось на широко известный факт, что для средневековых хронистов разных стран степные народы различных эпох, грозившие их родине, сливались в некий единый обобщенный образ варвара-кочевника. Независимо от того, о каком периоде истории шла речь, их могли называть то гуннами, то хазарами, то татарами, то скифами. Вспомним, что и современник Мровели, автор «Повести временных лет», писал: «От скуфь рекше от козарь».

Вывод о том, что «Нашествие хазар» Л. Мровели в действительности повествует о скифах, с тех пор не вызывает у исследователей сомнений. Вообще же в отношении к тем разделам труда Мровели, которые

посвящены древности, с самого начала его изучения наблюдались два подхода: признание достоверности большинства содержащихся в нем сведений или же гиперкритическая их оценка, когда созданная Мровели концепция ранней истории Картли воспринималась как субъективное и произвольное построение, где «едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение» [Патканов, 1883]. Литература о Л. Мровели очень велика; на протяжении нескольких последних десятилетий новые эпиграфические и археологические материалы подтвердили точность ряда сообщаемых им сведений [Меликишвили, 1959; Андроникашвили, 1966].

Обратившись к анализу сведений Л. Мровели о скифских походах, можно на двух страницах древнего текста, как в капле воды, увидеть сжатое изложение тех исторических событий, которые по крупницам можно воссоздать, лишь суммируя все другие доступные источники. События удивительно четко ложатся в определенной последовательности: те, что ранее воспринимались как легендарные, обретают материальность, а имена, казалось бы, мифических персонажей могут быть достаточно убедительно отождествлены с именами реальных, известных нам по другим источникам мидийских правителей.

В качестве исходной посылки при анализе сведений Л. Мровели было принято доверие к источнику, и в процессе исследования мы постарались, суммируя все имеющиеся источники, показать, что сведения, которыми располагал Л. Мровели о событиях VII—V вв. до н. э., позволили ему нарисовать целостную и непротиворечивую картину взаимоотношений кавказских племен со скифами, савроматами, северокавказскими горцами, Мидией и Ахеменидским Ираном. Подтверждением этой гипотезы являются не отдельные отождествления имен или поиски «созвучий», а системность данных, показывающая, что сохраненная Мровели последовательность событий и отсутствие хронологических неувязок являются доказательством правильности предложенных отождествлений [Ковалевская, 1975].

В плане нашей темы важно остановиться на вопросе о единстве всех кавказских племен, по отношению к которым скифы, по данным Мровели, сначала выступили как враги. Незаурядность талантливого исто-

рика заключалась в том, что он первым, по словам Г. А. Ломтатидзе, предложил концепцию «единого происхождения, ближайшего родства народов Кавказа».

Раздел о нашествии скифов («хазар») у Л. Мровели начинается с описания их усиления и борьбы с родом Лекоса и Кавкаса (не этим ли именем Кавкасов — Кавкасиосов называли себя древние кобанцы?), что перекликается с сообщением Диодора Сицилийского о приобретении скифами накануне походов в Переднюю Азию страны «в горах до Кавказа», а в низменностях до Меотиды и Танаиса (Дона). Но горцы, по Мровели, не подчинились скифскому завоеванию, попросили помощи у закавказских племен, те перешли Кавказские горы, нарушили скифские границы, возвели на Северном Кавказе город (не о Дербенте ли идет речь?) и после поражения скифов вернулись в Закавказье. Так что первый этап экспансии скифов в горы как будто бы кончился для них неудачей.

Рассказ о нашествии скифов в Закавказье и Азию Л. Мровели начинает с упоминания избрания ими царя: «и подчинились все хазары (скифы.— В. К.) царю, выбранному ими, и двинулись с ним, и прошли морскими воротами, которые сейчас называют Дарубандом», то есть Каспийским проходом.

Здесь сто́ит привести данные других источников, повествующих об этих событиях. Ассирийская надпись 673 г. говорит о «царе страны Ишкуза (скифов.— В. К.) Партатуа», который сватался к дочери Асархаддона. Следовательно, в то время царский титул применялся по отношению к скифским вождям в Передней Азии; в греческой традиции Геродот и Страбон называют царем Мадия, сына Протогия (того же Партатуа). У Геродота мы видим и описание того же пути скифов берегом Каспийского моря, который упомянут Мровели. Греческий историк в двух местах (Herod. I, 104; IV, 12) подчеркивает, что скифы «пошли верхним путем... оставляя при этом Кавказские горы справа... и держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян».

После описания картины опустошений, произведенных «хазарами» в Закавказье и Передней Азии, что также весьма точно корреспондирует со сведениями Геродота, Мровели говорит о знакомстве их с «Арагвскими воротами, которые называются Дарналом». Эти сведения для нас очень важны: Е. И. Крупнов в своей

работе, посвященной путям переднеазиатских походов скифов, не имея еще этих материалов в своем распоряжении, поставил вопрос о знакомстве скифов с Дарьяльским проходом. В. Б. Виноградов привлек указанные сведения Л. Мровели для подкрепления этого предположения. Можно только прибавить, что Л. Мровели имел в виду неоднократное и привычное использование скифами этих проходов, что объясняется необходимостью для них обеспечить свой тыл. Для этого скифы в период пребывания в Передней Азии должны были поддерживать постоянные отношения с народами Закавказья и Кавказа. Существование в современном армянском языке слова *ска* (восходящего к древнему *сака* — названию скифских племен), а в грузинском — *гмири* (ср. «киммерийцы») в значении «герой» отражает, видимо, тот факт, что ираноязычные степняки, пришедшие сюда как завоеватели, стали со временем для народов Закавказья союзниками.

Л. Мровели дал нам ряд новых по сравнению с античной традицией сведений о промежутке времени между проникновением скифов в Закавказье и Переднюю Азию и антиассирийским восстанием в период выхода на историческую сцену Мидии. Так, к этому этапу относит он строительство Дарубанда, «города в морском проходе». Интересны сведения о совместной деятельности савромат и жителей Картли, изгнавших мидян, в связи с борьбой за престол в Мидии (сообщения о различного рода междоусобицах в Мидии находим мы и в ассирийских текстах). Точка зрения на совместную деятельность сармат-савромат (овсы), в число которых могли входить и предкавказские скифы, с жителями Картли перекликается с мнением акад. Г. А. Меликишвили, что часть скифов во время переднеазиатских походов осталась в Закавказье и отношения местных жителей с ними были дружественными. Эта тема глубоко и многосторонне рассмотрена в работах М. Н. Погребовой. Приведенные же сведения Мровели интересны для нас кроме всего прочего и тем, что здесь мы впервые встречаемся с новым на Кавказе народом — главным действующим лицом последующих разделов данной книги.

АЛАНЫ

Появление сарматских племен
на Кавказе

Только лишь с вышки своей объявит
 дозорный тревогу,
 Тотчас дрожащей рукой мы надеваем
 доспех.
 Враг, чье оружие — лук, чьи стрелы
 напитаны ядом,
 Злобный разведчик вдоль стен гонит
 храпящих коней.

Овидий. Скорбные элегии. IV, 1

Внутреннее хронологическое членение любой археологической культуры опирается на анализ тех вещей, которые мы находим при раскопках поселений и могильников. Название каждого из выделяемых периодов зачастую дается по имени какого-либо народа, который, обитая в непосредственной территориальной близости с носителями рассматриваемой культуры и находясь с ними в определенной культурной связи, придавал этой культуре соответствующую окраску. В предыдущих главах речь шла о древнейшем этапе существования кобанской культуры и о следующей, «скифской» эпохе ее истории. Начиная с III в. до н. э. в пределах той же кобанской культуры для горных и предгорных районов Кавказа можно говорить о сарматской эпохе — по имени того народа, который в то время начинает играть доминирующую роль в степях Предкавказья и на протяжении последующих столетий все сильнее взаимодействует с кавказскими горцами.

Говоря о кобанских памятниках скифского времени, мы не имели в виду, что это памятники собственно скифов, хотя присутствие определенного числа последних среди обитателей Предкавказья неоспоримо и достаточно наглядно отразилось в археологическом и антропологическом материале, в данных лингвистики и фольклора. Аналогичную ситуацию можно предпо-

лагать для сарматского времени. Наша задача — оценить удельный вес местного и пришлого компонентов в среде населения Кавказа той поры, охарактеризовать исторические и археологические свидетельства процесса ассимиляции, четче выявить местную культурную традицию.

К сожалению, все количественные выкладки на эту тему до сих пор более чем примерны. Нет нужного доброкачественного цифрового материала и общепринятой методики подсчетов; поэтому все те выводы, к которым приходят исследователи, спорны и неоднозначны. Поиски ученых, рассматривающих эту проблему под разными углами, еще далеки от завершения, и сегодня мы можем лишь констатировать, что решение таких вопросов оказалось гораздо более сложным, чем казалось исследователям прошлого века, причем даже таким крупным, как В. Ф. Миллер и Ю. А. Кулаковский. Увеличение объема материалов, расширение того исторического фона, на котором рассматривается сарматская проблема, — от Средней Азии до Испании и Африки — не разрешили недоуменных вопросов, и основная трудность продолжает оставаться в необходимости выработки такой процедуры объяснения фактов, которая будет удовлетворять самым строгим требованиям научного анализа.

Пожалуй, сарматской эпохе на Северном Кавказе повезло больше, чем другим: к ее изучению обращалось большее число исследователей, придерживавшихся зачастую различных точек зрения и опирающихся на материалы разных районов Северного Кавказа (от Кубани до Дагестана). Столкновение же взглядов (устное — на ежегодных кавказских симпозиумах или письменное — на страницах журналов) всегда продуктивно, даже в том случае, если оппоненты резко расходятся в толковании проблемы.

На исторической арене Северного Кавказа сарматы, подобно скифам, появились как опасные и неукротимые враги. Недаром в быту адыгских племен сохранилась поговорка «Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?» [Ногмов, 1947, с. 24]; показательно и слово *цармарт* в грузинском языке, что значит «язычник» [Гаглойти, 1966, с. 70], а в языках вейнахской группы словом *цаьрмат* называют уродливого и страшного, чужого человека [Виноградов, 1963, с. 151]. Картину взаимоотношений сармат с местными племе-

нами мы можем дополнить, привлекая сведения Л. Мровели, повествующего о браке между сестрой царя Фарнаваза, объединившего Грузию в III в. до н. э., и «овским царем» (овсы грузинских источников в разные исторические периоды соответствуют последовательно сарматам, аланам и осетинам); сам Фарнаваз был женат на «деве из рода Кавкаса (племени) дурдзуков» [Мровели, 1979, с. 30], которых локализируют на северных склонах Кавказского хребта, на территории нынешней Чечено-Ингушетии.

На протяжении царствования Фарнаваза овсы, леки и дурдзуки оставались его надежными союзниками.

Этот союз сохранился и при его сыне Саурмаге и лишь при внуке Мирване I был временно нарушен восстанием дурдзуков. «Тогда царь Мирван созвал всех эриставов картлийских, собрал многочисленное войско — конных и пеших... и подступил к вратам [неприятеля], жестокий, как джик (так в древнегрузинских источниках назывались зихи — адыгские племена, жившие на Черноморском побережье Кавказа, косоги русских летописей. — В. К.), бесстрашный, словно тигр, и с лвиным рыком на устах. Разразилась меж ними жестокая битва, и, словно скалу, не рассекал Мирвана меч дурдзуков: был он тверд и незыблем, как столп. Битва длилась меж ними долго, и с обеих сторон пало множество [людей]. Однако дурдзуки были осилены и обращены в бегство» [Мровели, 1979, с. 31].

Сопоставляя данные греческих, римских и древнегрузинских авторов, мы получаем представление об этнической карте Северного Кавказа последних веков I тысячелетия до н. э.

Страбон в XI книге «Географии» подробно повествует о Кавказе; после рассказа о самых высоких частях Кавказа, о горцах, которые живут на вершинах гор и в лесных долинах, он переходит к описанию северных предгорий — области, прилегающей к «равнине сираков» (одного из важнейших сарматских племен): «Здесь (имеются в виду предгорья. — В. К.) живут также некие троглодиты, из-за холодов обитающие в пещерах; но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами следуют хамекиты и так называемые полифаги и селения исадиков, которые еще в состоянии заниматься земледелием... Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским мо-

рем, именно набианы и панксаны, а также племена сираков и аорсов. Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков» (Strab. XI, V, 7—8).

На протяжении многих десятилетий не прекращаются ожесточенные споры о том, как локализовать сарматские племена аорсов и сираков, как датировать время их появления на Северном Кавказе, как определить характер их взаимоотношений с соседями, какие признаки выделять в качестве этнокультурных показателей [Смирнов, 1954; Виноградов, 1963; Абрамов, 1968, с. 129]. Для нас существенно, что и древние авторы, и современные археологи единодушны в признании наличия в степях большого монолита сарматских племен. Заслуживают внимания и сведения Плиния Старшего о том, что в тылу города Питиунта, «в кавказских городах, живет сарматский народ епагерриты, а за ними савроматы» (Плиний. Естественная история. VI, 15); по мнению Ю. С. Гаглойти, И. С. Каменецкого и Е. П. Алексеевой, локализовать их следует в верхнем течении реки Кубани [Алексеева, 1971, с. 70].

Особенно важны данные по локализации тех племен, которые заселяли северные предгорья и горы Кавказа. Речь идет, во-первых, о троглодитах, то есть жителях пещер (не имеются ли здесь в виду дома, частично углубленные в землю,—вспомним углубленные жилища в Приэльбрусье, на Эшкаконе, рассмотренные выше?), которые, по мнению некоторых исследователей, локализуются в Чечено-Ингушетии, рядом с хамекитами [Виноградов, 1963], исадиками («содиями» Плиния). (Естественная история. VI. 29); и «исондами» Птолемея (V, 8, 17—см. [Виноградов, 1963, с. 157]).

Далее на восток, уже на территории современного Дагестана, находились леки древнегрузинских источников. Если согласиться с предложенной локализацией хамекитов и исадииков, то троглодиты, очевидно, в действительности находились западнее (и, видимо, значительно) — можно ожидать, что их ареал включал горные районы от Осетии до верхней Кубани; никаких других племенных названий, которые можно было бы связать с этой территорией, в нашем распоряжении нет, а между тем, коль скоро Страбон начинал свое описание с района современного Сухуми, то назван-

ные им племена и должны были находиться в верховьях Кубани и далее на восток.

Памятники III—I вв. до н. э. в горах немногочисленны и, как правило, представлены погребениями, большая часть которых вскрыта еще в прошлом веке и лишена должной документации; многие детали, ускользнувшие от внимания непосредственных производителей работ, восстановить невозможно. А при небольшом числе погребальных комплексов, архаичности инвентаря, плохо поддающегося датированию, при разнообразии погребального обряда, в частности погребальных сооружений, черпать в этом материале основания для уточнения этнической или хронологической интерпретации можно только при введении дробного кода описания этих погребений.

Остановимся лишь на том, как проявляется в них преемственность от кубанских памятников VIII—IV вв. до н. э., не предлагая, однако, на этой базе этногенетических построений. Так, продолжает бытовать традиция погребений в каменных ящиках (большинство) или в грунтовых могилах (мало), иногда с частичным использованием камня. Преобладают одиночные захоронения, правда, появляются и коллективные. Продолжают встречаться скорченные погребения, как в предыдущую эпоху, но все больший удельный вес приобретают вытянутые (82% в Кабардино-Балкарии, по данным Б. М. Керефова). Ориентировка неустойчивая, с преобладанием широтной.

Вещевой материал демонстрирует в ряде категорий прямую преемственность от более ранних форм кубанской культуры. Это касается бронзовых дуговидных фибул, бронзовых литых браслетов с концами в виде змеиных головок [Абрамова, 1974, с. 5], умбонovidных бляшек-пуговиц [Керефов, 1975, с. 8] и многих других украшений. Оружие и конское снаряжение гораздо тоньше реагирует на все то новое, что появилось в военном деле сарматской поры и отражало процессы «сарматизации соседнего несарматского населения, то есть принятие им сарматского костюма, вооружения, многих сторон погребального обряда и т. д.» [Смирнов, 1954, с. 195].

Вооружение сармат и их воинственность красочно описывают древние авторы. Овидий говорит, что «между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел» (Овидий,

V. 7, 12—20). О «мечущем огромное копьё сармате» пишет Валерий Флакк (Флакк. Аргонавтика, VI. 162), об их воинственности — Сидоний: «кочевое скопище — суровое, хищное, бурное»; «народ кровожаднейший и посвященный Арею, считающий спокойствие за несчастье», — вторит ему Либаний. «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства, они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатство туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги; племя воинственное, свободно, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наравне с мужчинами», — заявляет Помпоний Мела (Помпоний Мела, III, 33).

Чем глубже мы пытаемся «заглянуть» в горы, тем меньше в местной культуре находим сарматских черт; это лишь отдельные предметы вооружения и детали костюма и украшения, бронзовые зеркала-подвески, что является хорошим хронологическим, но не этническим показателем.

Сложнее обстоит дело с деталями погребального обряда, которые можно связывать с сарматами. Пока в распоряжении археологов было еще мало материала, сложился определенный взгляд на то, какие признаки можно связывать с сарматами; к ним относили наличие меловой подсыпки, перекрещенные голени, положение кисти руки на тазовых костях. С увеличением общего количества материала самые простые подсчеты показали, что рассматривать эти признаки в качестве этнических нельзя; например, на Маныче, в зоне обитания сираков, меловая подсыпка отмечена менее чем в 2% погребений, а в позднесарматских памятниках, согласно сведениям М. Г. Мошковой, — в 19,7%.

Еще в 1963 г. И. С. Каменецкий пришел к выводу, что в погребениях меотов, коренных обитателей средней и нижней Кубани, такая деталь погребального обряда, как перекрещенные ноги, встречается чаще, чем в собственно сарматских памятниках. Подсчеты по позднесарматским комплексам, произведенные М. Г. Мошковой, показали, что в целом этот признак составляет лишь 3,5%, увеличиваясь по направлению к юго-западу до 7—8% (очевидно, как она полагает, под влиянием меотов). Это же касается положения

кости руки на тазовых костях: в позднесарматских памятниках этот признак составляет около 20%, поэтому нельзя, рассматривая северокавказские ламятники, перечисленные детали обряда считать признаком сарматского влияния.

Вообще, наблюдения по погребальному обряду могут лишь в том случае служить нам основанием для каких бы то ни было этноисторических построений, когда подсчитаны по дробной программе не только все материалы с изучаемой, но и со всех сопредельных территорий. Коль скоро это не осуществлено, наши выводы остаются предельно гипотетическими.

Итак, наши представления о жизни населения Северного Кавказа в последние века I тысячелетия до н. э. ограничены немногочисленностью археологического материала; мы можем предполагать, что в горах продолжало жить местное население, сохранившее культурные традиции, сложившиеся в кобанской культуре. Степи были заняты кочевыми сарматскими племенами, вступавшими во все более тесный контакт с населением гор и предгорий. К рубежу нашей эры в этих процессах все более заметную роль начинает играть одно из сарматских племенных объединений — аланы.

Выход алан на историческую арену

...Аланы — племя дикое и долго неизвестное нашим, так как они сдерживались внутри вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами непроходимостью местности внутри страны и запором железной двери...

Амвросий, кн. 5

Количество источников и, главное, полнота сведений об истории алан значительно превышают все то, что мы знаем о предшествующих, а порой и последующих народах. Очень важно, что эти знания из древних источников мы можем в данном случае подвергнуть перекрестной проверке.

Впервые в произведениях античных авторов «пыльные аланы» упоминаются в I в. н. э., чтобы на долгие века занять видное место в качестве опасных противников или желательных союзников Рима и Византии. Волна сармато-аланских нашествий прокатилась

по Европе и Азии. Правда, это имя не имело печальной и страшной славы гуннов, но тем не менее воинственных алан древние авторы знают в Предкавказье (где их потомки живут в наши дни), в Закавказье, в Передней Азии, в Причерноморье и Подунавье, во Франции и Северной Африке. Как и скифы в эпоху переднеазиатских походов, зачастую теми же маршрутами, такими же воинственными конными дружинами аланы проникали на территорию крупнейших государств древности. Не случайно среди сарматских погребений той поры около половины составляют погребения воинов.

Сарматы славились своей легкой конницей, а их «звонконогие» (Сидоний) кони, «пригодные для любой длины переездов» (Овидий), — резвостью и неприхотливостью. Интересно, что наряду с породистыми, быстроаллюрными скакунами типа ахалтекинцев, тонконогими, подтянутыми, с горделиво поднятой головой, которых мы знаем по росписям Боспорских склепов, у основной массы дружинников под седлом были кони попроще, степных улучшенных пород. На этих конях они отправлялись в походы одвуконь, приводя в страх противника как быстротой передвижений, так и численностью своего конного войска. Поскольку аланы, как и все сарматы, прежде всего предстают перед Римом, а позднее Византией как конники, до нас дошли наиболее яркие характеристики их именно в этом качестве.

Долгое время в глазах римлян образцом непобедимости представляла парфянская конница. На конских ристалищах в Риме после триумфального въезда Суллы появились и прославленные парфянские скакуны. Особенно красочно описал Плутарх парфянских катафрактариев и клибанариев — тяжеловооруженных всадников, от которых «убежать невозможно», их диковинные стрелы, невидимые в полете, тяжелые, с железными остриями копья; броненосные конники, «пламени подобные, — сами в шлемах и латах из маргианской ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных» (Плутарх. Красс, XXIV). Парфянской коннице по силе и маневренности могла противостоять только сарматская (по мнению М. И. Ростовцева — аланская, по В. Б. Виноградову — аорская или сиракская). «Парфянин, приученный с одинаковой ловкостью наскакивать и обращаться вспять, рассыпа-

ет свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, то, как в рукопашной схватке, теснят друг друга напором тел и оружия» (Тацит. *Анналы*, VI, 35).

Любопытно, что именно Тацит первым отметил ту черту северокавказских алан, с которой нам не раз еще придется столкнуться, рассматривая их внешнюю политику на протяжении последующих веков. Описывая иберо-парфянский конфликт, он замечает, что сарматские вожди, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени, отправились на помощь и к той и к другой» (Тацит, VI, 33).

Данные о военном деле сармат хорошо подкрепляются археологическими материалами. Уже у сираков и зорсов в ходу были длинные мечи с кольцевым навершием, продолжающие бытовать и в I—II вв. н. э. Из закавказских источников мы узнаем, что сарматские мечи и кинжалы имели красные деревянные ножны, красную рукоять; любовь к красным камням в инкрустации рукоятей сохранится у алан и позже — достаточно вспомнить вставки из сердолика и граната-альмандина. Мечи на портупейном ремне крепились к правому бедру, так же носили и кинжал. Длинными мечами рубили одной, реже двумя руками; пикой, которая у катафрактариев достигала 3 м и более, разили с коня. Особое место в вооружении поздних сармат занимал аркан — типичное оружие степняка и кавказского горца. Для кочевника-скотовода аркан, как лассо у ковбоя, — самое необходимое орудие, в обращении с которым он достигал виртуозности: с его помощью отбивали молодняк в табунах, отделяли бычков или же в бою, ловко накидывая петлю на шею противника, сбрасывали его с лошади и захватывали в плен. Как и умение ездить верхом, использование аркана для скотовода входит в круг тех обязательных навыков, которые служат ему и в мирной, и в военной жизни.

Сначала у всадников были чешуйчатые доспехи, а затем они стали сменяться на кольчужные. Конские доспехи у сармат имели меньшее распространение, чем у парфян. С рубежа нашей эры появился тяжелый лук. Древние авторы рисовали несколько утриро-

ванный внешний облик сармато-алан. Так, даже тонкую талию и длинные ноги они считали уродством. Тут и «грубый голос, свирепое лицо, волосы и борода не подстрижены» (Овидий), причем «рассыпанные по плечам» длинные волосы (Сенека) отмечаются неоднократно. Они всегда на конях, с ножом на бедре, с «хвастливым и роскошным» вооружением (Астерий).

Вспомним для сравнения описания вооруженных кавказцев начала XIX в.: на оборванном горце оружие всегда сияло, а снаряжение его коня было аккуратно пригнано. «Только три вещи: ружье, обувь и кинжал, без которых нельзя жить и путешествовать в горах, были у него исправны; все остальное висело на нем в лохмотьях» [Торнау, 1864, ч. I, с. 81].

Сведения о военных действиях, кочевом быте алан, «которые хуже всякой другой беды» (Аврелий Виктор), «племени воинственного, свободного, непокорного и до того жестокого и свирепого» (Помпоний Мела), можно было бы умножить, но в том контексте, в котором мы обратились к ним, нам важно понять другое. Когда аланы пришли на Кавказ и откуда? Из кого состояла аланская конфедерация племен? Где она сложилась? Каковы отношения алан с местными кавказскими племенами? Какие признаки (археологические) мы можем считать определяющими для памятников алан? Именно эти вопросы на протяжении последней сотни лет являются предметом ожесточенных дискуссий.

В нашем распоряжении находятся две системы данных, которые можно привести во взаимно однозначное соответствие. Первая система — это сумма интерпретированных письменных свидетельств об аланах, из которых мы получаем сведения, где на протяжении каждого из долгой цепи веков документировано пребывание алан. Для освещения вопроса происхождения и расселения алан по этим источникам все содержащиеся в них сведения нужно упорядочить в пространственно-временном континууме. Вторая система — это совокупность археологических памятников I тысячелетия. Все поселения, могильники, случайные находки должны быть изучены в их динамике и локальных различиях, причем только успешное и максимально дробное членение материалов на хронологические этапы на основании типологии вещей с последующим переходом от относительной да-

тировки к абсолютной позволит определить нужные веки.

Начнем с анализа письменных источников и истории вопроса. Обширная специальная литература посвящена вопросам появления этнонима «алан» в Северном Причерноморье вообще и на Северном Кавказе в частности (Миллер, Кулаковский, Нечаева, Гамрекели, Виноградов, Кузнецов, Гаглойти, Деген-Ковалевский, Деопик, Абрамова, Ковалевская). Существует прочная историческая традиция, что этноним «алан», приуроченный не только к Северному Причерноморью, Дунаю и Приаралью, но и к Северному Кавказу, появляется у римских, китайских и закавказских древних авторов, так же как в эпиграфических памятниках, начиная с I в. н. э. Согласно другой точке зрения, по письменным источникам нельзя говорить об аланах на Северном Кавказе ранее II в. н. э. [Гамрекели, 1961] или даже гуннского времени [Абрамова, 1979].

Негативные утверждения В. Н. Гамрекели малоубедительны, голословны и часто противоречивы, в специальной литературе они уже подробно, с сопоставлением источников разобраны (Виноградов, Гаглойти, Кузнецов). Точка зрения М. П. Абрамовой, зависящей в своих построениях от аргументации В. Н. Гамрекели, но идущей дальше в своих выводах, страдает односторонностью при привлечении материалов (античные авторы без учета восточных источников) и в той форме, в которой она существует на сегодняшний день (тезисы и доклад на IX Крупновских чтениях), очень уязвима. «Признание» или «непризнание» достоверности высказываний древних авторов, исходя лишь из общих концепций исследователя, без должного их анализа, в принципе неконструктивно.

Возьмем данные тех античных авторов, которые в разных контекстах и на разных территориях упоминают этноним «аланы» для догуннского времени: Сенека, Валерий Флакк, Марциал, Плиний, Иосиф Флавий, Анней Лукан, Светоний, Флавий Арриан, Птолемей, Лукриан Самосатский, Антоний Благочестивый, Дион Кассий. Из этих двенадцати авторов лишь трое говорят об аланах только в связи с событиями на Истре, трое связывают их с Северным Причерноморьем (одновременно зная их на Кавказе) и девять

или локализуют их на Кавказе, или же рассказывают об их походах через горные проходы в Закавказье.

Как мы уже говорили, в наиболее ранних упоминаниях об аланах авторов середины I в. н. э. подчеркивается «дикий и воинственный» характер этих новых врагов Рима (Сенека и поэт Анней Лукан), с которыми сталкивался уже Помпей в своем закавказском походе 65 г. до н. э. Поэт Валерий Флакк локализует их на Кавказе рядом с гениохами (и несерьезно видеть в этом лишь поэтическую вольность, как это делает В. Н. Гамрекели), упоминая в том же контексте аланского вождя Анавсия, имя которого этимологизируется из осетинского языка как «ненасытный» [Гаглойти, 1966, с. 80].

Рассмотрим в качестве хронологических вех военные события, которые происходили на Кавказе в догуннское время и участниками которых были аланы: направление движений, расстановка сил, союзники и противники, пути передвижений достаточно убедительно дадут нам понять, выступают ли аланы в Закавказье как племена, пришедшие издалека, от Дона и Меотиды, или из ближайших предкавказских степей и, возможно, предгорий Кавказа. Начнем с хорошо документированных событий 72 г., известных нам по сочинениям Иосифа Флавия, епископа Амвросия, Мовсеса Хоренаци и по летописи «Картлис Цховреба».

Опустошительный набег на Армению соединенных алан и «горцев» (Мовсес Хоренаци) «вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами» (Амвросий) был произведен по наущению Иверии. Сведения об этническом составе нападавших детализируются данными Л. Мровели: «Тогда цари Картли Азарк и Армазел призвали овсов и леков, привели царей овских — братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук (имена иранские.— В. К.)— с войском овским. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидоев...» [Мровели, 1979, с. 33]. Итак, в этом объединенном нашествии на стороне алан-овсов были все северокавказские горские племена — от джиков (зихов) на западе до леков (Дагестан) на востоке.

Они прошли Дарьяльским ущельем, «железными воротами» (Иосиф Флавий) — «путем щитоносцев», как этимологизируется последнее название в ингушском языке. Правда, среди исследователей существуют

разногласия: в противовес представлению о дарьяльском пути Тойблер полагает, что аланы пришли из Средней Азии горным Гирканским проходом, И. Маркварт — Дербентским, акад. Манандян — меото-колхидским путем, причем ни одна из этих гипотез не может объяснить, как тогда произошло объединение алан со всеми северокавказскими горцами. И Иосиф Флавий и Леонти Мровели подчеркивают неожиданность нападения на Армению: «Стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи» (Иосиф Флавий. О войне иудейской, VII, 7, 4).

У Л. Мровели, который в этой части своего сочинения следовал каким-то неизвестным нам армянским источникам, описываются действия армянского военачальника Сумбата Бивритиана (Смбат Бюрат), отправившего гонцов с предложением оставить победителям добычу — «скот, золото, серебро и ткани» — и вернуть пленных. После отказа алан Сумбат перешел Куру, а Базук вызвал его на поединок, который (с этим обычаем мы еще неоднократно встретимся), как правило, либо предопределял, либо решал исход битвы. «Сумбат облачился в доспехи, воссел на коня своего и прошелся перед готовыми [к бою] рядами. Навстречу выступил Базук, и с громкими криками столкнулись. [Сумбат] поразил копьем по чреслам, пронзил его насквозь, сорвал с седла и грянул оземь» [Мровели, 1979, с. 34].

За гибелью Базука следуют смерть Анбазука, пронзенного копьем Сумбата, битва между армянами и соединенным войском, полная победа армян, истребление «многих овов и леков» и разорение Картли.

С этого момента начинается полоса враждебных отношений между аланами и Арменией и дружественных между аланами и иверами. По сведениям Светония, где-то при Веспасиане (69—79), но, очевидно, после рассмотренного нашествия 72 г. «Валарш, царь парфян, настоятельно просил против алан военной помощи» (Светоний. Домициан, гл. 2). В следующих военных действиях между армянами и объединенными силами Картли и алан, когда картлийские цари начали военные действия, «укрепили города и крепости и заполнили их войсками, призванными из Овсети» [Мровели, 1979, с. 34], армяне осадили Мцхету.

Картли и аланы после пятимесячной осады запросили мира, «изъявили покорность» и обещали повиноваться армянам — правда, ненадолго. При усилении военных действий армян с Римом и Ираном, когда все основные силы Армении были заняты, аланы и картлийцы «беспрерывно стали нападать на армян», победили направленное против них армянское войско, взяли в плен армянского царевича Зарена и заточили его в крепость Дариалан. Только через три года, после появления в Картли армянского войска, был заключен мир и возвращен царевич, «отныне стали друзьями армяне, картлийцы и овсы. Заодно сражались против общего врага» [Мровели, 1979, с. 35].

Следовательно, на протяжении I в. аланы находятся непрерывно в центре всех событий в Закавказье, активно участвуя в них на стороне Картли. В то же время, как мы узнаем из Луккиана, боспорский царь Левканор, выдавший свою дочь Мазею за правителя меотов-махлиев Адирмака, был женат на аланке Мастире, братья которой жили в Алании.

Следующий грандиозный набег алан на Албанию и Мидию был вызван, как мы знаем по Диону Кассию, в 135—136 гг. Фарсманом II и был приостановлен «благодаря дарам, которыми Валарш (имеется в виду либо парфянский, либо армянский царь.— В. К.) воздействовал на алан» [Тревер, 1959, с. 130].

В начале II в. аланы продолжали играть заметную роль в политической жизни Боспора: наместниками Европейского и Азиатского Боспора были аланы, сыновья Маста — Ульпий Парфенокл и Ульпий Антимах, в 208 г. на Боспоре «главным аланским переводчиком» был некто Иран. В 213 г., судя по Мовсесу Хоренаци, аланы и горские племена напали на Армению.

В середине III в. на Картли «пришли двалетским путем многочисленные войска овсов... с целью сокрушения города Мцхеты» [Мровели, 1979, с. 35]. Интересно, что, первый раз за два с половиной века придя в Картли в качестве врагов, аланы воспользовались не Дарьялом, через который обычно их пропускали цари Картли, а Двалетским перевалом. Если согласиться с В. Н. Гамрекелли, то в двалах грузинских и армянских источников надо видеть талов Птолемея или валлов-уаллов Плиния и локализовать их в ближайшем соседстве с аланами в горных районах

Центрального Предкавказья и Закавказья [Гамрекли, 1961, с. 63]. Картлийский правитель Амазасп собрал большое войско, выступив сам в поединке с аланскими богатырями, пользуясь луком, копьем и мечом. Войско Картли нанесло сокрушительный урон аланам, был убит царь и множество воинов, и в следующем году армяне и Картли вступили в Аланию, «и никто не мог противостоять, полонили всю Овсеги и с победой вернулись восвояси» [Мровели, 1979, с. 36].

Предположение о непосредственной территориальной близости Алании с Картли и Арменией подкрепляется еще рядом источников: надписью Картира конца III в., данными о расположении алан к северу от Абазгии (Равеннский аноним IV в.) и вблизи лазов (Певтингеровы таблицы, 365 г). В начале IV в. мы вновь видим совместные действия алан с леками на стороне Картли и армян против Ирана, причем, когда иранское войско вступает на территорию Закавказья, картлийские цари уходят «в Овсети, дабы привести войско из Овсети и укрепить города-крепости» [Мровели, 1979, с. 37].

Как археологам выявить памятники ранних алан?

Как слои почвы, слои народов следуют в нашей части света один за другим, часто смешиваясь, но всегда так, что их первоначальное положение можно еще распознать. Исследователям обычаев народов, их языков следует поторопиться, чтобы не потерять время, пока слои еще различаются.

И. Гердер

Подытоживая разбор событий в Закавказье, где активными участниками на протяжении первых четырех веков нашей эры были аланы, использовавшие в военных действиях в Закавказье союзных им горцев, мы воочию убедились, что аланы, согласно античным авторам, они же овсы, согласно грузинским летописям, находились в непосредственной близости к Закавказью: только в этом случае был резон идти в горы за аланской помощью в тот момент, когда враг уже вступил на территорию Картли; если бы аланы населяли берега Меотиды или даже северокавказские степи, это было бы бесполезно.

Вопрос сопоставления данных письменных источников с археологическими материалами, если уж в нашем распоряжении имеется и то и другое, является одним из фундаментальнейших в археологии, но эта процедура еще требует выработки однозначного и непротиворечивого перевода с языка одной системы на язык другой. Поэтому «различные исследователи, сталкиваясь с одними и теми же категориями явлений, далеко не всегда одни и те же специфические явления описывают и интерпретируют одинаково» [Кун, 1975, с. 37].

Казалось бы, самый простой путь — это определить по данным письменных источников ареал того народа, исследованием которого мы занимаемся, в данном случае (пусть в самом общем виде) территорию, связываемую с аланами первых веков нашей эры на Северном Кавказе, а далее проследить, какие археологические памятники могут быть отождествлены с ними. Более ста лет назад, когда исследователи впервые вплотную обратились к этому вопросу, было высказано мнение как об отождествлении античных алан и осов древних грузинских авторов с ираноязычными осетинами, так и о принадлежности северокавказских катакомбных могильников первых веков нашей эры аланам. Следует сказать, что это, казалось бы, слишком прямолинейное и однозначное сопоставление продолжает, пожалуй, оставаться наиболее правомерным, несмотря на раздающиеся одиночные возражения. И такое почти полное единодушие исследователей объясняется не привычностью подобной точки зрения, а тем, что она получает все большее число подтверждений на массовом материале.

При решении названной проблемы мы сталкиваемся со следующим кругом вопросов: как выделить из обширной массы памятников Северного Кавказа древности I—III вв.? Какие элементы в них способствуют определению даты, этнической принадлежности или генетической преемственности — погребальный обряд, типы погребальных сооружений, инвентарь, типы поселений и жилища? Как локализуются эти памятники и различаются ли между собой в степях, предгорьях и горах? Каковы были отношения горцев со степняками? Короче, как проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов, как выявить особенности рассматриваемого периода в единой линии развития культуры Северного Кавказа? Как отобрать и оценить факты с точки зрения их информативности в плане поставленных вопросов, чтобы полу-

чить наиболее точные и надежные выводы? На помощь приходит опыт конкретных исследований последних лет в рассматриваемой области, который мы очень коротко попытаемся подытожить.

Положительными сторонами их являются расчленение материалов во времени и пространстве, обращение к «закрытым» комплексам, корреляция отдельных деталей погребального обряда и черт материальной культуры. После выполнения этих исследований требуется еще более глубокий, детализированный анализ, когда по единой и максимально дробной программе будет рассмотрен и сопоставлен весь материал сарматского времени. Иными словами, только при рассмотрении каждого погребения по всей сумме признаков мы сможем говорить о его принадлежности к кругу сармато-аланских памятников. Обращаясь к археологии позднесарматской поры на Кавказе, исследователи прежде всего ставят своей задачей выделить все комплексы и случайные находки этого времени в рассматриваемом районе, опираясь на датирующие вещи — фибулы европейских форм, монеты, бусы, сарматское оружие и т. д. [Алексеева, 1949; Виноградов, 1963; Абрамова, 1974; Кереев, 1975; Алексеева, 1976; Петренко, 1980].

Различные авторы придерживаются для памятников разных районов Кавказа различных периодизаций. Так, В. Б. Виноградов и Б. М. Кереев определяют как раннеаланский период I—III вв. н. э., М. П. Абрамова членит его на два этапа (конец I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э.), а В. А. Петренко определяет его пределы II—IV вв. Общее число привлекаемых комплексов приближается уже к 200; в частности, Б. М. Кереевым учтено 85 комплексов рубежа I в. н. э. и 28 — I—III вв. в Кабардино-Балкарии [Кереев, 1975]. В. А. Петренко в Чечено-Ингушетии для II—IV вв. — 9 катакомб в степях и 36 комплексов в предгорных районах [Петренко, 1980]. Комплексов первых веков меньше всего выделено на территории Осетии (а те, что имеются, в основном открыты в ходе дореволюционных работ и потому имеют неполную документацию) — 20 комплексов в горах (из двадцати трех комплексов, разобранных М. П. Абрамовой, три следует по инвентарю отнести к VII—VIII вв. н. э. [Абрамова, 1974, рис. II, 11 и 24, рис. I, 27]; найденные здесь зеркала, поясные наборы, браслеты, бубенчики следует датировать не ранее конца VII в., а скорее VIII в. н. э.).

Анализируя эти материалы, исследователи пришли к выводу, что в степных районах мы имеем для того времени памятники кочевых сармато-алан, в горных — комплексы, оставленные местным кавказским населением, а в предгорно-плоскостных — памятники смешанного, «сарматизированного» облика. Могильники с погребениями в катакомбах, которые, как уже говорилось, традиционно рассматриваются как характерный признак аланских комплексов, в начале нашего века исчислялись единицами (Золотое кладбище на Кубани и Алханкала на Сунже). Сейчас подобные памятники сплошной линией (26 пунктов) заполнили пространство между этими двумя крайними точками.

Обладая этим уже вполне достаточным для выводов материалом, следует вновь обратиться к вопросу, насколько сам катакомбный обряд погребения является здесь информативным признаком для исторических выводов. В северокавказских степях, а сейчас и в Дагестане катакомбные сооружения — явление не новое, так как мы знаем здесь много десятков, если не сотен подкурганых катакомб, датирующихся еще эпохой бронзы. Однако к нашей теме они отношения не имеют, так как их отделяет от интересующих нас памятников от 1000 до 2000 лет; немаловажно в этой связи только то, что идея создания в земле погребальной камеры, образующей замкнутое пространство и имевшей форму жилища кочевника (возможно, кибитки), оказывается присущей населенникам степей на разных этапах.

Генетическую преемственность для северокавказских катакомб начала нашей эры можно проследить не от них, а от поволжско-среднеазиатских, где этот тип могильных сооружений связан с сарматско-массагетским миром, или же возводить к так называемым земляным склепам европейского и азиатского Боспора. Нам не должно смущать малое количество катакомб в сарматской культуре волжско-уральского междуречья, так как оно растет с каждым годом. Нам важно отметить, что непосредственно в предшествующий период они отсутствуют в горах и на равнинах Кавказа, поэтому у нас нет никаких оснований воспринимать их как проявление местного погребального обряда (ср. [Абрамова, 1975]) и тем более возводить к каменным подземным склепам [Нечаева, 1961], которые, кстати, в то время представлены единицами.

Иногда тезис о местном генезисе катакомб первых

веков нашей эры на Кавказе пытаются подкрепить ссылкой на наличие в них коллективных захоронений с многоярусным расположением костяков: в этом видят проявление доли местных элементов в создании катакомбного обряда. Однако катакомба как форма погребального сооружения, коллективность как черта погребального обряда и многоярусность как способ захоронения и проявление характера использования погребального сооружения несравнимы между собой, поскольку характеризуют *разные стороны* такого сложного явления культуры первобытного общества, как погребальные обычаи; следовательно, такой подход методически неверен.

Кроме того, местная кобанская культура предшествующего времени, так же как и одновременные нашим катакомбам грунтовые погребения, которые обычно связываются с местной традицией, дают абсолютное преобладание индивидуальных захоронений. Вообще среди местных кавказских племен в горах и предгорьях и у степных сармато-алан (как на Кавказе, так и в междуречье Волги и Дона и далее к западу) существует многообразие форм погребальных сооружений: катакомбы, подбойные могилы, грунтовые погребения, могилы «колодцем», каменные ящики, каменные гробницы, грунтовые могилы с частичным использованием камня и т. д.

Только после того как все виды погребальных сооружений для сармато-аланского периода на Северном Кавказе будут описаны по детализированному коду (наземное и подземное сооружение, число составляющих гробницу элементов, их форма и размеры, конструкция, характер заполнения и многое другое), можно будет сравнивать между собой все эти комплексы в их пространственно-временном разнообразии и аргументированно ответить на вопрос об этнической принадлежности северокавказских катакомб первых веков нашей эры. В такой же мере это касается других деталей погребального обряда: позы костяка, положения рук, ориентации, расположения и ассортимента погребального инвентаря — все эти детали начинают служить для определения хронологических или территориальных различий только тогда, когда они подсчитаны и сравнены между собой, что сделано еще в весьма небольшой степени и больше для территории Поволжья и Подонья, чем для Северного Кавказа.

Во всяком случае, никакой унификации погребаль-

ных памятников на рассматриваемой территории для этого периода не наблюдается, и, по мнению исследователей, многообразие форм погребальных сооружений и вариации других признаков погребального обряда свидетельствуют в пользу усложнения этнического состава населения Предкавказья [Виноградов, 1963, с. 94]. Для этого периода актуальными остаются поиск и исследование могильников, их полные раскопки и публикация и сопоставление между собой и с данными письменных источников.

Гуны в степях и на Кавказе

Замолкни и вслушайся в топот табунный
По стертых дорогам, по травам сырым.
В разорванных шкурах бездомные гуны
Степной саранчой пролетают на Рим.

П. Васильев

Мы видели, что все те степные племена, с которыми на протяжении I тысячелетия до нашей эры и первых трех веков нашей эры вступали в контакты — то дружественные, то враждебные — жители гор и предгорий, были ираноязычными: сначала киммерийцы и скифы, позднее сарматы и аланы. Только с гуннского времени (IV в. н. э.), начинающего «великое переселение народов», или, возможно, лишь немногим ранее, при непрекращающихся связях с иранцами в лице алан начинают контакты местного населения с тюркоязычным миром. Если до наших дней имя ясов-асов-осов-алан и ираноязычная речь сохранились у центральнокавказских осетин, то и тюркская речь вплоть до нынешнего дня звучит в кавказских горах у карачаевцев и балкарцев, кумыков и нагайцев, и принесли ее в горы гуны и болгары, тюркюты, хазары, печенеги и половцы, на протяжении тысячелетия сменявшие друг друга в евразийских степях.

Древние авторы — римско-византийские, грузинские, и армянские — уделили гуннскому нашествию большое внимание, поскольку оно явилось потрясением для всего цивилизованного мира той эпохи. Аланам пришлось столкнуться с гуннами на ранних этапах этогошествия. Из обширного круга проблем, касающихся гуннского периода истории Восточной Европы, в том числе Северного Кавказа, мы коснемся лишь двух: появления

тюркского этноса на Северном Кавказе, взаимоотношений гуннов и алан. Существует точка зрения, что именно гуннов под именем «унны» знает автор второй половины I в. до н. э. Днионисий Перизет, локализирующий их «возле Каспийского моря», между скифами и каспийцами [Гумилев, 1960, с. 124; Гумилев, 1962, с. 28]. Клавдий Птолемей в следующем веке знает их между бастарнами и роксаланами [Maenchen-Helfen, 1973, с. 442—449].

Наиболее же полные и, безусловно, достоверные сведения мы получаем у Аммиана Марцеллина, одного из самых ярких и интересных авторов IV в.: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за меотийскими болотами... и превосходит всякую меру дикости...» (Амт. XXXI, 2, 1; 2, 2). Аммиан Марцеллин говорит об их кочевом образе жизни, воинственности, отсутствии наследственной царской власти: они «довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути» (Амт. XXXI, 2, 7). Источники описывают гуннов как всадников, «приросших» к своим коням, «выносливым, но безобразным на вид» (Амт. XXXI, 2, 6). Они то скачут враспынную, «без всякого порядка», с «нежданными обратными набегами» (Клавдий Клавдиан), то вступают «в битвы клинообразным строем со свирепыми криками... издали они сражаются метательными копьями (в переводе Кулаковского — стрелами. — В. К.), врукопашную рубятся очертя голову мечами и, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы...» (Амт. XXXI, 2, 8, 9). «У них страшные и верные руки, наносящие меткими копьями неизбежную смерть, и ярость, умеющая грешить непогрешимыми ударами», — вторит Марцеллину Солий Аполлиарий Сидоний (Сидоний, V, 235—298).

Всех древних авторов, так же как и нас, прежде всего интересовал вопрос: кто они, эти «яростные вонтели» (Аммиан Марцеллин), «бродячие полчища хуннов» (Авзоний), «свирепые хуны», «свирепейшее племя», откуда и когда появились?

В письменной традиции сохранилась мифологизированная версия происхождения гуннов. Иордан со слов Оросия сообщает, что они рождены изгнанными в пустыню готскими колдуньями от злых духов (Iord. Getica, 122). В то же время представляют интерес древние отождествления их с киммерийцами и скифами

[Maenchen-Helfen, 1973, с. 17, 18], вызванные обитанием их в степях и кочевым образом жизни. В действительности же исторически оправданным является отождествление европейских гуннов с обитавшими в Центральной Азии сюнну китайских источников [Maenchen-Helfen, 1973, с. 222; Гумилев, 1960, с. 123—125; Амброз, 1981, с. 10], причем первое столкновение гуннов (сюнну) с аланами, по Менчен-Хелфену, произошло еще в Средней Азии — в стране Янь-Цай [Maenchen-Helfen, 1973, с. 227]. Позднее, в 375 г., «гунны прошли через земли алан, убили и ограбили многих, а с остальными заключили союз и при их содействии с большой уверенностью вторглись в просторные и плодородные владения Германариха» (Атт. XXXI, 3, 1).

Продвижение гуннов сдвинуло с места разноэтничное население евразийских степей и смежных с ними областей. Павел Оросий описывает, как изгнанные гуннами готы, перейдя Дунай, «взялись за оружие, победили войско Валента и рассеялись во Фракии, все наполняя убийствами, пожарами и грабежами» (Павел Оросий. Кн. 7. Гл. 33, 10). Все авторы подчеркивают неожиданность натиска этой варварской массы, «внезапной силой сорванной со своих мест» (Атт. XXXI, 4, 2). Втянутыми в это движение оказались и аланы. «Алан, хотя и равных им в бою, но отличных от них общей человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками... Они обращали их (алан) в бегство...» (Iord. Getica, 126—127).

Упоминание гуннов вместе с аланами и готами мы видим в описаниях всех важнейших событий, происходивших во Фракии, на Дунае, у стен Константинополя и далее на запад вплоть до Испании и Африки, но эту яркую тему мы оставляем в стороне. Для нас представляют интерес события, связанные с Кавказом. Для начала постараемся свести воедино те сведения, которыми мы располагаем для предшествующего гуннскому нашествию времени. Ф. Альтгейм выделил в письменных источниках сообщения об отдельных «кавказских гуннах», которые служили в персидской армии в 60-х годах III в.; для 90-х годов того же столетия армянские историки говорят о гуннских и аланских солдатах [Altheim, 1962, с. 269—272]. Из сасанидской надписи 293 г. из Пайкули мы узнаем о тюркском хакане на Кавказе. В 363 г., по свидетельству Иовиана, требовалась защита кавказских проходов «от варваров, которые бы-

ли неизвестны римлянам и персам» (по Томпсону [Thompson, 1948, с. 21], это либо гунны, либо кидариты), а в составе армии Аршака II (345—368) в борьбе с персами участвовали аланы и гунны. Следовательно, еще до эпохи, предшествовавшей появлению гуннов в Европе, в качестве наемных солдат или враждебных отрядов они уже проникали с Северного Кавказа в Закавказье и Иран и, значит, находились на Кавказе⁸.

Наиболее полные сведения о гуннах на Северном Кавказе содержатся в описаниях событий конца IV в.

К 395 г. относится разделение Рима после смерти Феодосия Великого на Западную и Восточную Римскую империю под властью его сыновей — молодых императоров Гонория (на Западе) и Аркадия (на Востоке, в Константинополе). Еще при Феодосии было положено начало массовому привлечению на военную службу варваров, которых он считал «лучшими стражами римской земли». Автор конца IV в. Латиний Папат Дрепаний писал: «Под вождями и знаменами римскими шел бывший некогда враг Рима; гот, гунн и алан откликнулся на переключке, стоял на часах и боялся отметки об отсутствии» (Дрепаний, 32).

О том, как воспринимали эту новую историческую ситуацию современники, можно судить по свидетельству епископа Синезия из Египта, прожившего несколько лет в Константинополе и в самом конце IV в. писавшего императору Аркадию: «Нельзя не питать страха при виде отрядов молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим обычаям и замышляющих враждебные нам планы... В каждом мало-мальски зажиточном доме найдем раба-скифа... Достоинно удивления, что эти белокурые варвары, носящие... распущенные волосы, у одних... исполняют роль прислуги, а в политической (жизни. — В. К.) занимают начальственные места. Мне кажется, что по природе всякий раб есть враг своему господину, когда у него есть надежда осилить его... На несчастье римской державе, они находятся среди нас, имея во главе стратиггов, занимающих важные должности в империи. Стоит им захотеть, и к ним не-

⁸ Правда, остается открытым вопрос о том, идет здесь речь о собственно гуннах или о так называемых «белых гуннах», этническая принадлежность которых, так же как отношение к историческим гуннам, еще совершенно неясна; у Иешу Стилита мы читаем: «Хиониты — это унну», а в житии Петра Ивера: «Он взял с собой белых гуннов, бывших соседями иверов» [Пигулевская, 1941, с. 35—37].

медленно присоединятся наши рабы, которые будут решительными и смелыми воинами и охотно потешатся над своими господами» [Успенский, 1913, т. I, с. 165—168]. Нужно ли говорить, что все дальнейшие события должны были уверить Аркадия в пророческом даре египетского епископа?

К этому же, 395 г. относится раздел Армении между Римом и Персией и соответственно усиление Кавказской Албании. После событий 395 г. римляне и персы объединились, поэтому нашествие гуннов в 397 г. в Армению было легко отбито [Maenchen-Helfen, 1973, с. 52—56]. В 398 г. был заключен мир, и на ближайшие 13 лет гунны отошли на Кавказ [Thompson, 1948, с. 28].

В первые годы правления сыновей Феодосия все основные дела правления вершились в Италии временщиком Стилихоном, приглашавшим к себе на помощь готов, алан и гуннов, а в Константинополе — временщиками — сначала Руфином, позднее евнухом Евтропием. Именно Руфина современники обвиняли в том, что он призвал гуннов, причем для нас важно, что они пришли сюда не из Причерноморских степей, а с Кавказа, через Дербент. В то время как римские войска были заняты междоусобными войнами в Италии, гуннские орды тремя мощными потоками хлынули на Армению и захватили обширные пространства вплоть до Сирии. Их манили, так же как и тысячу лет назад скифов, богатства переднеазиатских городов, добыча людьми и имуществом — шелками, оружием, драгоценными сосудами, камнями, золотом [Пигулевская, 1941, с. 40—42, 51—53].

По свидетельству талантливейшего писателя раннего средневековья и крупного дипломата Приска Панийского, византийский посол в стране Атилы Ромул вспоминал о вторжении гуннов в Персию: «Когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления... Васих и Курсих (имена эти считают полуиранскими, полутюркскими [см. Maenchen-Helfen, 1973, с. 404, 420]. — В. К.) из племени царских скифов (! — В. К.)... прошли пустынную страну, переправились через озеро (Меотиду)... и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившею опасностью обратились вспять» (Приск, кн. 3). М. И. Артамонов [Артамонов,

1962, с. 50 и сл.] относит эти события к 395 г., Томпсон — к 415—420 гг., А. В. Гадло [Гадло, 1979, с. 49] — к 30-м годам того же века, Н. В. Пигулевская [Пигулевская, 1941, с. 45] — к 448 г.

Эти сведения почерпнуты у Приска Панийского. В составе императорского посольства в 448 г. он посетил ставку гуннского царя Атиллы, и большинством наиболее глубоких сведений об обществе гуннов, которыми располагает современная наука, мы обязаны именно ему. При этом следует помнить, что Приск побывал с политической миссией не только в ставке Атиллы, но и в Риме и Дамаске, Египте и, очевидно, Лазике (в 456 г.), поэтому его сведения о походе Васиха и Курсиха могли быть почерпнуты непосредственно на Кавказе. Для нас интерес представляют описание этого похода и данные о его маршруте и протяженности — 15 дней пути сначала по «пустынной степи», затем переправа через Меотиду, переход через горы и, наконец, вступление на территорию Ирана. Пятнадцать дней пути конных отрядов — это расстояние от Азовского моря до Дарьяльского перевала, центра Кавказских гор (обратный же их путь шел берегом Каспийского моря, мимо «пламени, поднимавшегося из подводной скалы»).

Данное Приском описание набега Васиха и Курсиха удивительно напоминает сообщения источников о переднеазиатских походах скифов. И это отнюдь не случайно. Для воспитанного на античной литературе византийского писателя эти походы воспринимались как своего рода «типовая модель» набега далеких северных кочевников: недаром, следуя древнему образцу, Приск именует гуннов «царскими скифами», а современный ему Иран — Мидией. И все же хронологическая приуроченность рассказа Приска в целом не вызывает сомнений.

Гунны и археология

Можно было видеть и гота, сражавшегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротинки в его ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула — с легким оружием.

Иордан

Согласно рассмотренным в предыдущей главе источникам, в эпоху «великого переселения народов» гун-

нская орда отличалась пестротой этнического состава. Поэтому задача вычленения собственно гуннского археологического материала является одной из сложнейших. Ее разрешению отдавали силы многие исследователи наших дней [Alföldi, 1932; Wegner, 1956; Засецкая, 1967—1979; Амброз, 1981], и на этом примере достаточно четко можно проследить возникновение модели решения исследовательских задач подобного типа [Кун, 1975, с. 28]. Мы рассмотрим систему руководящих утверждений, используемых различными исследователями в разное время для описания и истолкования археологических фактов и для понимания происходивших исторических событий, проследим возникновение конкретной традиции научного исследования — парадигмы.

Какие методические вопросы ставятся в этих работах? Задача заключается в том, чтобы из безбрежного и красочного моря древностей эпохи «великого переселения народов» выделить те, которые соответствуют культуре гуннов. Прежде всего следует навести порядок в этом материале, сгруппировать его (традиционными либо формализованными методами) и определить ту совокупность археологических фактов, которая наиболее информативна в интересующем нас плане, то есть вычлениить те вещи или признаки вещей или явлений, которые теснее всего скоррелированы с историческими гуннами. Для этого необходимо определить дату и ареал каждого из рассматриваемых в этой связи археологических фактов, будь то детали погребального обряда или отдельные типы оружия, украшений и конского снаряжения. С выходом в свет книги «Степи Евразии в эпоху средневековья» (одного из выпусков многотомной «Археологии СССР») эта задача существенно облегчается.

В связи с необходимостью решения вопросов происхождения культуры как единой системы и ее компонентов следует определить генезис основных типов вещей, построить их эволюционные ряды, обозначить характер связи исследуемой культуры с другими, одновременными ей и оценить вклад в сложение последующих культур. Если в археологической науке нет еще «жестко определенной сети предписаний» [Кун, 1975, с. 68] и эксплицитно сформулированной общепринятой парадигмы, то существует уже достаточно много эмпирических наблюдений, из анализа и сопоставления которых можно вывести ту бытующую в археологии систему предписаний, концептуальных и методологических, связанных с кри-

тикой источников, которая является базой для согласования предлагаемых научных объяснений.

Вычленение гуннских древностей — это попытка решения системы уравнений, где число неизвестных излишне велико. Правда, правильнее было бы сравнить этот поиск с решением головоломки, то есть с тем случаем, о котором Томас Кун писал: «Ученого увлекает уверенность в том, что если он будет достаточно изобретателен, то ему удастся решить головоломку, которую до него не решал никто или в решении которой никто не добился убедительного успеха» [Кун, 1975, с. 63].

Проблема происхождения этого народа, занимая умы древних авторов уже более 1500 лет назад, остается, как и проблема гуннских древностей, одной из наиболее головоломных задач в археологии. Кратко рассмотрим историю этого вопроса.

Описывая гуннов, современники отмечали традиционно кочевнический быт воинов-скотоводов, неразлучных с конем и оружием, и их агрессивность. В то же время мы знаем описание их стенобитных машин и метательных орудий, многочисленных деревянных построек в огражденном деревянными же стенами стане Атиллы — это уже явления, выходящие из круга чисто кочевнических. Для анализа погребального обряда особый интерес представляют сведения Приска о разграблении епископом города Марга гуннских царских гробниц и похищении положенных в них сокровищ и описание Иорданом похорож Атиллы: «Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом... то месте, где был он положен» [Иордан, 1960, с. 117]. После песнопений была осуществлена тризна («страва») на его кургане «громadным пиршествom», а ночью, тайно, в трех гробах, золотом, серебряном и железном, с «великими богатствами» — оружием, украшениями, сосудами из драгоценных металлов — хоронят Атиллу, убив затем всех, «кому поручено было это дело» [Иордан, 1960, с. 118].

Сведения о социальной истории гуннов также присутствуют в трудах историков: по данным Приска можно получить представление о возвышении семьи Атиллы с превращением власти в наследственную; говоря о племенной аристократии гуннов, Аммиан Марцеллин применяет термин «приматы», Олимпиодор — «филархи», Созомен применяет термины, обозначающие в Риме воен-

ных предводителей, в частности предводителей сотни всадников.

Задача выделения гуннских комплексов первоначально решалась попыткой этнического определения через хронологию, то есть путем вычленения древностей IV—V вв. В 20-е годы русскими исследователями П. Д. Рау, П. С. Рыковым, Т. М. Минаевой была выделена в Нижнем Поволжье из сарматских погребений группа более поздних, относящаяся к гуннскому периоду, но, по мнению ученых, остающаяся по своей этнической принадлежности сармато-аланской. На Дунае, именно там, где находилась ставка Атиллы, внимание к ярким древностям эпохи «великого переселения народов» было привлечено еще в конце прошлого века; в 30-х годах XX в. появились исследования, ставящие задачу учесть при этнической атрибуции дунайских материалов древности из евразийских степей.

Впервые материал гуннской эпохи собран и интерпретирован А. Альфёльди, который в 1932 г., сопоставив материалы, найденные в Средней Европе, с более восточными (Крым, Кавказ, Поволжье, Казахстан), решил вопросы датировки для ряда находок и определил их как специфические для гуннов; отличительными признаками этих комплексов являются обряд трупосожжения, наличие золотых пластинок от седла с чешуйчатым орнаментом, сложного лука и крупных наконечников стрел, специфического конского снаряжения, бронзовых котлов, из украшений — бронзовых инкрустированных фибул в виде головки орла. В дальнейшем работами Н. Феттиха, Я. Харматты и, главное, после выхода в свет классического двухтомного труда Иоахима Вернера уточнен набор вещей, специфичный для гуннской эпохи. Именно на этом этапе исследования был поставлен вопрос о том, что временная приуроченность к эпохе гуннов тех или иных вещей еще недостаточна для того, чтобы считать комплексы, в которых они найдены, собственно гуннскими. Тогда же стало очевидно, что многие аспекты проблемы до сих пор не обеспечены материалом: нет поселений, могильников — известны лишь единичные погребения, не сделано сопоставлений материалов европейских гуннов с культурой центральноазиатских сюнну, не решены еще вопросы датировок.

Суммируем все то, что мы знаем о погребениях IV—V вв., найденных в евразийских степях и интерпретируемых как гуннские. Их отличает разный погребальный

обряд (трупосожжения и трупоположения) и разные погребальные сооружения. Специфичен набор вещей, появились новые типы украшений. Для женских погребений характерны многоцветные золотые диадемы, украшенные вставками красного камня (граната-альмандина и сердолика), расположенными «россыпью»; в сарматских же золотых полихромных украшениях первых веков нашей эры излюбленной была бирюза. К головному убору у висков крепились роскошные золотые инкрустированные колты — украшение, до этого времени не встречавшееся в костюме древних женщин, — или нарядные золотые кулоны, также богато декорированные драгоценными камнями и зернью. В ушах носили маленькие золотые серьги или в виде колечка с расширенной нижней частью («калачиком»), или в виде «лунниц», также украшенных камнями и зернью. При женских погребениях находят и небольшие металлические зеркала-подвески, которые археологи справедливо считают вкладом сармато-алан в культуру того времени, и туалетные наборы, включающие ложечку для притираний, «копоушку», «ногтечистку». Иногда находят и небольшие серебряные пряжки (скорее всего обувные), перстни; часты находки каменных и стеклянных бус специфичных типов.

Мужские погребения отличает другой набор инвентаря, поэтому лишь единичные вещи помогают нам свести в одну систему гуннских древностей мужские и женские погребения; сюда входят пряжки и серьги (в мужских погребениях часто обнаруживают по одной серьге), поясные наконечники и стеклянные сосуды. Остальные предметы из мужских погребений не находят соответствий в женских комплексах. Наиболее выразителен набор оружия. Гуннские всадники были вооружены большим сложным луком, их колчаны наполнены стрелами с крупными железными наконечниками, мечи (однолезвийные или двулезвийные) были крупными, с перекрестием или гладким, или инкрустированным стеклом и камнем, ножны обтянуты золотом.

Всадники могли иметь кольчуги. Конский убор ярк и нов, уздечки коней украшали многочисленные бронзовые пластинчатые накладки, обтянутые золотой фольгой и инкрустированные стеклом и камнем, Г-образные псалии из серебра. Раскопки А. В. Дмитриевым могильника Дюрсо, близ Новороссийска, позволили надежно реконструировать седла гуннского времени и понять, где

Таблица 4

Периодизация раннесредневековых погребальных комплексов

По И. П. Засецкой			По А. К. Амброзу	
Группа	Подгруппа	Количество комплексов*	Группа	Дата
I	А	13 м	I	V в.
	Б	1 м + 4 с		
	В	8 ж		
II	Г	4 н + 1 м	II	VII в.
	Д	4 н	III	VI—VII вв.

* Погребения с набором инвентаря: м—мужским, ж—женским, с—смешанным, н—неясным.

и как крепились те накладки с чешуйчатым орнаментом, которые так типичны для гуннских мужских погребений. Характерной принадлежностью гуннских мужских погребений являются и бронзовые котлы с ажурными ручками.

В конце 60-х и в 70-е годы появились исследования, которые вывели историю изучения гуннских древностей на качественно иной уровень [Засецкая, 1968, 1971 (I) и др.; Амброз, 1971, 1981]. Интересно, что по своим выводам, вытекающим из принятой исследователями методики, работы резко отличаются одна от другой, поэтому это не тот случай, когда мы можем ими дополнять друг друга или считать, что они отражают разные стороны вопроса.

Дальнейший, довольно подробный экскурс в сущность дискуссии между И. П. Засецкой и А. К. Амброзом достаточно специален, но без него нельзя понять состояние решения гуннской проблемы современной наукой. Эти споры явились темой специального симпозиума, посвященного более широкой теме относительной и абсолютной хронологии евразийских памятников археологии раннего средневековья (IV—IX вв.) — эпохи, «когда для увязки данных археологии с показаниями письменных памятников была бы столь необходима обстоятельная и дифференцированная хронологическая разработка» (КСИА, 158, 1979, с. 3). Нам необходимо разобраться в сути данного спора.

Речь идет прежде всего о различии в группировке всего материала. Ту серию памятников, которую

И. П. Засецкая выделяет в качестве гуннской, деля ее на пять подгрупп, А. К. Амброс членит на три группы, из которых только первая им датируется гуннской эпохой, а две другие — соответственно VI—VII и VII в. И. П. Засецкая же считает, что выявленное А. К. Амбросом членение отражает не хронологическое отличие погребальных комплексов, а разделение их по полу (табл. 4).

Рассмотрим погребения степных евразийских кочевников, на основании которых исследователи строят свою хронологическую таблицу. Впервые в научный оборот именно как древности гуннской эпохи они во всей полноте были введены И. П. Засецкой (22 комплекса в 1968 г. и уже 34 в 1978 г.) [Засецкая, 1978, с. 56—61]. Часть этих же комплексов привлечена и А. К. Амбросом при построении им «многоэтажного каркасного здания единой хронологической системы» [Амброс, 1971, ч. I, с. 12]. При этом оба автора справедливо считают, что «только комплексы показывают реальное сосуществование вещей во времени» [Амброс, 1971, ч. I, с. 3]. Однако И. П. Засецкая приводит *все* комплексы, в исследовании А. К. Амброза фигурирует лишь их часть; И. П. Засецкая приводит *все вещи* (пользуясь изданиями, музейными коллекциями и архивными материалами), А. К. Амброс — те, которые «работают» на хронологическую систему.

При недостаточном количестве комплексов и вещей в комплексах И. П. Засецкая, чтобы увеличить материалы для сопоставления вещей полихромного стиля (с инкрустацией полудрагоценными камнями), приводит обширный список стилистических и технологических признаков, характеризующих накладной и штампованный орнамент, технику изготовления гнезд, их форму и материал вставок [Засецкая, 1978, с. 64—65]. В свою очередь, А. К. Амброс, говоря о подобных явлениях, оставляет эти данные как черновые за страницами своей работы. У И. П. Засецкой мы получаем поддающиеся проверке цифровые данные относительно распределения рассмотренных признаков по подгруппам погребений. А. К. Амброс видит отличия украшений III группы от украшений I группы (одновременных, по И. П. Засецкой) в ином «стиле и наборе форм» [Амброс, 1971, ч. I, с. 116], «стремлении к симметрии». Однако А. П. Уманский справедливо пишет, что последнее замечание противоречит материалам, приведенным А. К. Амбросом в

той же работе [Уманский, 1978, с. 157]. Ведь такие характеристики, как «чешуйчатый узор крупнее и сложнее, тисненные язычки грубее» [Амброз, 1971, с. 115], то есть большее или меньшее изящество форм, чтобы не быть субъективными, подкрепляются доказательствами — либо цифровыми показателями, либо эволюционными рядами, которые (коль скоро автор предполагает хронологическую природу отличия III группы от I, в чем я согласна с А. К. Амброзом) должны продемонстрировать развитие форм во времени.

На стадии анализа материала авторы одинаково видят цели своего исследования в его группировке по наибольшему сходству погребений между собой. Но при интерпретации выявляются различия в их методическом подходе. Так, для И. П. Засецкой каждая выделенная ею группа или подгруппа остается суммой конкретных погребений, для А. К. Амброза это хронологический «период», сумма взаимосвязанных между собой вещей, «как бы моментальный неподвижный снимок непрерывно движущегося процесса... [поскольку] конечная цель археолога — изучить каждый хронологический период (и состоящий из них исторический) во всей его сложности и полноте...» [Амброз, 1980, с. 4]. Но каждый тип вещей имеет достаточно длительную историю, и на разных этапах своего существования (время появления, расцвета или упадка) они в разной мере информативны в плане хронологии.

Чтобы увеличить информативность, следует провести предварительную исчерпывающую классификацию — «разработать и показать наглядно типологию вещей, проследить время существования каждого типа в отдельности» [Засецкая, 1978, с. 69], что, в частности, с успехом проведено А. К. Амброзом для фибул [Амброз, 1966] и И. П. Засецкой для золотых украшений гуниской эпохи [Засецкая, 1975]. Группировка погребений должна опираться на весь комплекс имеющихся в них вещей с учетом деталей погребального обряда, взаимного расположения погребений [Засецкая, 1978, с. 68] и их половозрастной принадлежности.

Другим способом, успешно примененным И. П. Засецкой для систематизации материала, является детализированный стилистический анализ орнаментации, типичной для данных подгрупп вещей, убедительно свидетельствующий в пользу культурного и временного единства комплексов. В дискуссии на симпозиуме в Эр-

митаже весной 1976 г. в защиту положений И. П. Засецкой выступили специалисты по античности, сарматам и раннему средневековью Д. Б. Шелов, В. В. Кропоткин и М. Г. Мошкова, которых убедило доказательство единства рассмотренных памятников полихромного стиля [Засецкая, Маршак, Шукин, 1979, с. 121].

По-иному обстоит дело с анализом II группы, датированной И. П. Засецкой также гуннским временем. Правда, И. П. Засецкая отмечала ее «самостоятельность» и подчеркивала неясность причины отличий между I и III группами: «Связано это с вопросами хронологии или этнокультурной принадлежности, можно будет решить только после определения точной даты обеих групп» [Засецкая, 1978, с. 69]. Это, на мой взгляд, убедительно было сделано А. К. Амброзом: III группа очень надежно по поясным наборам датируется VI—VII вв.

Говоря в целом о погребениях IV—V вв. на той территории, где гунны проходили или находились некоторое время, первым делом следует подчеркнуть их малочисленность, справедливо объясненную С. А. Плетневой как следствие присущего гуннам на этом этапе образа жизни — «таборного кочевания» [Плетнева, 1982, с. 33]. Те несколько десятков погребений, как правило ограбленных, которые удалось выявить археологам за полтора века с момента первых находок, совершенно несопоставимы количественно с десятками и сотнями тысяч гуннов-воинов, известных нам по письменным источникам, наводнивших Евразию и потрясавших мир на протяжении IV—V вв., и все же даже на этом количественно небольшом основании исследователи смогли построить археологическую реконструкцию гуннской культуры, правда до сих пор содержащую еще много неясностей.

Посмотрим теперь, что дает сопоставление письменных источников с археологическими данными для решения вопросов, связанных с пребыванием алан на Северном Кавказе в эпоху наивысшего могущества гуннов (вторая половина IV—V в.). По имеющимся археологическим материалам мы не можем делать никаких демографических выводов; те немногочисленные находки, которые имеются в нашем распоряжении, как и отдельные изолированные гуннские погребения на тысячеверстном пространстве евразийских степей, не говорят ничего о численности как пришельцев-гуннов, так и аланского населения на Кавказе.

Аланы в гуннское время

Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни.

Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 21

Они (аланы) были первым европейским народом, который встретили гунны в своем движении на запад, и первые испытали на себе дикость и силу новых пришельцев.

Ю. Кулаковский

Мы снова вынуждены обратиться к данным письменных источников: только по ним можно представить занятую аланами территорию, основные события, связанные с ними, и характер отношений алан с гуннами. Обратимся к Аммиану Марцеллину, важность сведений которого трудно переоценить. Характеристики, даваемые им аланам, частично восходят к более ранним описаниям кочевого быта «скифской степи», но вместе с тем содержат ряд конкретных сведений. «Гунны прошли через земли алан, убили и ограбили многих, а с остальными заключили союз и при их содействии с большой уверенностью вторглись в просторные и плодородные владения Германариха» (Аmm. XXXI, 3, 1).

Как мы уже показали, на протяжении всего IV в. аланы и гунны всюду в Европе выступали вместе, лишь на рубеже V в., с 398 г., мы начинаем видеть их в разных лагерях. Стилихон опирается на алан, а с 402 г. происходят стычки между аланами и гуннами [Maenchen-Helfen, 1973, с. 72, 443], закончившиеся к 407—408 гг. расторжением алано-гуннского союза [Maenchen-Helfen, 1973, с. 72, 443; Thompson, 1948, с. 28]. Аланская конница Савла в 402 г. напала на вестготов, в канун 406 г. аланы, перейдя по льду Рейн, ушли из Паннонии в Галлию, в 409 г. перевалили Пиренеи, в 412 г. перешли на сторону римского войска, а в 429 г. вместе с вандалами ушли в Африку. Между тем в 420 г. гунны захватили Паннонию, а в 434 г. осадили Константино-

поль, в то же время установив контроль над Северным Кавказом [Vernadsky, 1943, с. 141].

В конце 30-х годов аланы, союзники Рима, поселены в Галлии; гунны продолжают оставаться враждебными Риму, что в 451 г. завершается Каталаунской битвой.

После смерти Аттилы существенно перекраивается карта Европы; в частности, аланы заселяют Нижнюю Мёзию и Малую Скифию, именно из их среды вышел крупнейший историк эпохи раннего средневековья — Иордан, представитель аланской знати; его дед был секретарем аланского царя Кандака, а сам Иордан в юности служил при царском племяннике.

В 40—50-е годы V в. северокавказские аланы, возможно вместе с гуннами, совершили победоносное нашествие в Картли, пользуясь молодостью правителя — царя Вахтанга, будущего знаменитого Горгасала. По сведениям историка XI в. Джуаншера, мы знаем об ударе, нанесенном аланами-осами цветущим долинам и укрепленным крепостям Картли от Куры до Хунана, о захвате в плен множества грузин, и в частности трехлетней принцессы Мирандухт. Лишь достигнув совершеннолетия, Вахтанг смог подготовить ответный удар. В качестве союзника Вахтанга выступал Вараз-Бакур, владетель страны Ран; силы его, судя по Джуаншеру, были неправдоподобно велики — 100 000 всадников и 60 000 человек пехоты.

После поражения алан-осов (и союзных им хазар и кипчаков, под которыми, возможно, данный источник подразумевает гуннские племена) Вахтанг захватил и укрепил кавказские перевалы: владение ими начинало иметь в международных отношениях Ирана, Византии и сопредельных стран особое значение. Именно эти свидетельства находят подтверждение в некоторых редакциях жизнеописания просветительницы Грузии — святой Нины [Очерки истории Грузии, т. II, 1973, с. 100], где речь идет о том, что Вахтанг построил осетинские ворота, названные Дариалом в жизнеописании Нины и Дарианом у Джуаншера. Для Картли владение этими путями было жизненно необходимо в связи с попыткой Грузии и Армении выйти из-под власти Сасанидского Ирана, в войнах которого с эфталитами Вахтанг принужден был участвовать в 60-х годах.

Сведения о действиях антииранской коалиции в 482 г. мы можем почерпнуть из «Армянской истории» Лазаря Парпеци [Абегян, 1948, с. 263], непосредствен-

ного участника этих событий. По его данным, Вахтанг Горгасал особую роль в военных действиях предоставил гуннским войскам, которые должны были выступить на стороне восставших. Небольшой отряд в 300 воинов, пришедший вместо большой гуннской армии, был отправлен в лагерь армян, и, для того чтобы поднять военный дух последних, стоявших лагерем в горах, Вахтанг Горгасал показывал на зажженные по его приказу огни в долине, говоря, что это несметные гуннские полчища, пришедшие к ним на помощь. Отсутствие гуннской помощи и предательство части армянских военачальников привели к поражению восставших; правда, воспользоваться плодами победы Ирану не удалось, так как иранские войска были отозваны на родину.

По сведениям Прокопия, на рубеже V—VI вв. Дарьяльским проходом владел «гунн Амбазук» (*Абазук — Анбазук* — иранское имя). Следовательно, власть над Дарьяльским проходом находилась в руках жителей Северного Кавказа, которые умело «торговали с Византией и Ираном» [Тогошвили, 1978, с. 12]. Как пишет Захарий Ритор, «когда Пероз, царь персидских пределов, воцарился в своей земле в тринадцатом году Анастасия, гунны вышли через „ворота“, которые охранялись персами, и через тамошние горные места достигли персидских пределов... Когда он (Пероз. — В. К.) осведомился о причине их вторжения и прихода в его страну, они сказали ему: „Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство... Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей... Император ромейский... обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами“» (Ритор. Кн. 7, Гл. 3). Битва была выиграна гуннами, которые «полонили персидские области и возвратились в свою землю» (Ритор. Кн. 7, Гл. 3).

Какие же археологические памятники документируют этот период? Мы уже говорили о типичных для гуннского времени вещах, о дискуссионности проблемы датирования. Если мы вернемся к работам Т. М. Минаевой 1950-х годов, то увидим, что подавляющая часть известных к тому времени погребальных комплексов верховьев Кубани была датирована серединой I тысячелетия н. э. (Байтал-Чапкан и Гиляч) на основании прежде всего вещей с инкрустациями, которые по крымским аналогиям относили к IV—V вв. Аргументированная В. К. Пудовиным более поздняя дата крымского могильника

Суук-Су и дальнейшее исследование этой проблемы А. К. Амброзом [Амброз, 1971, ч. I, с. 106—107] избавляют нас от необходимости разбирать эти положения, тем более что в настоящее время богатый материал из сотен катакомб VI—VII вв. соседнего Пятигорья подтверждает более позднюю дату (не ранее VI—VII вв.) для большинства комплексов Байтал-Чапкана и могильников Гилячского городища.

К концу V в. можно отнести грунтовые могилы Тамагачика [Алексеева, 1955; 1971], подземные склепы Гиляча, раскопанные в 1965 г. Т. М. Минаевой, каменную гробницу, исследованную С. Д. Мастепановым у Хумары [Алексеева, 1971], отдельные грунтовые катакомбы близ Кисловодска, комплекс из Вольного аула в Кабардино-Балкарии, ряд случайных находок в дореволюционных коллекциях из Северной Осетии. Все эти памятники — из горных районов и предгорий. Погребальные сооружения отражают давние местные традиции; погребения чаще не единичны, а объединены в могильники, хотя и представлены небольшим числом комплексов (три-шесть). Иногда в этих могильниках были исследованы и более поздние погребения (например, Гиляч), что говорит о преемственности населения в данном пункте, о непрерывном существовании кладбищ с IV—V до VI—VIII вв.

В степных районах комплексы гуннского времени происходят из курганов — это и катакомбы в Терезе [Алексеева, 1971], Бруте и хуторе Октябрьском [Абрамова, 1975], и уникальная гробница в Кишпеке [Бетров, 1980, с. 113—122], и погребения из Паласа-Сырты и Большого Буйнакского кургана в Дагестане. Большая часть погребений ограблена в древности, особенно степные курганы, поэтому в нашем распоряжении оказывается весьма неполный материал.

Погребальный обряд и погребальные сооружения на Северном Кавказе разнообразны и в своем подавляющем большинстве восходят к типам, характерным для времени кобанской культуры, начиная от ее расцвета до первых веков нашей эры (грунтовые могилы, каменные подземные гробницы). Продолжают использоваться катакомбы — подкурганые в степных районах, бескурганые — в предгорьях (в горах в тот период катакомб нет); появляются уникальные гробницы типа Кишпекской. Поселения того периода для Центрального Предкавказья неизвестны и не исследованы.

Из типичных для конца IV—V в. вещей отметим пряжки мужских поясов (самая частая находка) с довольно массивной, расширенной в передней части рамкой и длинным хоботкообразным язычком, без щитка или с пластинчатым орнаментированным щитком округлой или квадратной формы (бронзовые, серебряные или золотые). Пряжки, как правило, имеют округлую или овальную рамку, щиток может быть украшен инкрустацией из сердолика; поясные накладки и наконечники отсутствуют. Датирующим элементом являются и фибулы — как маленькие ленточные двучленные прогнутые подвязные с короткой пружиной, так и небольшие двупластинчатые, покрытые золотой фольгой и украшенные полудрагоценными камнями, чаще красными; инкрустированные экземпляры происходят из дореволюционных раскопок в Северной Осетии [Уварова, 1900, табл. СLII], из каменной гробницы № 4 раскопок Т. М. Минаевой 1965 г. в Гиляче, неорнаментированные серебряные — из бескурганного погребения, вскрытого в 1923 г. М. И. Ермоленко в Вольном ауле близ Нальчика.

В Гиляче и в окрестностях Кисловодска найдены золотые прямоугольные шарнирные бляхи, украшенные перегородчатым орнаментом, инкрустированные красным и зеленым стеклом. Детали типичного для гуннов конского снаряжения найдены в гробнице Кишпека, разграбленных подкурганых катакомбах Брута и в Гиляче. Височные подвески — редкая находка. Они имеют форму колечка с сомкнутыми концами или в полтора оборота. Датирующими для IV—V вв. являются сердоликовые 14-гранные бусины прекрасного темно-бурого «индийского» сердолика тщательной огранки и прозрачные стеклянные стаканы с синими налестами.

В ряде комплексов найдены бронзовые зеркала с центральным ушком, украшенные радиальными линиями (Кишпек), иногда пересекающимися концентрические выпуклые кольца; в одном случае орнамент представляет четырехконечную звезду с двумя пересекающимися диаметрами (погребение у аула Жако).

Погребальный инвентарь — нарядное снаряжение верхового коня, пряжки мужского пояса, женские пластинчатые фибулы, бусы, стеклянная и металлическая посуда, котлы — обнаруживает более заметные хронологические, нежели локальные и этнокультурные особенности, объединяющие памятники из разных областей Северного Кавказа с обширным миром гуннских древ-

ностей Евразии, причем гуннская эпоха — это своего рода мостик между предшествующим, сарматским и последующим, аланским периодами. Лучшим подтверждением этого единства, прослеживающегося от IV—V к VI—VIII вв., являются, с одной стороны, непрекращающиеся споры по поводу датировки отдельных комплексов или целых могильников, относимых то к IV—V, то к VI—VII вв., и с другой — преемственность керамической традиции от сарматского к аланскому времени, особенно явно заметная на материалах тех могильников, которые отражают непрерывную жизнь населения в каком-либо пункте с V по VII—VIII вв., а часто и далее.

Поэтому для анализа гуннского периода в жизни алан особенно продуктивно рассмотреть его ретроспективно, отталкиваясь от древностей VI—VII вв. В этой связи важную роль приобретают исследования могильника и городища Гиляч в верховьях Кубани, осуществленные Т. М. Минаевой, прекрасным полевым работником и вдумчивым исследователем, энтузиастом и тружеником. Материалы этих раскопок описаны в прекрасных полевых отчетах и хранятся в Черкесском и Ставропольском музеях, где доступны для повторного исследования.

В ряде статей и монографий Т. М. Минаевой уделено большое внимание исследованию всего инвентаря, погребального обряда и керамики, ею предложена классификация материала, изданы в рисунках, фотографиях и описаниях наиболее типичные формы вещей и керамики. Эти материалы особенно важны потому, что Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой на верхней Кубани исследован ряд могильников более позднего времени (в некоторых случаях их возникновение также относится к середине I тысячелетия), что в целом дает достаточно представительную группу. Следует заметить, что эти раскопки производились на высоком профессиональном уровне, с необходимой фиксацией планов могильников и всех погребений.

Если подниматься вверх от Карачаевска по шоссе, идущему вдоль прозрачной и чистой Кубани к Хурзуку и Учкулану — к самому подножию Эльбруса и верховьям Кубани, то справа, на высоком скалистом мысу, среди густого леса, при слиянии Кюль-Тюбе (Гиляч) и Кубани, находится раннесредневековая крепость.

Еще в 1939 г. начала здесь работы Т. М. Минаева и продолжала их с перерывами до 1965 г., когда и была

исследована наиболее древняя часть могильника [Минаева, 1982]. Сейчас, когда археолог может на экспедиционной машине добраться до самых труднодоступных уголков Кавказа, нелегко представить себе, сколько самоотверженности потребовалось ученому, чтобы во главе небольшой группы студентов Ставропольского пединститута начать эти работы в тяжелых условиях. Последнюю книгу Т. М. Минаевой, вобравшую в себя всю сумму сведений о многочисленных археологических путешествиях и наблюдения в Карачае, — «К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным» (Ставрополь, 1971) — я не устаю перечитывать и каждый раз нахожу в ней что-нибудь для себя новое.

Гиляч был первым памятником, который подвергся планомерным и комплексным раскопкам, и он сторицей воздал за все потраченные на него труды. Здесь исследованы как могильники — подземные каменные гробницы V—VII вв. (всего 36 погребений) и ограбленные полуподземные склепы IX—XI вв. на трех участках могильника, так и культурные слои поселения раннесредневекового времени: ряд жилых и хозяйственных сооружений, христианский храм и языческое святилище X—XI вв.

В общих чертах определены история создания укрепления, рост поселения, изменение планировки и керамического материала, что в дальнейшем было проверено при исследовании подобных поселений в Карачаево-Черкесии и районе Кавказских Минеральных Вод. Эти памятники свидетельствуют о преемственности культуры в горах верхней Кубани с V по XI—XII вв.

При этом речь идет не о той конструируемой исследователями преемственности, которая опирается на цепочку памятников разных хронологических периодов, обнаруженных в разных пунктах, что, строго говоря, указывает только на факт заселения данной территории на всем протяжении ее истории и обесценивает хронологическую упорядоченность памятников. Здесь перед нами жизнь населения одного укрепленного поселка, постепенно превращающегося в крупный населенный пункт, документированная как слоями, так и преемственностью в конструкции жилищ, погребальном обряде, керамической традиции.

Погребения Гиляча могут быть разделены на несколько хронологических групп по набору металлических и стеклянных украшений, тогда как керамика обнару-

живает непрерывную линию развития, сказывающуюся в общности форм и орнаментации, характере теста, причем изменение во времени может быть оценено объективно только при формализованном подходе к ее изучению. Однако, прежде чем к нему обратиться, следует сделать еще одно методическое отступление.

Еще немного теории

Наши классификации далеко не совершенны. Они служат лишь для нашего чувственного восприятия, но не являются теми образцами, в соответствии с которыми действует природа, не являются границами, которые она сама установила, чтобы направлять каждое существо по вполне определенной ровной дороге.

И. Гердер

До сих пор мы оперировали понятием «археологические источники», старались показать, какие из них и в какой мере важны для определения датировки и этнической принадлежности, какие отражают передвижения народов и их социальную структуру, идеологические представления и производственные отношения. Теперь обратимся к теоретическому обоснованию рассмотренного, тем более что сама постановка этих вопросов не в начале исследовательского процесса, а скорее на его завершающих этапах отражает историю развития каждой науки и археологии в частности. Прежде чем определить свой метод и процедуру исследования, сообщество ученых, долгое время идя от конкретного материала (что типично для археологии как эмпирической науки), создает свой подход, вырабатывает определенный набор правил, которыми в явной или неявной форме пользуются все исследователи; и только на этапе теоретического осмысления достигнутого появляется необходимость в строгом определении всех понятий и в упорядочении их в систему научного объяснения.

Правда, не все специалисты видят в этом необходимость. Казалось бы, зачем, предположим, споры о том, что из себя представляют «эмпирический», «условный» или «культурный» типы или какая процедура классификации предпочтительнее — индуктивная или дедуктивная, когда традиционными методами по довольно сте-

реотипному плану можно построить исследование, где от анализа материала можно подняться до исторических обобщений, создать древнюю историю Сибири или Поволжья, Кавказа или Приуралья. Однако нужно помнить, что подобного рода обобщающие работы были необходимы на определенном этапе развития науки, когда следовало уловить самые общие тенденции в развитии исследуемых обществ, получить картину в первом приближении.

На следующем этапе появляется настоятельная потребность в уточнении основных понятий и исследовательских процедур.

Для дальнейшего движения вперед должна развиваться теоретическая археология, которая изучает общие правила (научную парадигму) исследования (описание, анализ) и истолкования (историческая интерпретация) археологических источников.

Перед каждым археологом, занимается ли он анализом и интерпретацией нового, только что раскопанного им полевого материала или же берется за исследование музейных коллекций, ставит ли он узкоархеологические или широкие исторические вопросы, всегда первоочередной задачей останется выделение групп исследуемого материала и нахождение для каждого нового анализируемого предмета соответствующего места в предлагаемой группировке.

Как пишет Жан Клод Гардэн, один из крупнейших археологов-теоретиков наших дней, «группировка остатков материальной культуры в различные „пакеты“, классы, типы, „моды“, школы, стили, ремесленные центры, культуры — это те упражнения, которыми занимаются все археологи» [Gardin, 1979, с. 27].

В археологии эмпирической базой являются артефакты (иногда говорят «ископаемые артефакты»). Все изготовленное древним человеком (в дальнейшем мы сужим проблему и будем говорить только о вещах), все продукты его общественного труда носят на себе печать времени и места, несмотря на то что форма вещей (а это основное, что дано археологу для анализа) определяется функциями, материалом, технологией, уровнем производства и т. д. Мастер является продолжателем традиции в своем ремесле, он как бы имеет перед своим мысленным взором идеальный образ предмета — именно его пытается «угадать» археолог, вычлняя из обилия вариаций «культурный тип».

Любая вещь обладает рядом различных свойств, причем в каждом исследовании заложено интуитивное представление о существенных и несущественных признаках, нужных для систематизации, что иначе можно выразить как наличие двух подмножеств — выделенных и невыделенных элементов. Следует определить относительную важность этих подмножеств. Искусство археолога заключается в том, чтобы избежать здесь ошибки двух родов: не упустить важные для классификации признаки и не придать незначимым из них слишком большой роли.

В зависимости от того, как исследователи относятся к объективности типа, различны их взгляды на характер отбора. По мнению одних исследователей, такой отбор «субъективен или по меньшей мере персонален» [Deshayes, 1970, с. 17] и зависит от тех целей, которые мы преследуем при классификации; по мнению других, он должен быть «объективным и контролируемым», в частности с помощью статистических методов [Tugby, 1965, с. 4; Федоров-Давыдов, 1970; 1981]. Важно, чтобы выдерживался принцип единства деления, то есть нельзя на одном уровне проводить деление по различным признакам. Преимущество следует отдавать морфологическим чертам, которые могут быть выражены количественно (мерные признаки), а качественные признаки следует выражать в процентах [Ковалевская, 1965; 1979; Каменецкий, 1978]. Также важно определить уровень, на котором следует остановить анализ. Анализ тем тоньше, чем больше число уровней рассмотрения, а два предмета тем более сходны, чем на большем числе уровней анализа их описания идентичны.

Дальнейшая работа исследователя с признаками, сочетание которых дает нам представление о вещи, тесно связана с теми целями, которые автор ставит перед собой при классификации. Подавляющее большинство классификаций практически создается для материала, имеющего достаточно узкие границы бытования во времени и пространстве (археологический материал из поселения, могильника, памятников одной археологической культуры), и тогда цель исследователя — выяснить те типы вещей, которые мыслились их создателями как достаточно целостные и замкнутые группы, и на их основании уточнить датировки, определить ареалы, рассмотреть развитие во времени, оценить культурные связи. «Через вещь к историческому процессу, к истории об-

щества, которая через многие звенья и посредствующие моменты обязательно отражается так или иначе... в вещи» [Кипарисов, 1933, с. 7]. Такая систематизация материала носит название естественной классификации; это упорядочение рассматриваемого материала во времени и пространстве с поиском естественных в нем разграничений и установлением «культурного типа», приближающегося к «мысленному шаблону» или же «этalonу» древнего мастера. Тип не отличается жесткостью, предполагается наличие устойчивого ядра (сочетания ряда определенных признаков) и окрестностей, когда более второстепенные признаки встречаются в различных наборах.

У искусственной классификации (или же у аналитической группировки) более скромные задачи — привести в систему и описать в компактной форме весь имеющийся в наличии археологический материал, для того чтобы исследователям было легко к нему обращаться для сопоставления и анализа. Наиболее ярким примером классификации подобного типа, безусловно формальной, является систематизация массового материала с обширной территории (больше одной или нескольких археологических культур) широкого временного диапазона. Это именно те «сквозные темы», занятие которыми является самым благодарным в археологии делом, хотя и всеми приветствуемым. Таких работ меньше, чем необходимо.

Результатом такой классификации являются «условные типы», искусственные ячейки служебного назначения, которые в некоторых случаях могут быть адекватны «культурным типам». Это жесткие ячейки пересекающихся признаков, рассмотренных иерархически. Л. С. Клейн считает, что правильнее было бы назвать результат деления в этом случае не типом, а классом и рассматривать его как первый этап обработки материала, подготавливающий следующий, носящий более исследовательский характер [Клейн, 1979, с. 159]. Собственно, здесь мы видим классификации-определители, которые в естественных науках создали целый период, очень продуктивный и необходимый для дальнейшего развития, а в археологии (очевидно, благодаря тому, что требуют по каждой из тем приложения сил целого коллектива исследователей) оказались незаслуженно пропущенными.

В истории нашей науки определенная и немалая до-

ля вины в этом лежит на ряде крупных исследователей 30-х годов, начавших поход на «вещеведение», за социологизацию археологии [Равдоникас, 1930]. Комплексное исследование археологических источников и историческая и социологическая интерпретация, безусловно, необходимы, поскольку археология была и остается исторической дисциплиной, но навести порядок в источниковедческой базе — первоочередная задача, и, прервав на несолько десятилетий развитие в этом плане, мы нанесли огромный урон нашей науке, последствия которого чувствуются и до сегодняшнего дня.

Выход из этого положения — разработка кодов. На их составление уходит значительно меньше времени, чем на классификацию любого рода; собственно, это — тщательное расчленение артефакта на признаки и упорядочение последних в виде открытых списков. Определенная географическая и хронологическая приуроченность остается, но она значительно меньше, чем для классификаций. Эту работу начал во Франции под руководством Ж. К. Гардэна Национальный центр научных исследований [см. Ковалевская, 1970, с. 211—217], у нас же в стране нет систематической и хорошо координированной в этом плане работы; в зависимости от узкой специализации археологов коды создаются для различных категорий археологических источников: керамики Пенджикента [Маршак, 1970], античных бус [Алексеева, 1970; 1975], погребального обряда. В некоторых классификациях можно наблюдать соединение типичных черт естественной и искусственной классификации, ярким примером чего является типологическая классификация В. А. Городцова [Городцов, 1925; 1927]. В настоящее время появляются классификации принципиально нового рода, объединенные под обобщающим названием «автоматические классификации».

Типологический метод В. А. Городцова, с одной стороны, почерпнутый им из естественнонаучных дисциплин, а с другой — являющийся закономерным развитием типологического метода, разработанного Оскаром Монтелиусом, вырос из потребностей анализа материалов эпохи камня и бронзы с территории России в конце XIX в. и в окончательно сложившемся виде был предложен автором в 1925 и 1927 гг. [Городцов, 1927, пер. на англ. яз. в 1933 г.]. В основу типологической классификации положен «тип», понимаемый как «собрание предметов, сходных по назначению, веществу и форме»

[Городцов, 1927, с. 6]. Автор отделяет аналитическую часть процедуры классификации (здесь мы видим пример искусственной классификации) от дальнейшего исследования — точного определения «каждого типа во времени и пространстве... чтобы читать историю материальной и духовной культуры всех вымерших поколений человечества индустриальной эры его развития» [Городцов, 1927, с. 9]. Собственно, в этом моменте можно видеть пересечение с естественной классификацией, попытку проанализировать материал с точки зрения не только его разнообразия, но и изменения во времени.

Самой беспощадной критике этот метод был подвергнут со стороны В. И. Равдоникаса, нашедшего в нем все смертные грехи: метафизичность, формализм, биологизм, фетишизм и даже националистический идеализм [Равдоникас, 1930, с. 25]. Все эти клеймящие штампы можно было бы оставить на совести рецензента, если бы не появился термин «городцовщина», обвиняющий В. А. Городцова и его учеников во враждебной идеологии «буржуазного вещеведения», если бы мы не читали в программном выступлении С. Н. Быковского, что в подобных случаях «должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение» [Быковский, 1931, с. 80].

Таким образом, археологи призывались к тому, чтобы на смену вещеведению пришли исследования культурных комплексов. Но когда и в чем типологический метод отказывался от комплексов? Не тогда ли, когда наряду с предметами из комплексов в построении типологии находили место и находки из случайных коллекций? Разве археологи, придерживавшиеся городцовского метода, отказывались от статистики? Достаточно вспомнить классическую работу А. В. Арциховского «Курганы вятичей» [Арциховский, 1927], чтобы убедиться в обратном. На смену вещеведению пришло воинствующее «вещеведение», стали возникать голые социологические схемы, мертворожденные в применении к археологии марристовские штудии.

Должно было пройти еще несколько десятилетий, чтобы вновь возник интерес к анализу археологических источников и стала ясна важность этой процедуры, но уже на новом уровне — математизации и кибернетизации гуманитарных наук [см. Ковалевская, 1981]. Если мы проанализируем все исследования в США начиная с середины 30-х годов, так же как довоенные и после-

военные работы у нас, то увидим, что во всех них отправной точкой окажутся положения, высказанные В. А. Городцовым еще в 1927 г.

В свете сказанного выше вернемся к проблеме типа в археологии. Как известно, при его определении акцент делался на том, что за типом стоит то множество артефактов, которое обладает однородностью признаков (И. Рауз именно их считал нужным называть «классом», а Д. Кларк — «популяцией артефактов»). В то же время тип — это система (или же устойчивое сочетание, набор) признаков.

Рассмотрим вопросы построения типологии применительно к анализу керамики. Во всех исследованиях, касающихся археологии раннего средневековья Северного Кавказа, большее или меньшее внимание уделялось керамике, в частности вопросам происхождения и связей аланской керамики с сарматской керамикой Северного Кавказа и Поволжья [Минаева, 1971; Абрамова, Магомедов, 1980]. И все-таки даже в таких сводных работах, как монографии В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1962; 1973] или работы Т. М. Минаевой [Минаева, 1950; 1951; 1956; 1960] и Е. П. Алексеевой [Алексеева, 1960], не предлагалось общей классификации северокавказской керамики середины и второй половины I тысячелетия н. э., и выводы опирались на несистематизированные наблюдения. Общим недостатком этих работ являлось отсутствие подробной, обоснованной, опирающейся на статистическую обработку материала типологии керамики⁹, которая была заменена выделением каждым исследователем ряда типов или видов на основании различных, как правило, нечетко сформулированных автором признаков (общих и детальных): формы, характера украшения поверхности, размеров и т. д. Ни признакам, ни сосудам, отнесенным к тому или иному типу, не давалось количественных характеристик. В результате изданный различными авторами материал не может быть сравнен между собой и не вписывается в общую схему развития керамики.

С этими бедами сталкиваются и исследователи дру-

⁹ Работам по Северному Кавказу присущи те методические ошибки, которые Б. И. Маршак отметил в связи с анализом подобных работ по Средней Азии: «Исследователь переходит к сопоставлению неочевидных фактов с общей теорией сразу после формальной классификации, обеспечивающей узнавание группы вещей, но пропускает этап систематизации материала» [Маршак, 1965, с. 6].

гих культур и территорий, поэтому задача создания типологии керамики, опирающейся на объективные характеристики, является для теоретической археологии первоочередной [Маршак, 1965; 1970; Деопик, Карапетьянц, 1970; Литвинский, 1973; Генинг, 1973; Shepard, 1968; Peacock, 1970; Ericson, Stickel, 1973; Ericson, Attley, 1976; Пустовалов, 1982].

Мы рассматриваем керамику с учетом хронологии и географии, беря за основу типологии морфологические признаки, выраженные через ряд промеров и индексов, общих для сосудов любой территории. Более дробное деление проводится уже на основании анализа специфических черт: характера обжига, состава теста, способов украшения внешней поверхности (лощение, ангоб, различные виды линейного орнамента, рельефные валики, зооморфные ручки и т. д.).

Основная цель предлагаемой нами типологии — сделать весь керамический материал эпохи раннего средневековья обозримым, доступным для сравнения и решения вопросов датировки, а также происхождения форм сосудов. При этом целый ряд вопросов, связанных с керамическим производством, затрагивается лишь в самом общем виде: керамика и вопросы этногеографии, взаимоотношения профессионального ремесла и домашнего производства, развитие ремесла и торговли, влияние уровня развития гончарного дела на социальную структуру общества и многие другие. Во главу угла при характеристике керамики каждого района положены материалы из максимально полно раскопанных могильников.

Действительно, сравнивая керамические комплексы из различных могильников даже в пределах одного района, мы никогда не можем с полной определенностью сказать, объясняются замеченные нами отличия только разным временем существования этих комплексов (хронологические) или они связаны со своеобразием деятельности тех или иных гончарных мастерских (локальные особенности). Когда же мы имеем дело с материалами отдельного могильника, то очевидно, что оставившее его население снабжалось керамикой пусть даже не одной, а нескольких гончарных мастерских, но, безусловно, придерживавшихся одной традиции и характеризующихся рядом общих особенностей; в таком случае направленные изменения в форме, орнаментации или технологии оказываются хронологическими признаками.

Перед нами стоит также вопрос естественной классификации — попытка выделить, насколько это возможно, тот или иной тип, который воспринимался, как таковой, древним мастером, имел определенное назначение и в качестве его проявления — специфическую форму, размеры и орнаментацию.

Какие же признаки следует выделять для анализа керамики? На каком уровне остановиться? Ведь одних только количественных и качественных признаков для согдийской, например, керамики середины I тысячелетия н. э. можно насчитать около 300 [Маршак, 1965, с. 13].

Поскольку предлагаемая типология является не самоцелью, а лишь подсобным орудием, мы исходим из того, что извлечем из материала лишь часть информации: пренебрегая частностями и тонкостями, мы сможем уловить лишь наиболее значительные изменения в нем. Предлагаемый морфологический анализ керамики базируется на измерении основных высот и диаметров сосуда и на вычислении ряда индексов, наилучшим образом выражающих форму раннесредневековой керамики Кавказа. Минимум использованных измерений включает диаметр венчика (устья), наименьший диаметр горла, диаметр основания горла, наибольший диаметр тулова и диаметр дна, высоту горла, плечиков, нижней и верхней частей тулова и общую высоту сосуда. Математическое отношение между собой этих параметров дает индексы керамики.

Для удобства читателя все градации индексов сведены в таблицу. Индекс получен путем деления одного числа на другое и выражен в процентах (знак которых мы в дальнейшем опускаем).

Объединение различных сосудов в типы происходит на основании сравнения их качественных признаков и параметров, куда включаются как абсолютные размеры, так и индексы (причем индексы легче сравнивать, чем абсолютные размеры). Важен индекс относительной высоты горла, выражающийся отношением высоты горла к общей высоте сосуда (то есть таким образом мы узнаем, какую часть общей высоты сосуда составляет его горло).

Ряд исследователей применяют индекс, выражающий отношение общей высоты сосуда к наибольшему его диаметру (индекс «А», по Б. А. Литвинскому, или же высотный указатель ФА, по В. Ф. Генингу), что наилуч-

Классификация керамических форм на основе применения индексов

Индекс	1	2	3	4	5
Относительная высота горла (h_2/H)	Очень низкое: до 17,5 (меньше 1/5)	Низкое: 17,6—27,5 (около 1/5)	Среднее: 27,6—37,5 (около 1/3)	Высокое: 37,6—47,5 (около 2/5)	Очень высокое: более 47,6 (1/2 и более)
Общая форма сосуда (D/H)	Вытянутый: до 80,0	Стройный: 80,1—95,0	Округленный: 95,1—105,0	Приплюснутый: 105,1—120,0	Сильно приплюснутый: более 120,0
Относительная высота влечика (hвт/hнт)	Очень высокое: до 60,0	Высокое: 60—1—80,0	Среднее: 80,0—100,0	Низкое: 100,1—200,0	Очень низкое: выше 200,0
Относительный диаметр горла (dг/D)	Узкое: до 50,0	Неширокое: 50,1—65,0	Среднее: 65,1—75,0	Широкое: 75,1—90,0	Очень широкое: выше 90,1
Относительная высота придонной части (hнт/H)	Очень низкая: до 20,0 (меньше 1/5)	Низкая: 20,0—30,0 (около 1/4)	Средняя: 30,1—40,0 (около 1/3)	Высокая: 40,0—50,0 (до половины)	Очень высокая: выше 50,1 (более половины)

шим образом характеризует общую форму сосуда; но, поскольку высота сосуда в наших вычислениях принимается в качестве одного из основных параметров для получения ряда индексов, мы берем ее в качестве знаменателя.

Для характеристики формы тулова сосуда мы учитываем отношение высот верхней и нижней его частей — «высотный указатель плечика», по В. Ф. Генингу [Генинг, 1973, с. 122], в обратной форме он применен Б. А. Литвинским [Литвинский, 1973, с. 12, 13]. Для характеристики горла мы берем отношение наименьшего диаметра горловины к наибольшему диаметру сосуда. Место расположения наибольшего диаметра является весьма важным признаком.

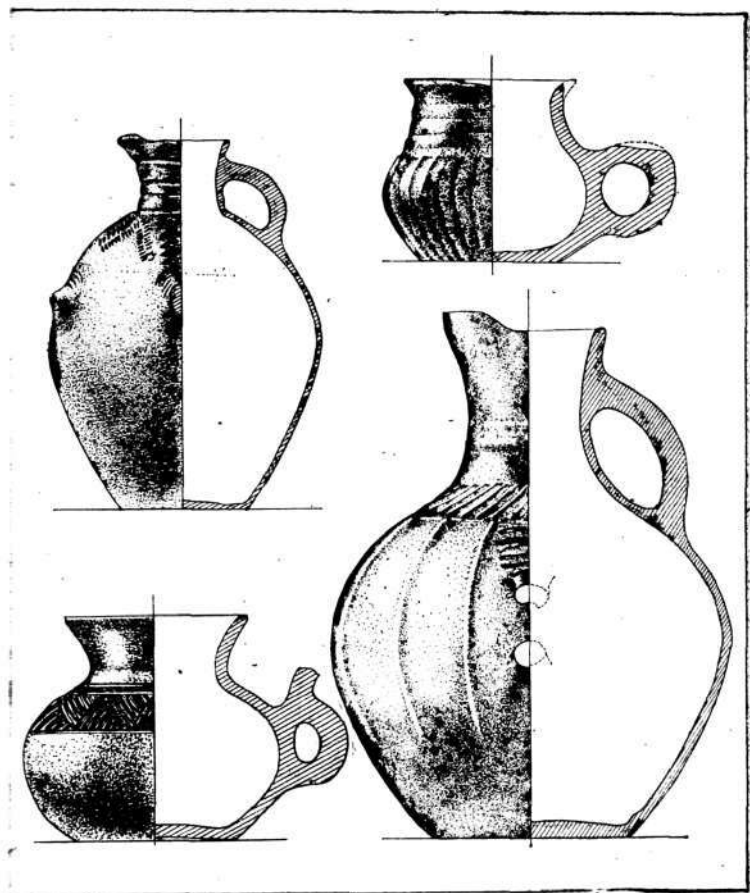
Кроме того, в некоторых случаях мы характеризуем относительную ширину дна (отношение диаметра донца к наибольшему диаметру); так, для салтово-маяцкой керамики как Северного Кавказа, так и Донца относительная ширина дна — хронологический признак: с течением времени увеличивается относительная ширина дна, так же как и приземистость кувшинчиков — наибольший диаметр располагается все ближе ко дну сосуда, пока оно не оказывается самой широкой его частью.

О чем может рассказать керамика

Можно подумать, что природа сама ревниво стирает и сглаживает все следы своей работы: она как будто щеголяет совершенными образцами своего творчества, в которых ей удалось воплотить какую-нибудь вполне развитую мысль, но она немилосердно уничтожает самую память о своих первых, неуверенных попытках.

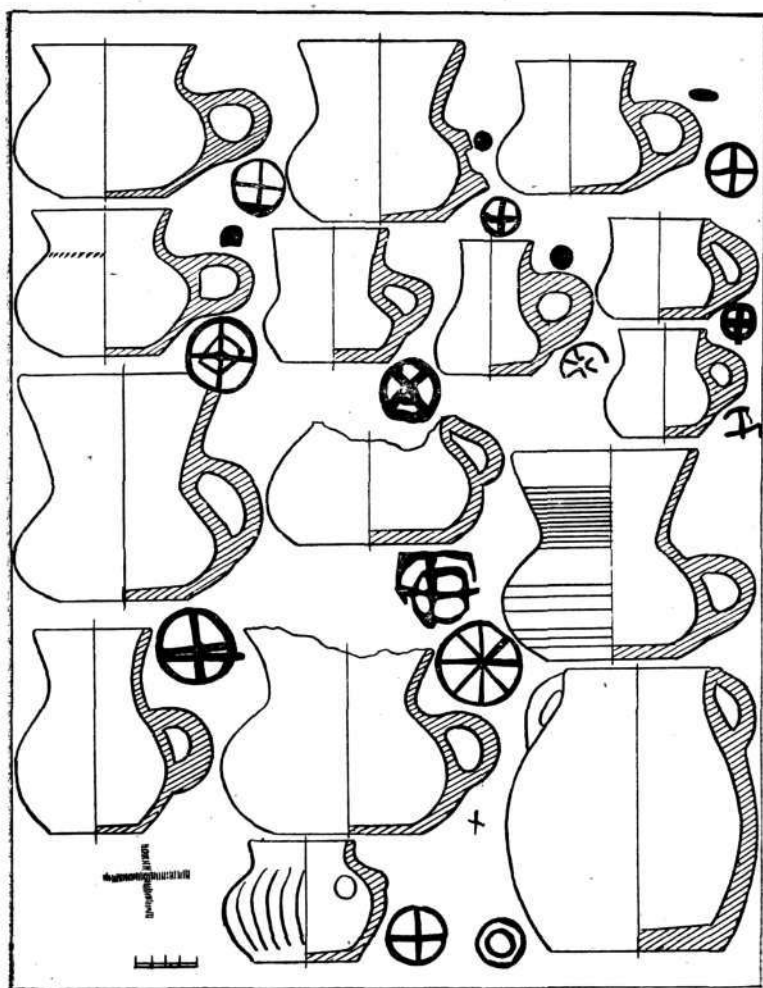
С. В. Ковалевская

Гончарное производство алан несет на себе ряд черт, специфических только для него и позволяющих четко выделять продукцию: сюда входит характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощение (черное, блестящее, полосчатое, сплошное, из заштрихованных треугольников, ромбическое и т. д.), пропорции сосудов, место расположения ручки, высокий процент клейменной посуды, типы и т. д. Не только типы керамики, но каждый из признаков (а их выделяется много десятков) четко распределены во времени и пространстве.

Керамика из средневековых памятников верховьев Кубани

Набор керамики, которую аланы в эпоху раннего средневековья ставили в погребения, существенно отличается от того, который археологи находят в слоях поселений; так, 92,6% керамики, происходящей из могильников, составляют кувшины различных форм и размеров, кружки и чарочки; сосуды без ручек (кубышки и миски) составляют всего 3,7%, кухонная керамика любых форм — столько же, причем это соотношение, справедливое для большей части памятников Северного Кавказа, ни в коей мере не характеризует особенностей гон-

Клейменная керамика из могильника Чми

чарного производства, оно является отражением особенностей погребального обряда, когда в могилу кладут не столько заупокойную пищу, сколько заупокойное питье. Если обратиться к керамике из поселений [Деопик (Ковалевская), 1961, с. 42], то кухонная керамика там составляет 77,7% при 20,9% тарной и всего 1,4% столовой. Следовательно, кухонная керамика встречена

в погребениях примерно раз в двадцать реже, а кувшины, кувшинчики, кружки и чарочки — раз в восемьдесят чаще, чем в поселениях.

подавляющее большинство всей посуды представлено керамикой, сделанной или по крайней мере подправленной на ручном круге, свидетельствами чего являются симметричность формы, следы заглаживания, видимые на внутренней и внешней поверхности сосудов, рельефные клейма или следы подставки от круга на дне и т. д.

Однако, различаясь по ассортименту, керамика поселений и могильников едина как культурно-историческое явление. Важность ее исследования заключается в том, что, являясь самым массовым материалом на поселениях, где датирующие находки могут быть очень редки, керамика, даты и типы которой выясняются на материалах погребений (типы — по целым формам сосудов, а даты — по сопровождающему инвентарю), становится датирующим материалом. Последнее облегчается тем, что в настоящее время в археологии существует целый ряд математических процедур для датировки культурного слоя по процентному соотношению керамического материала. Следует подчеркнуть, что в работах по археологии Кавказа керамика обычно датируется по сопровождающему материалу. Она сама никогда не имела самостоятельного значения для датировок; если же в каких-либо комплексах она оказывалась единственным материалом, то обычно применялись расплывчатые даты типа V—VIII или VI—IX вв. Построение типологии керамики по индексам показывает, что сочетание в комплексе нескольких сосудов, так же как и наличие отдельных типов и признаков, позволяет говорить о более узких датах в век-полтора.

При сравнении деятельности гончарных мастерских различных районов мы видим, что развитие происходит как бы по равнодействующей двух тенденций, где одной силой была роль традиции, вытекающей из стабильности вкусов населения раннесредневекового Кавказа, а другой — различные производственные достижения отдельных мастерских под воздействием других ремесел и иноземных влияний. По-разному достигалась постепенная унификация керамики в пределах сложившегося на протяжении времени ассортимента ее форм. При изучении керамики как изменяющейся во времени системы, где важны не только начальное и конечное положения,

но и характер перехода между ними, в специальных работах особое внимание уделяется именно этому процессу развития.

При создании естественной классификации мы ищем тот эталонный тип, который стоял перед мысленным взором мастера-гончара. Имея в своем распоряжении серию сосудов, объединенных между собой сочетанием целого ряда признаков формы и орнамента, исследователь приходит к представлению об этом «усредненном», «типичном» экземпляре, его же мы можем представить графически или в средних индексах, оценив затем все отклонения от него для имеющихся в коллекции материалов (в таблицах сводный рисунок типа или варианта строится с учетом среднего арифметического всех размерных количественных признаков и частоты качественных признаков).

Средние индексы могут быть получены двумя способами, из которых первый наиболее надежный. По нему мы вычисляем индексы для каждого сосуда, а потом уже по каждому отдельному индексу — среднее арифметическое для выделенного типа. Второй способ: вычисление индекса для уже усредненных данных, то есть для сводного типа. Именно этим путем как наиболее экономным мы идем в нашем исследовании.

В специальных работах автором была подвергнута такому анализу вся раннесредневековая керамика Центрального Кавказа. Для могильников верхней Кубани это коллекция в 217 сосудов, происходящих примерно из 70 комплексов более чем из 20 пунктов Карачаево-Черкесии, в частности 60 сосудов из 18 комплексов Гиляча. Она членится на 16 типов, часть которых подразделяется на варианты.

Рассмотрим на нескольких примерах, что дает предложенная нами типология формы по индексам по сравнению с традиционной. В могильниках верхней Кубани и окрестностей Кавказских Минеральных Вод одним из наиболее распространенных типов керамики в могилах являются небольшие чарочки-кувшинчики с серой или черной поверхностью, украшенной горизонтальными лощеными полосами по прямому горлу и вертикальным лощением по тулову. Они могут быть рассмотрены с разной дробностью — там, где В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1962] выделяет один тип, а Т. М. Минаева [Минаева, 1951] — два, автор выделяет два, членящихся на шесть вариантов.

Кузнецов
Минаева
Ковалевская

I тип
I тип
I тип (31 экз.)
варианты:
1 2

II тип
II тип (82 экз.)
варианты:
1 2 3 4

Это деление дает возможность получить дополнительную информацию о дате комплексов, происхождении форм, связях населения.

Так, рассматривая даты погребений, из которых происходят сосуды 1-го и 2-го вариантов I типа, мы видим, что 1-й характерен для VI—VII вв. (и лишь в отдельных случаях для V в.), а 2-й — исключительно для погребений VI в. Это значит, что относительно крупные чарочки-кувшинчики более стройных очертаний производятся в V в., а позже они приобретают более приземистую форму и становятся ниже (высота уменьшается от 12,5 до 8,9 см.).

Эта же закономерность в изменении формы наблюдается и для чарочек-кувшинчиков II типа, украшенных выпуклыми сосцевидными выступами, причем изменение формы подкрепляется изменением числа выступов, которых тем больше, чем древнее погребение, откуда этот кувшинчик происходит. По 4—5 выступов на всех сосудах в ранних погребениях Гиляча (погребения № 1, 3, 5, 6, раскопки 1965 г.), тогда как в Байтал-Чапкане таких сосудов всего 3 (катакомбы № 20, 21) из 22 экземпляров, на остальных по 3 выступа, что мы наблюдаем и в комплексах VI—VIII вв. в окрестностях Кавказских Минеральных Вод; в комплексах IX в. представлены кувшины лишь с одним сосцевидным выступом. Форма и орнаментация этих выступов и процент украшенных ими сосудов меняются не только во времени, но и в пространстве: 37,8% на верхней Кубани, 25,5% в Кавказских Минеральных Водах, 8,5% в Кабардино-Балкарии, 1,5% в Осетии при 0,6% в Дагестане (укажем еще, что сосцевидные выступы были типичны для кобанских сосудов скифского времени).

Хронологическим показателем оказываются, таким образом, некоторые признаки формы, выраженные в индексах. Отношение высоты верхней части тулова к нижней (собственно, это характеристика степени стройности сосуда) на материалах керамики верхней Кубани дает четкую картину: менее 100 для VI—VII вв., более 100 для VIII—IX вв. и более 150 для IX—X вв. (мы уже

подчеркивали, что этот процесс перехода от вытянутой формы к приземистой начался в V в., а вернее, в позднесарматское время, но, к сожалению, для позднесарматского периода не производилось подсчетов индексов керамики). По отношению высоты горла к общей высоте сосуда отделяются комплексы самого конца I тысячелетия н. э. от более ранних — индекс меняется от 33—36 до 20—20,5.

Специфика того или иного памятника проявляется в ассортименте керамики, что отражает особенности погребального обряда, очевидно связанные с этнокультурной принадлежностью погребенных; так, в единственном верхнекубанском катакомбном могильнике Байтал-Чапкан в погребениях найдены миски, столь характерные для катакомбных же (но подкурганых) погребений V в. н. э. из Брута и хутора Октябрьского. Отдельные типы керамики документируют связи верхнекубанского аланского населения с жителями Черноморского побережья Кавказа, в частности абасгами и санигами: красноглиняные бутылкообразные сосуды, красноглиняная керамика с росписью; но это уже в большей степени касается следующего исторического периода, здесь же нам хотелось акцентировать лишь один аспект этой темы — близость между керамикой V в. и керамикой последующих периодов (VI—VIII вв.) и единую линию ее развития.

На материалах верхнекубанских памятников могут быть решены те вопросы, которые мы не можем решить на многих других: какое среднее количество сосудов приходится на одного погребенного, существует ли отличие в количестве, наборе и размерах сосудов для погребений женщин, мужчин и детей, можно ли делать какие-то выводы о богатстве погребенных на основании числа положенных с ними сосудов? В этом смысле памятником первостепенной важности является Байтал-Чапканский катакомбный могильник VI—VII вв., где катакомбы использовались (за одним только исключением) для одиночных погребений.

Что касается среднего числа сосудов на одного погребенного, то наибольший показатель наблюдается для женских погребений (3,8 сосуда), затем для каждого из погребений парного захоронения (3,0), мужских (2,8) и детских (2,5). Эта же связь с полом и возрастом почти полностью повторяется в распределении среднего объема сосудов (в качестве критерия взята высота):

18,7 см для парного погребения, 16,2 см для женского, 15,8 см для мужского и только 10,9 см для детского. Другими словами, это значит, что в детские погребения ставили только маленькие кружки и очень редко кувшины, а в погребения взрослых — кроме кружек, кувшинов иногда крупные трехручные кувшины-водолей (чаще женщинам, чем мужчинам). Конечно, если бы мы измеряли не высоту сосуда, а объем, то полученные отличия были бы еще нагляднее.

Среднее число сосудов на одно погребение может также служить хронологическим показателем: ранние погребения содержат до шести сосудов (Гиляч), тогда как в погребениях IX в. (Мокрая Балка) каждое второе погребение вообще не содержало керамики, а в остальных было по одному сосуду. Этот показатель уменьшается постепенно от 3,0 (V—VII вв.) через 1,5 (VIII — первая половина IX в.) до 0,5 (вторая половина IX в.).

Рассмотрев лишь некоторые аспекты формализованного анализа массового керамического материала и возможностей его применения, мы отчетливо видим, насколько красноречивым и исторически информативным может оказаться этот материал при умении правильно его прочесть. В нашем случае он позволяет проследить преемственность в гончарной традиции от кобанской культуры к аланской, а в пределах аланской — от первых веков нашей эры до развитого средневековья, то есть именно керамика демонстрирует местные древние корни раннесредневековой аланской культуры.

Аланы и ирано-византийские отношения в VI—VII вв.

В жизнь ромеев и мидийцев вторглась война, этот источник бедствий, можно сказать, пристанище всех несчастий, основной нарушитель жизни.

*Феофилакт Симокатта,
История, кн. 3, 9*

Шестое столетие является временем расцвета или, собственно, демографического взрыва для того населения северокавказских гор и предгорий, которое принято отождествлять с аланами. Если для V в. все пункты, откуда происходят интересующие нас древности, можно пересчитать по пальцам, а количество погребе-

ний лишь очень незначительно превышает число могильников, то для VI—IX вв. археологическая карта уже насыщена памятниками — сотни поселений и могильников, сотни погребений в могильниках, памятники характеризуют разнообразие вещей, их достаточно четкие даты и ареалы при осязаемой локальной специфике. Исследование этого яркого периода существования на Северном Кавказе аланской культуры поднимает большое количество интересных и дискуссионных проблем, часть которых мы постараемся осветить.

И почти как парадокс — очень сдержанные данные письменных источников: история населения VI—IX вв. может быть воссоздана нами в основном на археологическом материале.

О всех событиях, происходивших за Кавказским хребтом (если смотреть глазами византийцев и иранцев), мы узнаем только в связи с событиями международной жизни VI—VII вв., когда интересы крупнейших держав мира того времени — Византии и Сасанидского Ирана — столкнулись на Кавказе. Историки раннего средневековья знали значительно больше об интересующих нас народах, чем мы можем предположить, но, к нашему величайшему сожалению, далеко не все сведения, которыми они располагали, нашли отражение в источниках, посвященных по преимуществу политической ситуации на Черноморском побережье Кавказа. Они прекрасно осведомлены о расстановке сил и общем положении описываемых народов, но из этих текстов удается извлечь лишь крупницы информации, представляющей для нас интерес в контексте данной работы. Для VI в. сведения черпаем мы в ряде сочинений Прокония, Менандра, Агафия, Феофилакта Симокатты, Феофана и Захария Ритора.

Территорию, занятую аланами, Проконий определяет от пределов Кавказа до Каспийских ворот (я солидарна с точкой зрения Ю. Кулаковского, М. И. Артамонова, Г. В. Вернадского, Ю. С. Гаглойти о том, что речь здесь идет о Дарьяльском проходе, а не о Дербенте, как полагали В. Ф. Миллер, В. А. Кузнецов и Я. А. Федоров). Вторит ему и Захарий Ритор: «За воротами (Каспийскими. — В. К.) бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский, у них есть города; и аланы — у них пять городов... Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, эфталит — эти тринадцать народов живут в палатках,

существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [см. Пигулевская, 1941, с. 165].

Граничат аланы в горах Кавказа со сванами и врутами, а на севере — с гуннами и савирами. У Агафия для середины VI в. идет речь о намерении византийского военачальника Сотериха отдать крепость Буклон на берегу моря аланам, чтобы варвары, союзники Византии, там могли бы получать от нее «субсидии» за оказываемую военную помощь.

Как мы уже говорили в главе о гуннском времени на Кавказе, силу тому или иному народу давало владение кавказскими проходами, а их было много и помимо Дарьяльского и Дербентского. Менандр, говоря о Сванетии, которая оказалась «искрой бедствия, яблоком раздора» для Ирана и Византии в VI в., указывал, что там «проходят скифы».

Прокопий подчеркивал, что через Дарьял с севера войны «отправляются на своих конях, не делая никаких объездов. Но когда они обращаются к другим проходам, то должны преодолевать большие трудности и уже не могут употреблять тех же лошадей» [Прокопий, 1876, кн. I, гл. X, с. 111].

По письменным источникам V и начала VI в. мы видим алан союзниками Ирана. Прокопий Кесарийский писал о них: «Это — племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов» (Proc. De bello got. VIII, 3, 4). Очевидно, вещественными свидетельствами этих связей с Ираном можно считать богато инкрустированные камнями шарнирные бляхи из погребения V в. в Гиляче, раскопанного Т. М. Минаевой в 1965 г., из богатого погребения около Кисловодска и в гробнице Кишпека, а также ранние сасанидские геммы из Осетии.

Еще в 1958 г. мне приходилось писать о том, что кажущиеся противоречия в показаниях письменных источников о союзных и враждебных отношениях алан с Византией объясняются тем, что на Северном Кавказе были две группировки аланских племен, западная и восточная, отличавшиеся по своим политическим симпатиям и ориентации [Деопик, 1959, с. 612—620]. При этом, если восточные аланы были неустойчивы политически и выступали на той стороне, где им в данный момент было выгоднее, то западные постоянно проводили гораздо более четкую политическую линию, придерживаясь

традиционно дружественных отношений с Византийской империей.

В это время происходит консолидация западных алан; на протяжении ряда лет (с 558 по 572 г.) византийскими историками упоминается «вождь», «владелец» или «царь» западных алан Сарозий (Сародий или Сарой). На всем протяжении своего правления он проводит определенную и последовательную политику союза с Византией. Восточные же аланы незадолго до этого (в 550—551 гг.) в составе персидских войск вторгаются в Колхиду, а в 562 г., во время правления Сарозия, даже совершают поход на Восточную Грузию, заставив ее подчиниться Ирану.

Опираясь на источники, мы можем представить себе территорию подданных или, вернее, единоплеменников Сарозия: это верхняя Кубань, Пятигорье и современная Балкария — только здесь оставались в это время неподвластные Ирану перевальные пути, а в них и была в первую очередь заинтересована Византия. Ведь в пору самых напряженных схваток с Ираном ей нужно было не порывать связей со степью, чтобы искать себе новых союзников в этой борьбе. Во владении и защите этих проходов аланами был залог их союза с Византией. Действительно, именно к Сарозию в 558 г. обратились авары с просьбой помочь им завязать дружеские отношения с Византией, и Сарозий сразу же сообщил об этом начальнику византийских войск в Лазике Юстину, который и передал об этом императору Юстиниану. О силе и влиянии Сарозия свидетельствует желание византийского посла к тюркам Земарха на обратном пути представиться владельцу Алании, причем сопровождавших его тюркских посланников Сарозий допустил до себя лишь после того, как они сложили оружие. Интересно, что Сарозий был в курсе всех военных действий в Лазике, знал, что в Сванетии в это время находится в засаде персидский отряд, и посоветовал посольству Земарха использовать более западный перевал — Даринский путь, северокавказский участок знаменитого Великого шелкового пути (скорее всего речь идет о Клухорском перевале), выводящий непосредственно на Черноморское побережье. Надо полагать, что эти перевалы находились на территории, подвластной Сарозию. Проводить такую определенную и твердую внешнюю политику было можно, только опираясь на прочные тылы. И здесь естественно выдвинуть гипотезу, что появ-

дение в конце VI или в начале VII в. серии поселений с системой «строго продуманной организации обороны» [Нессен, 1941, с. 24—25] как раз по всем горным долинам, уходящим к перевальным путям, мы должны связывать с деятельностью того же владельца Сарозия. Именно эта гипотеза, как кажется достаточно убедительная и опирающаяся на всю сумму материалов, позволит нам внести в шкалу относительной хронологии спорную абсолютную дату. Появление значительных масс населения (не из степи ли?) в предгорных и горных районах, поражавшее нас до последнего времени своей неожиданностью и массовостью, получает объяснение. Приобретает оно и достаточно определенную датировку — это третья четверть VI в. Находит свое объяснение и общность материальной культуры верхнекубанских, пятигорских и малкинско-баксанских памятников, причем единообразие западных памятников значительно заметнее, чем восточных, византийские влияния (прослеживаемые особенно по бусам и монетам) здесь сильнее. Интересно, что для Византии Сарозий был ценен не столько как военный союзник, поставщик военных дружин (хотя и это могло иметь место), сколько как «владелец» и устроитель своей земли, надежная защита посольств, идущих северокавказскими путями.

К концу 70-х годов VI в. аланы (очевидно, жители равнин и предгорий), по сведениям Менандра, попали в политическую зависимость от тюрок Турксанфа [Миллер, 1881, с. 55, 61], правда ненадолго, так как неурядицы на востоке заставили тюрок вскоре оставить захваченные территории.

Возникновение Хазарского каганата и политическая его активность на полтора века почти полностью вытеснили имя «алан» со страниц письменных источников.

После событий, связанных с посольством Земарха, долгие годы византийские авторы молчали о Северном Кавказе, их внимание было приковано к другим событиям, происходившим в непосредственной близости к Константинополю (нашествие авар 601, 620, 626 гг., аваро-кутургурские междоусобицы 630, 631, 635 гг., появление орды Аспаруха на Дунае) или же в Центральном Закавказье (вторжение тюркютов через Дербент 626—628 гг., осада и взятие Тбилиси, восстание Джеваншира против персов в 645 г.). Большой интерес вызвало у них образование Хазарского каганата, победы хазар и захват Беленджера (652 г.). Не могли их оста-

вить безразличными и все события, связанные с экспансией арабов на востоке, в частности в Закавказье: первый их поход на хазар, окончившийся неудачей. Византия не могла не использовать в своих интересах столкновение арабов и хазар и попытку хазар утвердиться в Закавказье — нападение на Армению (по Егише, в 683—685 гг., по Гевонду, в 689 г.). Одно из событий конца VII в. должно привлечь наше внимание в связи с историей северокавказских алан.

Аланы, абасги и Византия на рубеже VII—VIII вв.

Мне предстояло осмотреть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство в горах, жить и путешествовать долгое время между неприятелем, которого сметливая недоверчивость равнялась вражде к нам... По этим причинам многие на Кавказе, долее меня имевшие случай ознакомиться с горцами и вообще с местными обстоятельствами, считали подобного рода путешествие делом совершенно несбыточным.

Р. Торнау

К 695 г. относится свержение императора Юстиниана II и отправление его в ссылку в Херсонес, где он женился на дочери (или сестре) хазарского кагана Феодоре, переехал в крепость Дорос в горном Крыму, а затем на Таманский полуостров, в Фанагорию. У армянского писателя VIII в. Вардапета Гевонда мы читаем: «Юстиниан, ушедши в землю хазар, женился на дочери царя хазарского Хакана и просил у него помощи. Тесть Юстиниана отправил сильное войско, а с войском некоего Трвега, мужа могущественного. Достигши Константинополя, Юстиниан победил в битве соперников и снова утвердился на царстве. Трвег между тем был убит в сражении, а войско хазарское отослано обратно с превосходными подарками и с большим приобретением» [Гевонд, 1862, с. 11, 136]. Несколько иначе описывает эти события Феофан.

Поскольку Юстиниан II не скрывал своих планов реставрации императорской власти, то правивший в Византии в это время Тиверий III потребовал у кага-

за выдать его живым или мертвым. Тот отправил наемных убийц, но Юстиниан II, предупрежденный женой Феодорой, бежал в Дунайскую Болгарию, провел там зиму с 704 на 705 г. и во главе «булгар и славиннов» осадил Константинополь, который и захватил, восстановив себя в императорском достоинстве [Успенский, 1913, т. I, с. 727]. В этих событиях ему помог военачальник (спафарий) Лев — будущий император, родоначальник Исаврийской династии, пребыванию которого на Кавказе мы обязаны нашими сведениями о северокавказских аланах начала VIII в. На этого-то спафария Льва император Юстиниан возложил сложную миссию — укрепить связи империи с аланами и за солидную сумму денег организовать их походы на территории абасгов, которые вместе с лазами еще в 697 г. восстали против Византии, призвав себе на помощь арабов [Кулаковский, 1898, с. 56; Успенский, 1927, т. II, с. 5; Воронов, 1975, с. 152].

На протяжении пяти-шести лет спафарий Лев является участником полных драматизма и неожиданностей событий, разворачивавшихся в земле алан, абасгов и апсиллов. К нашему величайшему сожалению, император Лев Исавр не оставил записок, и всю информацию о происходивших событиях мы можем почерпнуть только у историка Феофана, не бывшего их современником. И все-таки мы позволим себе рассказ об этих годах, проведенных Львом на Кавказе, насытить живыми подробностями, но просим читателя помнить о том, что ряд характеристик мест, ситуаций мы возьмем из... мемуаров русского офицера-разведчика Ф. Торнау, оказавшегося в этих же местах с очень близкими целями, находящегося примерно на таком же положении, попадавшего в аналогичные ситуации, но... через 1130 лет. Описывая пути, которыми шел Лев, перевалы, переправы, казалось бы, мы могли пользоваться и нашими сегодняшними впечатлениями: мне удалось побывать — где пешком, где верхом, где на экспедиционной машине или вертолете — почти всюду, где мог или должен был быть Лев Исавр; но это то же самое, что путь по джунглям, наполненным дикими животными, сравнивать с прогулкой по парку с гуляющими в вольерах фазанами и павлинами, слишком многое изменилось здесь за последнее столетие. Хотелось бы хоть в какой-то мере увидеть глазами наших героев эти горы; полные опасностей, неожиданных встреч, нападений...

При Льве в руках Византии оставался лишь Фазис (совр. Поти), с востока надвигались арабы, гарнизоны которых уже заняли ряд лазских, апсильских и абасгских крепостей, а на севере росла мощь хазарской державы, причем не только на Итиле, в Дагестане и в степях, а уже и в горах Кавказа. Точно так же в 30-х годах XIX в. Россия на Черноморском побережье могла опереться лишь на несколько укрепленных пунктов (Сухуми, Бомборы-Гудаута, Пицунда, Гагра, Геленджик). связь между которыми по суше была ненадежной, непостоянной, а иногда и просто отсутствовала. Если учесть, что по Кубани, в Пятигорье и далее на восток вплоть до Дагестана располагалась цепь русских укреплений, а путь между этими двумя районами приложения сил России находился в руках «немирных» горцев, то ситуация предстанет еще более сходной. В обоих случаях возникала необходимость сбора информации о расстановке сил, о характере и степени пригодности страны для военных передвижений (конных либо пеших подразделений), о доступности перевалов, о населении, его враждебности или дружественности тем странам, чьи интересы представляли разведчики, о которых идет речь.

Лев Исавр попал в Закавказье, в Фазис, морским путем, через Трапезунд. Ту солидную сумму денег, которую снабдил его для передачи аланам Юстиниан II, он временно оставил в Фазисе, сам же в сопровождении нескольких местных жителей, верных Византии, направился через Апсилию к аланам. С подобной же миссией прибыл из Тифлиса в Сухуми осенью 1834 г. Ф. Торнау. Некоторое время он находился то в Сухуми, то в Бомборах, чтобы подобрать себе надежную группу помощников из местного населения для выполнения намеченного плана — проникновения на вражескую территорию за Гагрой; собственно, это именно и есть та территория абасгов или санигов времени Льва Исавра, на которую нужно было организовать нападение алан. Как и Льву Исавру, Торнау, для того чтобы попасть на территорию Северо-Западного Кавказа, нужно было сначала попасть на северные склоны Большого Кавказа, что в обоих случаях было нелегко, так как кавказские перевалы контролировались с севера в VIII в. аланами, а в XIX в. родственными абхазцам абазинами, заинтересованными в дружественных отношениях с Россией. Можно предположить, что подготовка к переходу на

Северный Кавказ и выбор надежных спутников были аналогичны для Льва и Торнау. Очевидно, им обоим в качестве спутников кроме местных жителей (лазов у Льва и абхазцев у Торнау) нужны были проводники, «так как в горах опасно путешествовать по незнакомым местам, не имея провожатого из того племени, общества или аула, через которые приходится ехать. Такой провожатый служит перед своими ответчиком за путешествующих и, с другой стороны, обязан защищать их и мстить за них, если им будет нанесена обида» [Торнау, 1864, ч. I, с. 81].

И Лев и Торнау расплачивались за помощь деньгами и правительственными обещаниями, которые они были уполномочены давать за оказанные им серьезные услуги (армейские чины, прощение бывших ранее проступков), — все это до удивительного совпадает, несмотря на тот огромный, собственно, поток времени, который разделял рассматриваемые события. И там и тут одних обещаний было мало, залогом того, что обещания, даваемые разведчиками, будут выполнены, было их официальное положение: спафарий, уполномоченный Юстинианом II, с одной стороны, и Торнау, уполномоченный русским государем и имевший поручителями владетелей Абхазии, — с другой. Но нужны были гарантии со стороны проводников и спутников. Если абасги предлагали Льву заложником сына владетеля, то Торнау прибегал к самым сильным местным средствам, позволявшим обезопасить его жизнь: прошел обряд аталычества, получил клятву верности именем могилы отца и матери, крестом и Кораном [Торнау, 1864, ч. I, с. 83]. В группе Торнау трое ехали верхом, четверо шли пешком. Насчет того, какой транспорт был у Льва, мы ничего не знаем, но, очевидно, также часть была верхом (скорее всего и сам Лев Исавр).

У Торнау описано, как, пользуясь Марухским перевалом, его группе пришлось оставить всех лошадей на южном склоне хребта и, только после того как они прошли все самые опасные места, протоптав в снежниках глубокие тропы, и дошли до истоков Зеленчуков, остановившись на дневку, удалось уговорить проводников за приличную мзду вернуться и привести коней. Когда он же рассказывает о другом своем переходе через Кавказ (с севера на юг), то красочно описывает, как двух превосходных кавказских коней, которых они вели с собой в качестве даров, они переносили на руках

через крупные скальные обломки и в труднодоступных местах. Надо сказать, что, очевидно, очень древнюю традицию имеет у жителей высокогорья дополнительный источник доходов: они предоставляют выючных и верховых коней тем, кто переваливает Кавказский хребет (и в наши дни турист может водрузить свой рюкзак вместе чуть ли не с десятком других на спину привычного к местным тропам коня, а соответствующую мзду вручить его хозяину). У Торнау «шествие заключали двое слуг, тащившие на своих плечах мешки с просом, тулуки с кислым молоком, котел и подгопявшие двух баранов, назначенных для нашего продовольствия до первого селения, лежавшего в трех переходах впереди нас» [Торнау, 1864, ч. I, с. 85]. Примерно тот же груз должен был быть у группы Льва, разве что специальное место должны были занимать дары аланскому правителю. Лев Исавр — и здесь его пути разошлись с Торнау — выбрал АПСИЛИЙСКИЙ ПУТЬ (нынешняя Военно-Сухумская дорога) — давно известный и широко использовавшийся в древности кавказский участок Великого шелкового пути [Иерусалимская, 1967; 1972; Бгажба, Воронов, 1980, с. 42]. Очень возможно, что Лев Исавр, как и Торнау, встретил на своем пути жертвенник духопокровителю гор. «Углубление было наполнено до половины древними монетами, железками от стрел, съеденными ржавчиной кинжалами, pistolетными стволами пулями и женскими застежками и кольцами. Ни один горец не переходит... перевал, не пожертвовав что-нибудь горному духу, и можно быть уверенным, что ничья рука не осмелится коснуться того, что ему принадлежит. И меня заставили принести в жертву несколько мелких монет, для того чтобы умиловить горного духа, иначе, говорили мои проводники, он зароет нас под снегом, когда мы станем спускаться, или не пошлет нам дичи, или отдаст нас в руки наших врагов» [Торнау, 1864, ч. I, с. 94].

Льва Исавра на Северном Кавказе встретил с почетом владетель алан ИТАКСИС. Миссия увенчалась успехом: даже не из-за денег (они ведь были оставлены в Фазисе), а из «любви к императору» — аланы вторглись в Абасгию через горные проходы, опустошили ее и вернулись с добычей. Абасги, узнав о роли Льва в этих событиях, сообщили аланам, что обещанные им за эту карательную экспедицию денежные суммы возвращены Юстинианом II в Константинополь, они же, со своей

стороны, предлагают 3000 золотых монет за выдачу им Льва. Аланы проявили здесь ту свою особенность, которую мы отмечали и для более раннего времени, — устойчивость своего дружественного к Византии отношения, ответив отказом. Второе предложение — уже 6000 золотых монет — аланы решили использовать для рекогносцировки проходов через Кавказский хребет из своей страны в Абасгию, что им должно было бы понадобиться в дальнейших военных действиях. «Мы отпустим вместе с абасгами наших людей, изучим их ущелья, разграбим и опустошим их земли...» (Феофан) [см. Чичуров, 1980, с. 66]. Дав притворное согласие на выдачу спафария, аланы получили богатые дары от абасгов, передали его связанным, но сами во главе с Итаксисом направились следом, чтобы уже за перевалом похитить его, перебив всех сопровождающих абасгов, и вновь опустошить страну.

Все эти действия, собственно, и были задуманы Византией как наказание неверным абасгам. Поэтому византийский император обратился к абасгам с письмом, обещая им прощение, если они дадут беспрепятственно вернуться спафарию Льву в Византию. Абасгов эта перспектива устроила, они даже предлагали отправить аланам заложников в обмен на Льва, которого они намеревались вернуть в Византию, но, не веря их слову, Лев стал ждать другой возможности вернуться на родину. Возможность эта скоро представилась. Пользуясь тем, что силы арабов были надежно заняты на восточной оконечности Кавказа (к 711—712 гг. относится поход Джерраха на хазар), византийский отряд двинулся из Фазиса на крепость Археополис — Цихе-Годжи, первый и самый значительный город у лазов, по словам Прокопия Кесарийского закрывавший путь с Черноморского побережья в Восточную Грузию. Сейчас, после многих сезонов полевых работ грузинских археологов, пожалуй, это один из наиболее впечатляющих ранне-средневековых городов-крепостей Грузии. Стоя перед мощными двойными стенами из аккуратно пригнанных камней или перед монументальными воротами, столь высокими, что в них можно проехать на крытой машине, глядя на базилику, стоящую сейчас среди зелени, и на неприступный, господствующий над крепостью холм цитадели, покрытый лесом, понимаешь, как силен был этот город. Осада Археополиса отрядом византийцев и армян была спешно снята из-за получения ими сведе-

ний — как выяснилось потом, ложных — о движении арабских войск на помощь осажденным. Отряд вернулся в Фазис, но от него отделилось около двухсот человек, которые с грабежами «поднялись к областям Аписилии и Кавказских гор» [см. Чичуров, 1980, с. 66]. На свой риск и страх они решили пробиться к аланам, которые, узнав о том, что они «остались в Кавказских горах и предавались грабежам» [Чичуров, 1980, с. 66], сообщили об этом Льву. Последний, взяв с собой отряд в 50 человек, в мае месяце, не дожидаясь таяния снегов, пошел на соединение с ними. Торнау совершил свой переход через Марухский перевал несколько позже по времени — в июле, и то, по его словам, «жаркое солнце палило наши головы, между тем как ноги не выходили из снега и из холодной воды... Мы стали подниматься на гору по снежной крутизне, перегораживавшей нам путь, подобно неизмеримо высокой стене, без следа дороги и без уступа для отдыха... Вправо и влево от нас возвышались зубчатые горные вершины ослепительной белизны. За ними чернели Абхазские горы и обозначалось море далекою синей полосой. Впереди нас виднелись скалы, лесистые гребни и зеленые травяные отроги главного хребта, между которыми мелькали, подобно серебряным лентам, Кубань и впадающие в нее реки» [Торнау, 1864, ч. I, с. 91, 93].

Отряд Льва спускался на специальных «снегоступах» — «круглых лыжах», скорее всего это широкие лыжи, возможно покрытые шкурами, описанные еще Страбоном: «Зимой вершины гор недоступны, а летом люди поднимаются на них, подвязывая к ногам из-за снега и льда утыканные шипами куски сыромятной бычьей кожи по форме литавров» (Strab., XI, V, 6). У Торнау все было примитивнее: «Оттолкнув тело назад и смело пробивая пятками тонкую ледяную кору, покрывавшую мягкий снег, мы помчались под гору так скоро, что снежные глыбы, оторванные нашим бегом, не успевали катиться за нами» [Торнау, 1864, ч. I, с. 94].

Воссоединившись с небольшим византийским отрядом, Лев решил пробиваться к морю и подошел к крепости Сидерон, которую одни исследователи отождествляют с Тцахаром на левом берегу Кодора, другие — со знаменитым апсильским Цибилумом-Цебельдой [Воронов, 1975, с. 153]. Лев обратился к Фарасману, владельцу Сидерона, подчинявшемуся арабам, хотя и дружественному Армении, с предложением вновь подчи-

ниться Византии и помочь его расширившемуся византийско-аланско-армянскому отряду выйти к морю.

Получив отказ, Лев Исавр устроил засаду на подступах к крепости, пленил многих ее защитников и начал осаду. «Крепость, однако, была мощной, и ромен не могли ее захватить. Марин, первый из апсильцев, узнав об осаде крепости, был охвачен страхом, думая, что со спафарием большое войско» [см. Чичуров, 1980, с. 67]. Опираясь на помощь подошедшего к нему с 300 воинами апсильского правителя Марина (или Маринэ), обманным путем Лев Исавр захватил крепость, которую за три дня разрушил и разграбил. После столь блистательной победы отряд Льва Исавра с торжественным эскортом в лице «первого из апсиллов» Маринэ был отправлен с большими почестями из Апсильи в Трапезунд и вернулся к императорскому двору, снабдив нас ценными сведениями относительно алан, абасгов и апсиллов накануне кровавого похода арабов.

Крепости алан

Среди поляны и раскиданных плит бегают маленькие ящерицы, бродят кладонскатели в поисках зарытых сокровищ да роются археологи, стремясь по останкам соборов, тюрем и дворцов восстановить разбойные отношения предков.

Л. Леонов

Еще тысячу лет назад с высоты птичьего полета можно было увидеть в долинах правых притоков Подкумка, вблизи Кисловодска, на останцах и мысах скалистого плато многочисленные небольшие белокаменные крепости, а рядом с ними искрящиеся родники. Каменные тропы с глубокими колеями от телег на выходах скал уходили вниз, в долину, пересекали ее и затем вновь поднимались на пышнотравные альпийские пастбища — по ним весной гоняли скот на летние выпасы, а по осени везли сено и возвращались отары, стада и табуны.

Рядом с укрепленными поселками раскинулись поля; тучный горный чернозем, достаточное количество влаги и много солнца — залог хороших урожаев. Даже в наши дни с вертолета отчетливо видны, особенно в тех местах, где мысы не запахиваются, контуры камен-

ных укреплений, от одного до трех у каждой крепости.

В конце VI или на рубеже VI—VII вв. возникла сеть этих городищ, причем обращает на себя внимание их однотипность

Через каждые 2—3 км, на оконечности мыса, господствующего над рекой (высота их над уровнем реки колеблется от 10 до 50 м), на удобных скотоперегонных тропах сооружалась такая небольшая крепость. Иногда на относительно малом пространстве создавалось целое гнездо крепостей; например, у Медового водопада, вблизи Кисловодска, на территории Малокарачаевского конного завода расположено пять таких крепостей — они контролировали путь от Подкумка на Бермамыт, Большое и Малое Седло и в верховья Кубани, на первоклассные альпийские пастбища, откуда открывается величественный вид на Эльбрус и панораму Кавказских гор.

Крепостные стены, башни, жилые и хозяйственные здания были сложены насухо из крупных блоков серого известняка, который ломали на нижнем скальном уступе того же мыса, превращая его тем самым в неприступную цитадель; крепостные стены шириной 4—6 м при высоте, очевидно, метров 6—8, с фланкирующими и надвратными башнями стояли на вертикальном двухметровом скальном монолите-постаменте.

Нижний уступ (шириной всего 4—6 м) имел крутые, скалистые, неприступные от природы склоны. Попасть на верхний уступ можно было только через нижний, потому что особенностью этих поселений было то, что стена цитадели, имевшая длину (в зависимости от естественной ширины мыса) от 10 до 50—60 м, была сплошной и не имела въезда и ворот по фасаду. Ворота находились на нижнем уступе, и за ними располагалась вырубленная в скале лестница, ведущая на цитадель.

Рассказ Прокопия хорошо иллюстрирует картину обороны подобных крепостей: «Один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той или другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих» (Proc. De bello Got., VIII, 8, 37). Сейчас, когда на покрытых чебрецом руинах пасутся лишь табуны да отары, трудно представить себе те страшные дни сражений и осад, которые некогда не единожды пришлось пережить стенам этих крепостей. Приходится

призывать на помощь источники, в которых отводилось много места военным событиям. Вот что пишет Феофилакт Симокатта о захвате византийцами крепости весной 583 г. — одном из эпизодов ирано-византийских войн. Описание расположения крепости без натяжек можно перенести почти на любую из раннесредневековых крепостей района Кавказских Минеральных Вод и Карачаево-Черкесии: «Это укрепление было неприступным и непреодолимым для осады. Эта крепость была расположена на вершине горы, с обеих сторон которой были обрывистые спуски, а задняя часть горы представляла глубокую пропасть, так что оставался только один-единственный ход спереди, укрепленный сложенными в груды камнями» [Симокатта, 1957, с. 4].

Почти уничтожены пахотой крепости на реке Ольховке у Лермонтовской скалы и несколько лучше сохранились они на реке Аликоновке — «Указатель» у Медового водопада, — где на правобережной крепости до сих пор четырехметровый вал, заросший полынью и горной мятой, скрывает остатки мощной каменной стены. Как и в описываемом Симокаттой случае, конная и пешая регулярная армия противника, не ломая своих рядов, могла здесь вплотную подступить к крепостным стенам с напольной стороны. «И тогда осажденные зажгли по всему кругу стен огненные сигналы», — рассказывает далее Феофилакт; именно таким способом жители крепостей сообщали об опасности и на Кавказе. По реке Аликоновке, от Кисловодского озера до верхнего течения, на протяжении 12 км выявлено 14 крепостей, и, конечно, стоило только появиться неприятелю, как сигнал бедствия оповещал население всей долины: следует немедленно угонять скот и уходить в горы, прятать припасы, а всем вооруженным мужчинам — готовиться к бою.

Противник становился лагерем вокруг крепости, отрезая ее от источников воды. Он травил поля, кормил коней и ждал утра. Правда, спуститься к реке и сам противник не мог: там, где дороги позволяли подойти к реке, она контролировалась с обеих сторон (крепости Нарт-баши и «Указатель» у Медового водопада). Мы не можем во всех подробностях представить, какие отношения связывали жителей этого гнезда крепостей у Медового водопада, по-видимому, они участвовали в совместных походах, например, когда Сарозий отправлял войска для помощи Византии в ее войнах с Ираном; скорее всего, одновременно пользовались выпасами и

охотничьими угожьями, а также праздновали конец сбора урожая или вместе пировали в честь воинов, вернувшихся из походов, участвовали в конных состязаниях на поминках или на свадьбах. Следовательно, совместной должна была быть и организация обороны этих крепостей; соседи могли помочь и с тыла ударить по противнику. Картину подобного сражения рисует нам тот же Симокатта: «Бой начали те, которые соскочили с коней... Тучею стрел они закрыли от противников свет божий. Этот народ умеет обращаться с луками, и главная сила его заключается в оперенных стрелах» [Симокатта, 1957, с. 4].

Среди укрепленных поселений алан исследователи выделяют две группы. К первой относятся так называемые «каменные городища» — расположенные в предгорьях и горных районах поселения с оборонительными стенами из камня (их в настоящее время картографировано мною около 130), ко второй — так называемые «земляные городища» на равнинах (представленные таким же количеством памятников) с оборонительными сооружениями, включающими рвы и валы, при возведении которых использовались земля, глина и сырцовый кирпич.

Гипотеза В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1973, с. 170] о специфичности крепостей первой группы для западного локального варианта аланской культуры в противовес «земляным», характерным для восточного, обязана их концентрации в верховьях Кубани. Накопление материалов (в 70-е годы было картографировано несколько десятков памятников) показало, что ареал городищ первой группы шире — они обнаружены не только в горных районах Балкарии, но и на землях Северной Осетии, тогда как городища второй группы зафиксированы и на Кубани (Дружбинское городище). Конструктивные особенности городищ вызваны по преимуществу геоморфологией Северного Кавказа и, очевидно, временем их сооружения, а не историко-культурными или этническими отличиями оставившего их населения, но все же основная тенденция их распределения (см. карту) уловлена верно.

На Ставропольской возвышенности и в долинах Кубы, Терека и Сунжи, где сармато-аланы стали оседать еще в догуннскую эпоху, в VI—IX вв. было много укрепленных и неукрепленных поселений [Минаева, 1949, с. 125—164], для которых выбирали мысы с обрывисты-

ми берегами, огражденные глубокими оврагами. Небольшую цитадель дополнительно укрепляли рвами, а основную часть поселения площадью до 15—20 га с южной стороны снабжали системой рвов и валов.

Характерно групповое расположение поселений: в каждой группе выделялось одно большое, к которому тяготели остальные. Крупные городища обычно включали два-три кольца обороны, центральное из которых окружало цитадель, а остальные — кварталы городской застройки.

Предложенная И. М. Чеченовым классификация «земляных городищ», разработанная по материалам Кабардино-Балкарии, вполне может быть распространена и на памятники других территорий [Чеченов, 1970, с. 205]. Отсутствие раскопок широкими площадями не позволяет нам представить эти поселения в их историческом развитии, поэтому в классификацию включены в равной мере и однослойные и многослойные памятники (последние, правда, количественно преобладают — обычно культурный слой достигает мощности 3—4 м). Еще А. А. Иессен подчеркивал, что здесь «мы получаем впечатление строго продуманной организации обороны» [Иессен, 1941, с. 24], свидетельствующей об экономическом и этническом единстве населения. На равнине перед каждой группой, состоящей из трех-четырех укрепленных городищ, располагались сторожевые форпосты, представляющие собой небольшие курганообразные возвышения с плоской вершиной, окруженные рвом и валом.

Аланские крепости Центрального Предкавказья («каменные городища») характеризует та же систематичность (групповая) в расположении, зрительная связь между поселениями, небольшие размеры, использование естественно укрепленных мысов и останцов (в небольшой степени обжитых уже в позднесарматское время), сооружение каменных крепостных стен и изредка рвов, вырубленных в скале. Сравнение между собой более сотни поселений верховьев Кубани и Подкумка, исследованных в целом лучше, чем на других территориях, показывает, как со временем менялись их планировка и характер застройки.

В крепости алан «Указатель» над Медовым водопадом [Ковалевская, 1976; 1977] поселение достигало площади почти 9—10 га при цитадели около 1000—1100 кв. м. Цитадель представляет собой треугольник,

обращенный острой вершиной к юго-востоку и защищенный неприступными скальными обрывами высотой около 100 м. Благодаря тому, что эти земли никогда не знали распашки, по выступающим из-под дерна камням можно проследить план поселения, его застройку, тем более что пасущиеся здесь стада не дают траве подняться и скрыть контуры руин. Первая линия крепостной стены ограждает цитадель, она состоит из двух каменных панцирей и забутовки из земли и битого камня. С внутренней стороны стены обнаружен дополнительный панцирь. По керамике, представленной фрагментами сероглиняных лощеных сосудов, типичных для могильников VI—VII вв., можно определить время строительства крепости и первого этапа ее использования.

Выровненная поверхность скалы служила основанием жилых и хозяйственных сооружений. Сооружения небольшие, квадратной формы, кладка насухо, аккуратная, камни положены «тычком» и «ложком», углы сооружены вперевязку. Застройка сплошная, дверной проем обнаружен только в одной стене. Центр застройки цитадели — скальный «жертвенник» — сооружение уникальное и неясное. Скальный монолит размерами около 4 кв. м при высоте около 0,70 м представляет собой камень прямоугольной формы со скругленными и подтесанными углами и стенками, плотно лежащий на материковой скале. На его верхней поверхности видно небольшое углубление овальной формы.

Постройки первого этапа — времени сооружения крепости — были основательно разрушены и перестроены. В следующий строительный период на их месте, на высоте в 50—60 см выше материковой скалы, оказалась обширная площадь, вымощенная камнем, в центре которой последовательно сооружены две юрты — сначала многоугольная, а затем округлой формы.

Каменные основания этих двух юрт — первая находка на Северном Кавказе остатков юртообразных помещений — могут рассматриваться как археологические факты, документирующие и оживляющие сухие строчки источников о проникновении тюркоязычных степняков, скорее всего болгар, в предгорья Кавказа в эпоху возвышения Хазарского каганата. Остатки юрт представляют собой кольцо из одного ряда камней, в большинстве поставленных на ребро на материковую скалу. В юрте на скальном выровненном полу найден бронзовый несомкнутый браслет из овальной в сечении про-

локи и железный колчаный крюк, типичный для тюркских погребений VII—VIII вв. из Сибири. Керамический материал резко отличается от более раннего: продолжают бытовать сероглиняные лощеные кувшины, но лощение преобладает ромбическое, появляются фрагменты красноглиняных амфор VIII—IX вв., типичных для степных болгарских памятников. В большом количестве найдены фрагменты сероглиняных и красноглиняных пифосов с горизонтальными, треугольными в сечении валиками. Здесь обнаружены также и единичные свидетельства связей со Средней Азией — фрагменты сероглиняной фляги и чарочки-кубка сплошного лощения. Второй строительный горизонт по материалу можно отнести к концу VII — началу IX в.

Следующий этап жизни поселения относится уже к началу II тысячелетия н. э. — этим временем следует датировать обширный посад площадью 9—10 га, ограниченный с напольной стороны разрушенной сейчас каменной стеной. Застройка его несистематическая, однотипные дома расположены группами, и их контуры видны на поверхности. Раскопки одного из них выявили ряд интересных конструктивных деталей: все дома ориентированы по странам света с отклонением на 20°, они однокамерные, площадью 33—35 кв. м, со стенами из ломаного камня и скальных глыб толщиной от 0,8 до 1,7 м, с печью-камином, частично углубленной в стену, что имеет параллели в этнографии балкарцев и карачаевцев.

Судя по находкам глиняной обмазки, можно полагать, что дома были каменно-турлучными, возможно, двухэтажными, башнеобразными. Осмотр тех немногочисленных аланских поселений, которые имели большие размеры и трехчастное деление (они составляли не более 15—20% общего числа поселений — например, на Аlikоновке их 2 из 14), показал, что дома на посаде в этих поселениях имеют конструктивные особенности, свойственные для этого позднего периода, и если учесть также характер подъемного материала, то можно полагать, что они относятся к X—XII вв. Следовательно, нет оснований считать их одновременными небольшим крепостям, появление посада знаменует следующий этап в развитии поселений Северного Кавказа. Аналогичный процесс наблюдается на поселениях верхней Кубани, что документировано раскопками Т. М. Минаевой на Адиухе.

Особую тему, освещение которой возможно лишь при сплошном обследовании определенной территории, когда можно быть уверенным, что отсутствие памятников на археологической карте является не следствием неполноты наших знаний, а отражает действительное положение вещей, составляет определение сельскохозяйственной территории, тяготеющей к каждому населенному пункту. Ряд работ европейских ученых на эту тему [Hodder, 1970] позволил выработать эффективный и простой метод моделирования этого явления путем построения окружностей или многоугольников с центром на каждом поселении, заполняющих все исследуемое пространство. В нашем случае мы получаем на каждое поселение от 5 до 7 кв. км — в среднем около 600 га полезной площади, не считая выпасов, летних пастбищ и охотничьих угодий.

Итак, анализируя материалы поселений, можно проследить определенные изменения, происходившие в жизни населения. Если в конце VI—VII в. небольшие крепости, единообразные по плану размещения, составляли единую оборонительную систему, протянувшуюся от предгорий до перевальных путей через Большой Кавказ, то к VIII—IX вв. на некоторых из крепостей просматриваются отчетливые следы их захвата еще недавними кочевниками-тюрьками. Позднее, к началу II тысячелетия н. э., жизнь сохраняется лишь на некоторых из поселений, но зато последние резко увеличиваются по площади, получают дополнительные линии укреплений.

Именно для того периода, когда аланы жили на обширных, но уже значительно более редко расположенных поселениях, мы имеем выразительные свидетельства Юлиана Доминиканца, прожившего у северокавказских алан три года в начале XIII в.: «Алания, где жители представляют смесь христиан и язычников... здесь сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка, вооруженные, вместе направляются на поле, вместе косят...» [Юргевич, 1863].

Картина, нарисованная очевидцем, откровенно переключается с рассмотренными выше археологическими данными, несмотря на то что Юлиан Доминиканец жил несколькими столетиями позже.

Могилы алан

И оставят меня в земле,
куда никто не хочет входить,
и будет дуть надо мной ветер,
когда попрощаются со мной...

Абд ат-Тамими, VII в.

Одна из интереснейших сторон жизни древнего общества — это магические обряды и культы и роль, которую они играли в ней, пронизывая все формы существования. Археологу она открывается прежде всего (если не считать достаточно редких случаев исследования древних святилищ) при углубленном анализе погребальных ритуалов, о которых мы можем судить лишь по тем далеко не полным данным, которые засвидетельствованы материалами раскопок. Мы не знаем, как происходило обряжение покойного, какие ритуалы совершались над ним, какие песни пелись, какие заговоры произносились.

Археологическое изучение погребального обряда Центрального Предкавказья — это сложная комплексная тема, требующая анализа целого ряда моментов: сюда входят характер могильника, в том числе взаимное расположение могил, наличие или отсутствие тризны и жертвоприношений; конструкция погребального сооружения, его параметры, число погребенных в одном сооружении; способ захоронения умершего — поза, ориентировка; характер сопровождающего инвентаря. Все детали погребального ритуала могут быть рассмотрены во времени и в пространстве.

При исследовании раннесредневековых древностей, как мы уже говорили, особое внимание исследователи обращали на тип погребального сооружения, видя в нем один из самых надежных показателей этнической принадлежности погребенного, но последние работы показали, что этот вопрос зачастую решался слишком однозначно.

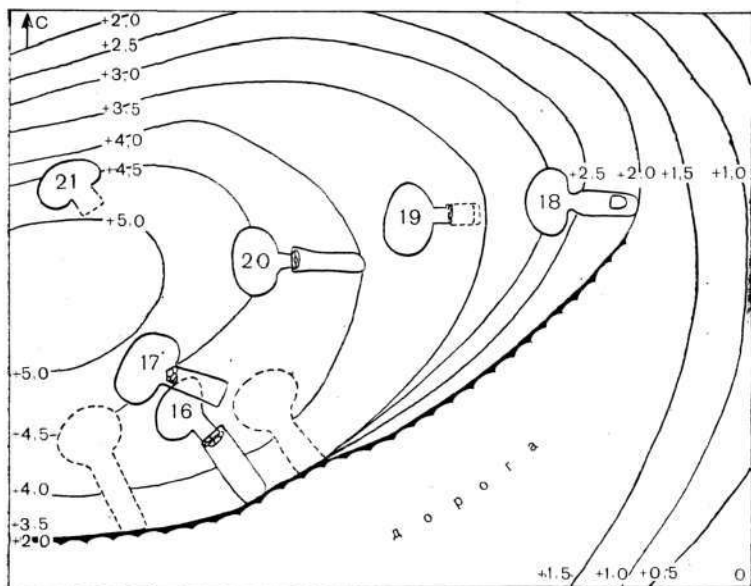
В могильниках эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе представлено большое количество типов могильных сооружений. Сюда входят грунтовые могильники с погребениями в простых ямах (подчас перекрытых плитой) и каменных ящиках; каменные склепы: подземные (иногда их называют грунтовыми каменными гробницами [Минаева, 1971, с. 58—59]), полуподземные и надземные; подбой, одинарные или двойные; катаком-

бы различных типов — земляные, вырытые в склонах, подкурганные и скальные (иногда их называют на-скальными).

Этот перечень далеко не исчерпывает всего разнообразия погребальных сооружений, использовавшихся северокавказским населением в эпоху раннего средневековья. Каждый из указанных типов погребальных сооружений может быть подвергнут дальнейшему членению на основании анализа целого ряда частных признаков, в результате чего будут выделены варианты. Подобное сопоставление по частным признакам позволяет упорядочить во времени и пространстве ряд параллельно существовавших эволюционных рядов различных типов погребальных сооружений. Разнообразие погребальных сооружений на Северном Кавказе наряду с длительностью существования почти всех типов заставляло в свое время исследователей смотреть на этноисторическую информативность погребального обряда пессимистически. Только после появления монографии В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа» [Кузнецов, 1962], остающейся до сих пор лучшей сводкой всех данных по распределению различных могильных сооружений на Северном Кавказе, погребальный обряд, в частности конструкция погребального сооружения, занял особо важное место при определении этнической принадлежности погребенного.

При решении же вопросов хронологии тип погребального сооружения не «работал», он сам нуждался в дополнительных основаниях для привязки к тому или иному периоду. Для этого не только было недостаточно материала, но, главное, полевые исследования производились без учета тех требований, которые можно предъявить к нему, то есть не совсем полно и квалифицированно. Вслед за монографией В. А. Кузнецова появился ряд общих и частных региональных исследований, где типам погребальных сооружений, их генезису и датировке уделено специальное внимание [Алексеева, 1971; Минаева, 1971; Чеченов, 1969; Абрамова, 1972; Крупнов, 1971; Багаев, 1970; Атаев, 1963; Ковалевская, 1959; 1978; 1979; 1981].

По характеру наземного сооружения мы выделяем захоронения бескурганные (подавляющее большинство) и курганные (они представлены только катакомбами гуннского времени). По типу погребального сооружения можно выделить две группы. К первой относятся одно-

Могильник Мокрая Балка. Схематический план расположения катакомб на нижнем холме

компонентные сооружения, здесь для погребения используется могильная яма, стенки и перекрытие которой оформлены по-разному, но погребаемый всегда вносится сверху. Сюда входят: Ia — простые грунтовые ямы без использования камня (не считая заполнения); Ib — ямы с заплечиками (перекрытие, очевидно, деревянное); Ic — ямы с заплечиками, перекрытые камнем; Id — ямы, частично обложенные камнем; Ie — каменные ящики (или «плиточные могилы»: стены из четырех-шести плит, поставленных вертикально); If — каменные гробницы (или «подземные склепы»), стены которых сооружены из горизонтально положенных насухо камней, перекрытия — из плит.

Во вторую группу входят двух- и трехкомпонентные погребальные сооружения, состоящие из погребальной камеры, входной ямы (дромоса) и соединяющего их входного отверстия. Погребаемого вносили в камеру не сверху, а сбоку. К этой группе относятся катакомбы, подбой и каменные склепы (полуподземные и наземные): IIa — грунтовые катакомбы с камерой подквад-

ратной, подтреугольной, круглой или же овальной формы, с входным отверстием, заложеным камнем, и длинным узким дромосом (иногда со ступеньками), расположенным под прямым углом к камере; IIб — грунтовые подбои с камерой овальной или подквадратной формы, с короткой и широкой входной ямой, в длинной стенке которой располагается широкое входное отверстие, заложённое камнями или досками; IIв — скальные катакомбы с камерой овальной, квадратной и полуовальной формы, вырубленной в отвесной скале, с небольшим входным отверстием, заложённым плитой, и изредка с дромосом (как частный случай бывают камеры, длинная ось которых продолжает собой ось входного отверстия); IIг — скальные подбои с камерой полуовальной формы, часто использующие естественные углубления в скале, с широким входным отверстием, заложённым каменной кладкой на земляном растворе; IIд — скальные захоронения (или скальные склепы) с камерой прямоугольной формы, использующие естественные каменные неглубокие пещеры, где боковые и передняя стенки выложены из камня на земляном растворе и имеют входные отверстия, заложённые камнем; IIе — полуподземные склепы: подземные камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камня, перекрытые плитами, с входным отверстием в виде небольшого коридора, расположенного, как правило, выше уровня дна камеры, с такими же каменными стенками и перекрытием; IIж — наземные склепы: камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камня, с каменными перекрытиями, с входным отверстием в узкой стенке.

Это один из возможных путей классификации погребальных сооружений, когда за основу упорядочения взято оформление погребальной камеры с учетом способа захоронения (сверху или сбоку), но далее каждый тип должен описываться как сочетание целого ряда признаков (качественных и количественных).

Анализ погребальных сооружений, так же как и других деталей погребального обряда (коллективность погребений, положение костяка, ориентировка, сопровождающий материал, наличие и характер наземных сооружений и многое другое), позволяет уловить пространственно-временную приуроченность отдельных элементов погребального обряда. Так, подкурганые катакомбы и подбои составляют невысокий процент от обще-

го числа захоронений (около 3% при колебании от 1,6 до 4,8%) и равномерно распространены в степной части Северного Кавказа. Грунтовые катакомбы в то же время широко известны и в предгорьях Предкавказья (Подкумок, Клин-Яр, Нижний Джулат), чтобы во второй половине I тысячелетия составить около трети всех погребальных сооружений. Наименьший процент их в верховьях Кубани (20,7%), а наибольший — в районе Кавказских Минеральных Вод (54,7%) и Северной Осетии (34,1%), где они проникают глубоко в горы, вплоть до перевалов. Из района Пятигорья происходят наиболее ранние катакомбы гуннского времени и большое количество катакомбных могильников VI—VII вв.; именно этот район можно считать той территорией, где располагалось основное ядро алан и откуда аланское население — носитель катакомбного обряда погребения — продвигалось на запад, в верховья Кубани (Байтал-Чапкан и Кумыш-Баши V—VIII вв.), и на восток (Кабардино-Балкария, Осетия и Чечено-Ингушетия), где преобладают катакомбные могильники VIII—IX вв., хотя в достаточном количестве представлены и комплексы VI—VII вв.

Иным образом распределяются скальные захоронения, очень наглядно уменьшение их доли от верховьев Кубани (48,6%) на восток — 29,7% в районе Кавминвод, 8,1% в Кабардино-Балкарии и 9,2% в Чечено-Ингушетии. Самые ранние комплексы в верховьях Кубани датируются рубежом VII—VIII вв., расцвет относится к VIII—IX вв. (только тогда появляются они на Подкумке и далее на восток), широко представлен этот обряд и в X—XII вв. По происхождению скальные захоронения могут быть связаны как с катакомбами или подбоями, вырытыми в земле или вырубленными в скале, — и тогда закономерна их связь с аланами [Минаева, 1965, с. 136—137], так и с подземными каменными гробницами или же с каменными ящичками и с каменными полуподземными склепами, исконно кавказскими типами, поскольку скальные захоронения объединяют ряд достаточно отличающихся конструктивно между собой различных погребальных сооружений в отвесных скалах, скальных склонах и под навесами.

Выше мы высказывали предположение о существовании определенной связи между такими фактами, как появление в слоях поселений остатков юрт кочевнического типа или иного керамического комплекса, и приходом

из степей в верховья Кубани и в район Кавказских Минеральных Вод тюркского (болгарского) населения на рубеже VII—VIII вв. Появление на этой же территории нового типа могильных сооружений — скальных захоронений — также может предположительно быть связано с этой миграцией [Ковалевская, 1975, с. 78], так же как и распространение грунтовых захоронений (в частности, грунтовых ям с заплечиками, составляющих в Кабардино-Балкарии 24,3%). Каменные же ящики, а также плиточные могилы, подземные каменные гробницы наряду с грунтовыми могилами, как уже говорилось, являются исконной формой местных погребальных сооружений, восходящих к предшествующим культурам. Они занимают горные районы, достигая в Карачае, Осетии и Чечено-Ингушетии 30—38%, тогда как в предгорьях они составляют всего 5% (район Кавминвод).

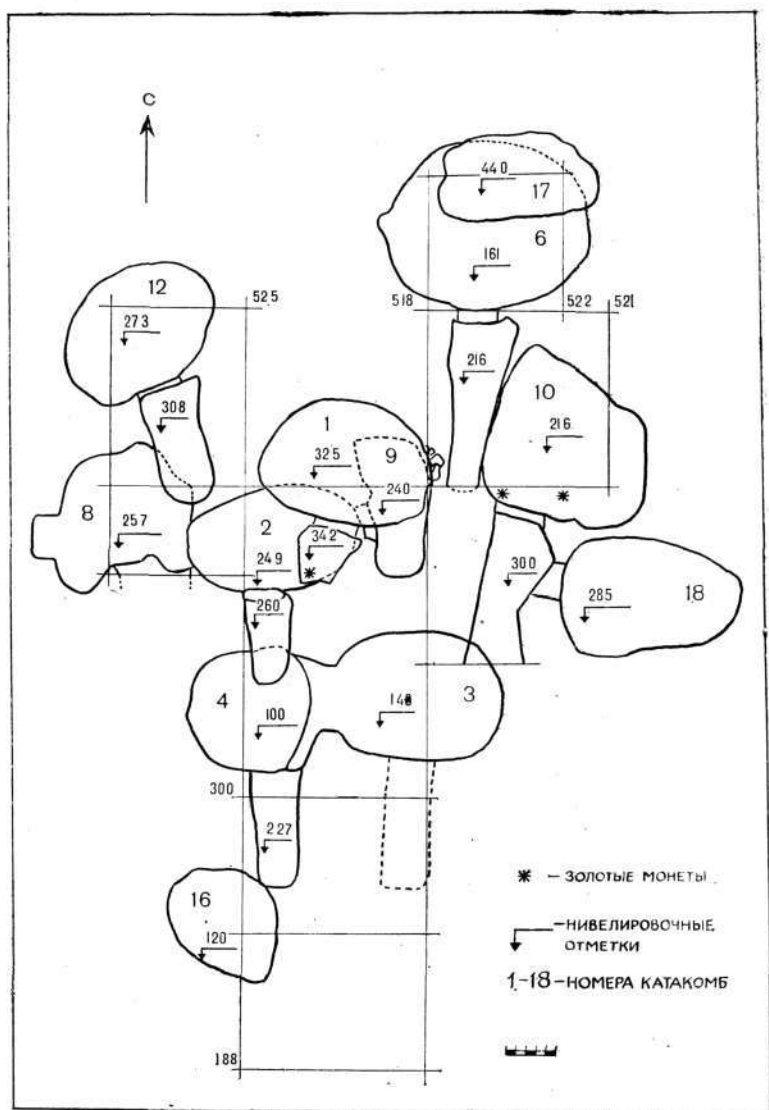
Однако характер погребального сооружения — это лишь одна из составных частей погребального обряда, большую важность представляет анализ положения погребенного, количество, характер и расположение погребального инвентаря. Особую тему представляет и анализ структуры могильника в целом — как он растет, можно ли выделить семейно-родовые группы и т. д. Этими данными, к сожалению, мы на сегодняшний день совсем не располагаем, и положение здесь гораздо хуже, чем, например, для времени кобанской культуры. Собственно, подобный анализ может быть осуществлен лишь для катакомбных могильников в Байтал-Чапкане [Минаева, 1956] и Мокрой Балке [Ковалевская, 1970; 1972; 1979; Афанасьев, 1974], однако его реализация — дело будущего.

Археологические находки свидетельствуют

Важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать.

Р. Дж. Коллингвуд

Нас поражает обилие и разнообразие, пышность и красота древностей эпохи раннего средневековья на Се-

Катакомбы могильника Чми (раскопки автора, 1982 г.)

верном Кавказе. Обширные коллекции оружия и орудий труда, предметов личного украшения — серьги, бусы, браслеты, амулеты, перстни, зеркала-подвески, воинские

наборные пояса — обнаружены в сдтиях погребений VI—IX вв. Они помогают ученым ответить на многие вопросы. Мы имеем возможность проследить развитие местного ремесленного производства на протяжении V—IX вв. Еще до второй мировой войны археологи открыли разработки медной руды и остатки железодельных производств, относящиеся к эпохе средневековья. Разработку свинцово-серебряных руд следует отнести к VIII—IX вв. Об этом свидетельствует картографирование местных типов бус из стекла с высоким содержанием свинца: они наиболее часты в районах, прилегающих к месторождениям свинцово-серебряных руд, с постепенным уменьшением к западу и востоку [Деопик, 1963, с. 146].

Орудия труда весьма немногочисленны в погребениях (тесла-мотыжки, топоры, долота) и однотипны в поселениях (ступки, вращающиеся жернова, пряслица).

Оружие в погребениях алан по количеству и богатству декора тоже уступает находкам в одновременных им комплексах как Причерноморья, так и Дагестана, хотя набор его вполне определен. В могилах IV—V вв. прежде всего мы находим лучников, на вооружении которых луки с крупными костяными накладками и стрелы с железными (втульчатыми и черешковыми) и костяными (черешковыми) наконечниками. По материалам VI—VII вв. мы можем представить себе алана-воина как тяжеловооруженного всадника с длинным прямым мечом так называемого сарматского типа, кинжалом с боковыми выступами у основания рукояти (в форме кинжалов проявляется преемственная связь с кобанскими кинжалами [Крупнов, 1953, с. 159], сохраняется и их местное название [Абаев, 1949, с. 53]), сложным луком с набором крупных железных черешковых наконечников стрел, копьем с ланцетовидным наконечником, булавой, арканом. Всадник и, возможно, конь защищены кольчужной броней. Несмотря на то что боевые топоры обычно использовались в бою пехотинцами, они часто встречаются и в погребениях аланских всадников и представляют собой оружие, восходящее к позднекобанским формам, так же как и кинжалы.

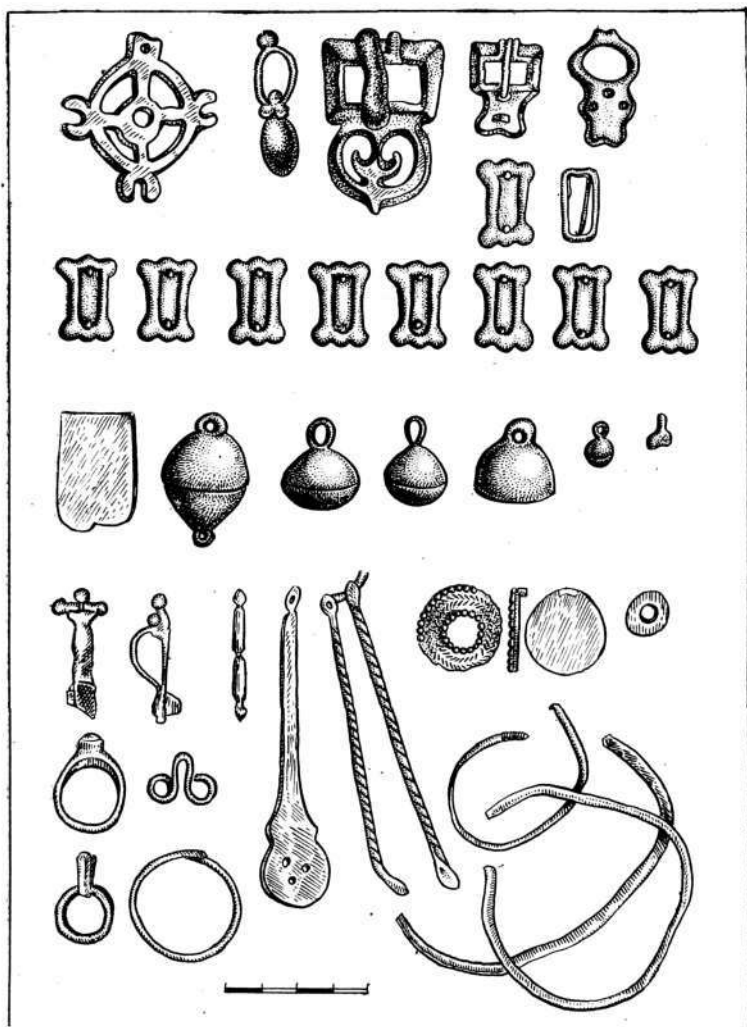
Вспомним яркие описания походов северокавказских воинов на Закавказье Мовсеса Хоренаци: «Как ураган несется по лесу, срывая листья, точно с такой же быстротой (несутся. — В. К.) юноши наши, с коней подымая своих противников на копьа. Золотое и серебряное ору-

жие. Такое же убранство было на конях. Казалось, видишь стену. Многие были в броне из ремней и кожи и представляли собою вид крепких скал, на голове у них развевались гривы, как листья тенистых деревьев. Выющиеся на знаменах драконы с ужасно разинутой пастью, вздуваемые дыханием ветра» [Хоренский, 1893, с. 173].

В VIII—IX вв. появляются сабли — оружие, сформировавшееся в среде евразийских кочевников. На поселениях найдены каменные болы диаметром 0,10—0,15 м. Но в целом характерно использование лука в качестве основного оружия (во многих могильниках стрелы и железный нож являются единственным оружием, положенным в могилу). Особый интерес, далеко выходящий за географические рамки Кавказа, представляет уникальная находка полностью сохранившегося деревянного лука с роговыми и костяными накладками из Мощевой Балки [Милованов, Иерусалимская, 1976, с. 40—43]. Этот лук длиной в 140 см сделан из одного куска березы разной толщины и формы сечения на разных участках, снабжен дополнительными накладками, обмотан сухожилиями и берестой. Он — весьма сложное (по технологии, трудоемкости изготовления и по конструкции) оружие, безусловно обладающее высокой эффективностью. Воины-аланы по преимуществу были всадниками (по сведениям Масуди, аланы могли выставить 30 000 всадников); роль коня в их жизни проявляется и в культах, в частности в обилии конских изображений на амулетах и в ритуальных захоронениях коней.

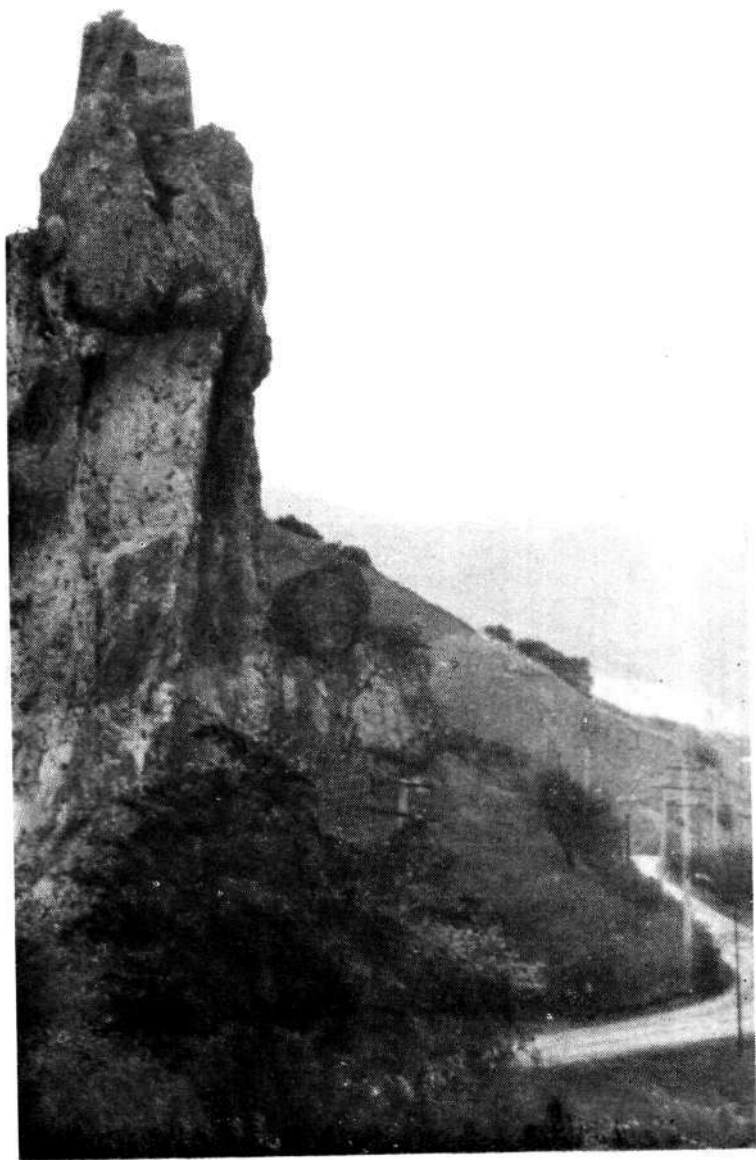
Богатое конское снаряжение использовалось начиная с V в. Позднее мы находим уздечки с двухкольчатыми железными удилами, во внешнее кольцо которых продеваются стрелжнеобразные серебряные псалии с фигурными головками в виде цветочной почки или многогранника. Оголовье богато украшено полулунными, крестообразными и удлиненно-прямоугольными накладными бляшками из позолоченной фольги, украшенными чеканным орнаментом и инкрустированными стеклом. Позднее использовались двудырчатые псадии с изогнутым лопаточкообразным концом или слабо изогнутые эсовидные. Стремена, появляющиеся здесь на рубеже VII—VIII или в VIII в., округлые или восьмеркообразные, с плоской подножкой без наружного ребра.

Поскольку в погребальных комплексах мы находим оружие лишь спорадически, да и процент неограбленных

Предметы из катакомбы № 15 могильника Мокрая Балка (раскопки автора, 1971 г.)

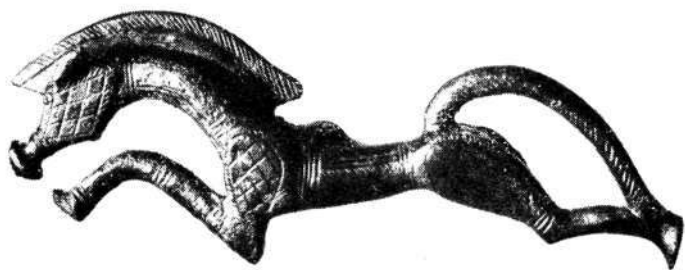
погребений очень мал, то ни о какой воинской иерархии на основании оружия говорить не приходится. О месте того или иного дружинника в обществе свидетельствуют количество и характер подвесных ремешков на поясе.

Замок Кануковых в Кобанском ущелье

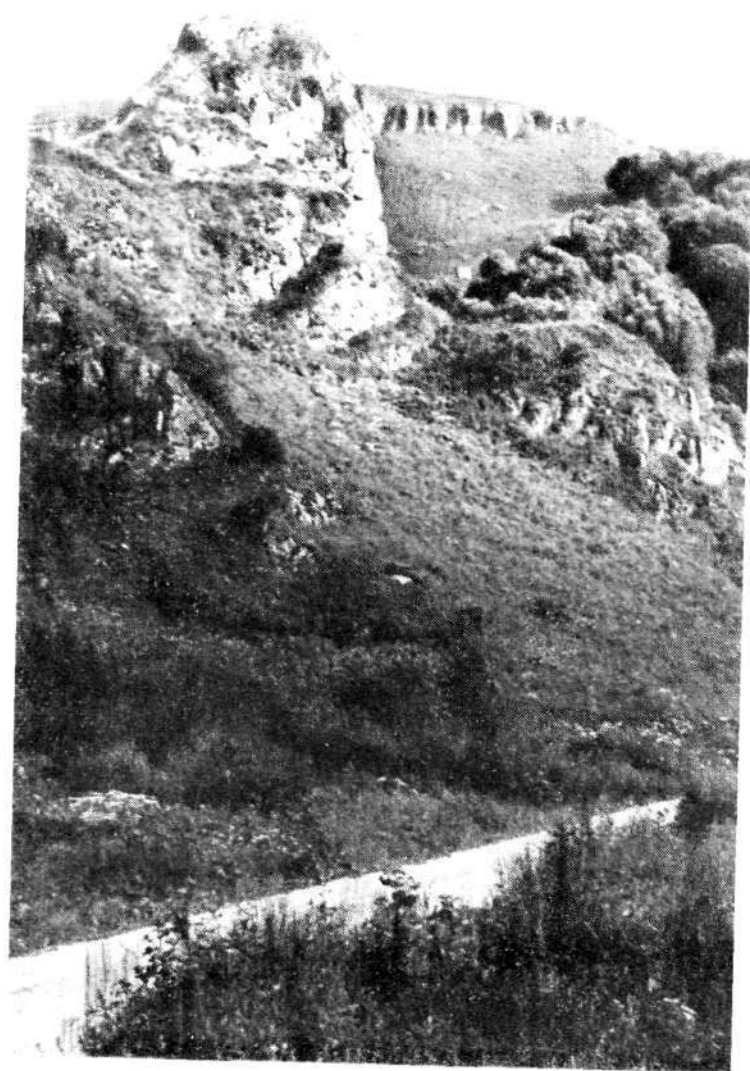
Бронзовая бляха кобанской культуры
(из собрания Государственного Эрмитажа)

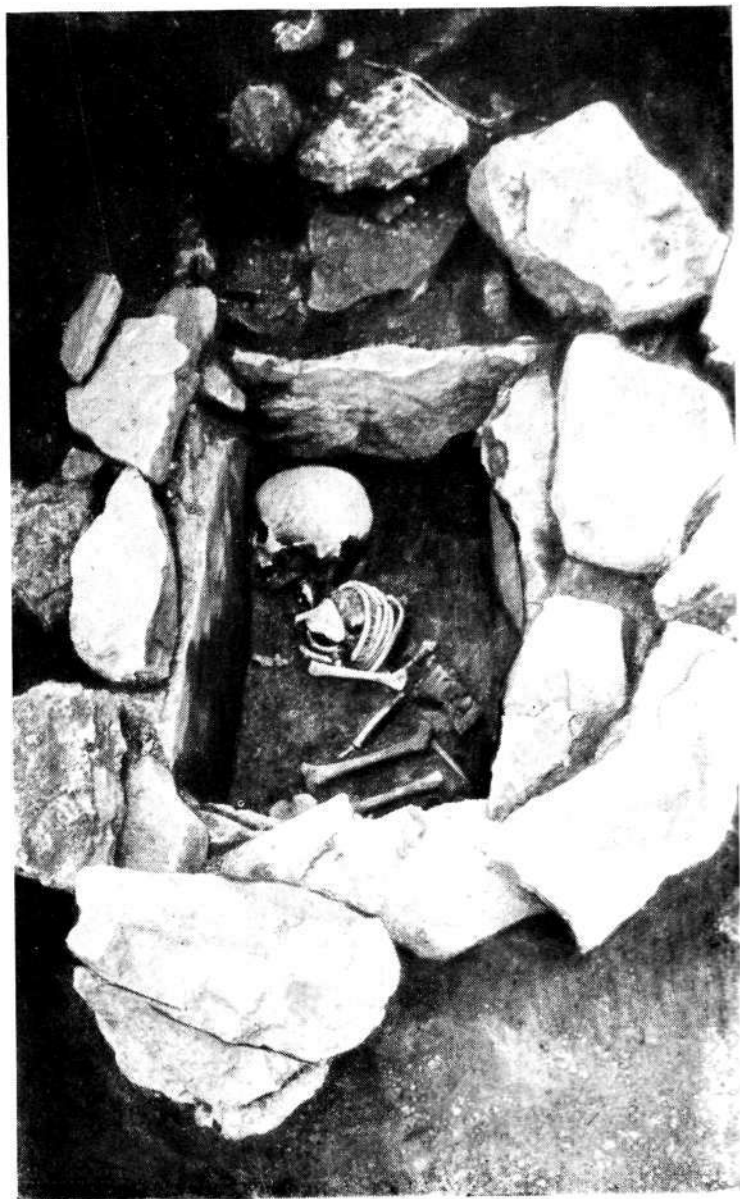
Бронзовая фигурка лошади. Кобанская культура
(из собрания Государственного Эрмитажа)

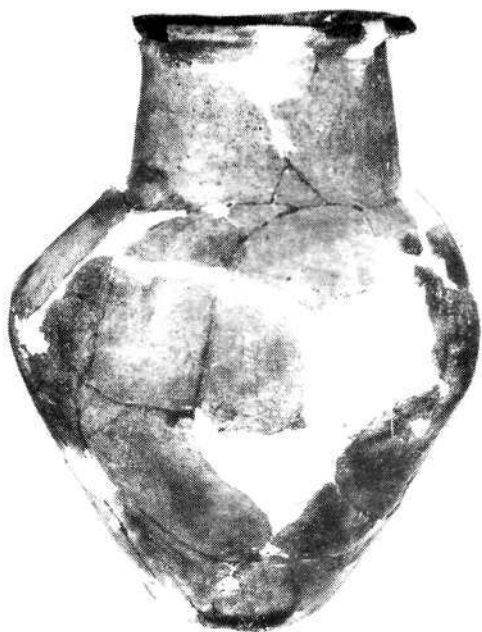
Могильник Удлубаганалы. Серповидный стальной нож
с костяной ручкой, украшенной головками грифонов,
из погребения № 7

Долина Эшкакона — вид на древнекобанское поселение
и могильник Уллубаганалы

Могильник Уллубаганалы. Детское погребение № 19

Могильник Удлубаганалы. Сероглиняная
корчага из богатого женского погребения
№ 11

Могильник Удлубаганалы. Бронзовые ожерелья из женских
погребений

Керамика VI в. до н. э. из позднекобанских погребений. Молчаловки Кир.-Малка и Каменноостровский (рисовки автора 1980 г.)

Дешие горшки, найденные у очага в помещении № 2
Поселение Уллубаганалы

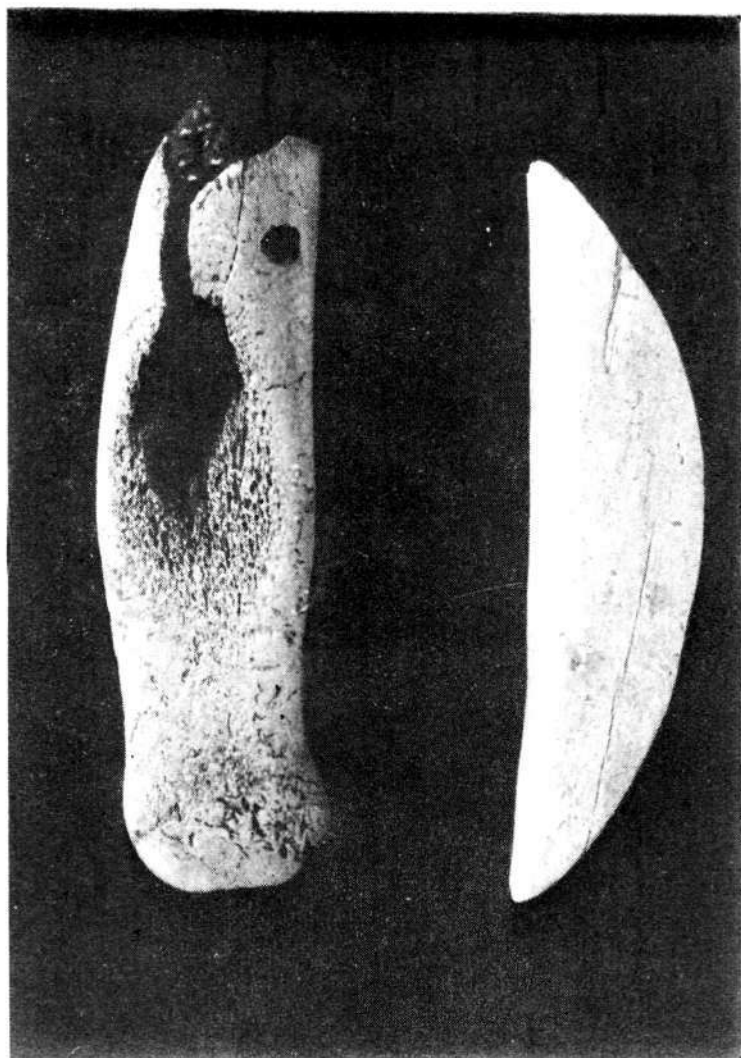
Внешний вид жилища с поселения Уллубаганалы (реконструкция архитектора А. Петуховой)

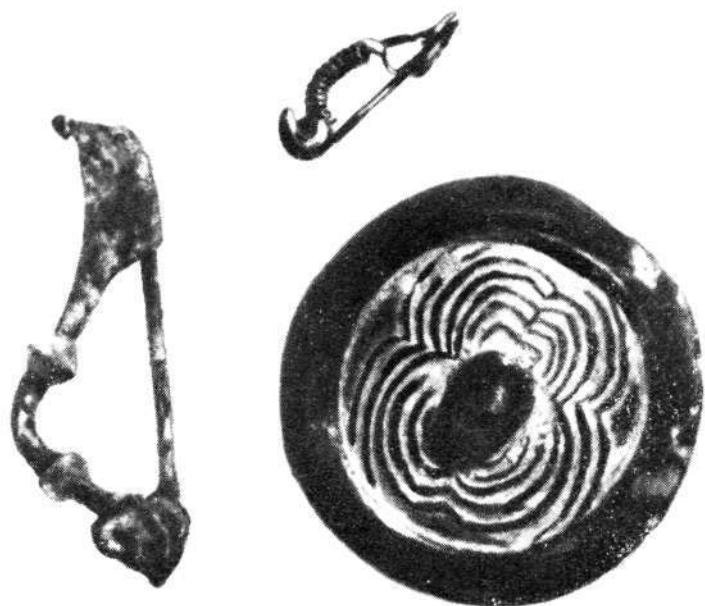
Бронзовые мотыжки из помещения № 5. Поселение Уллубаганалы

Маслобойка (?) из помещения № 2. Поселение Уллубаганалы

Костяная мотыжка и дощело из помещения VI в до н. э. Поселение
Удлубаганалы

Серебряные фибулы и зеркальце из грунтового погребения II—
III вв. н. э. на Кисловодском озере

Лощеная керамика VI-IX вв. н. э. из могильника Мокрая Балка

Кухонный горшок из дромоса катакомбы № 1. Могильник Мокрая Балка

Фibuла и детали поясных наборов из могильника Песчанка
(VIII—IX вв. н. э.)

Чернолощенная керамика восточного локального варианта
аланской культуры

Золотые монеты из катакомб Чми (раскопки автора 1982 г.)
Солид Константина II, солид Практория и Константина
и полусолид Фоки

«Городок мертвых» в Северной Осетии

В эпоху «великого переселения народов» число свешивающихся с пояса ремешков и других поясных украшений (бляшек-накладок и небольших наконечников), так же как и материал, из которого они изготавливались (золото, серебро, инкрустации драгоценными камнями или стеклом), несло определенную смысловую нагрузку [Симокатта, 1957, с. 139; G. Laszlo, 1955, с. 181; Ковалевская, 1969, с. 425—432; Ковалевская, 1970, с. 144—155; Kovalevskaja, 1970, с. 187—191]. Кроме того, многочисленность этого материала (из могильников и коллекций только с территории Центрального Предкавказья происходит около 2000 деталей поясов) позволяет использовать поясные наборы в качестве отправных данных для датировок комплексов, из которых они происходят, и для построения хронологических таблиц. Предложенные на этой основе даты могут быть уточнены по многочисленным аналогиям с широкой территории, охваченной «переселением народов», так же как и по сопоставлению эволюционных рядов для разных типов и вариантов украшений поясной гарнитуры.

Ювелирное производство было развитым: наряду с поясными пряжками, повторяющими византийские и восточные (сибирско-среднеазиатские) образцы, мы можем выявить на Северном Кавказе местные типы, развивающиеся на базе импортных образцов. Это же относится к поясным накладкам и наконечникам. В еще большей мере самобытность местного ремесла (с опорой на местные позднекобанские традиции) проявляется в изготовлении амулетов и зеркал, керамики и оружия, каменных и стеклянных бус и т. д.

Специфика аланской материальной культуры нагляднее всего проявлялась в некоторых типах украшений, в частности в зеркалах и амулетах, обилие которых, разнообразие форм и орнаментации (явно ощутимые при сравнении их с материалами со смежных территорий) свидетельствуют в пользу их производства на месте.

Сравнительное изучение зеркал показало, что, кроме как из Джераховского ущелья, мы не найдем двух экземпляров, отлитых в одной форме; зеркала изготавливались в глиняной (в начале II тысячелетия н. э. — в каменной) форме, на заказ и были, видимо, личными оберегами человека, выполненными в традициях, типичных для аланского ремесла данного периода в целом и для данного района в частности. Тщательность исполнения становится датирующим признаком. Так, зеркала

V в. изготовлены более аккуратно, чем зеркала последующих периодов. Кроме того, несмотря на находки нескольких крупных зеркал в комплексах V в., в целом наблюдается тенденция к увеличению их диаметра на протяжении V—XII вв. Наряду с ними (преимущественно при мужских костяках) на рубеже VII—VIII вв. появляются гладкие или орнаментированные миниатюрные зеркальца-амулеты (диаметром от 1,2 до 3,5 см), в основном характерные для западных территорий Центрального Кавказа.

Картография выделяет излюбленные орнаменты для того или иного района Центрального Предкавказья. Например, часто расположенные радиальные линии более характерны для восточных районов (Чечено-Ингушетия — 31,0%, Северная Осетия — 26,6%), чем для западных (Кавминводы — 13,1%, Кабардино-Балкария — 7,1%). Зеркала, на внешней стороне которых изображались пятиконечная или шестиконечная звезды, типичны для восточных районов, а с ломаной линией (или же с восьмиконечной и многолучевой звездой) — для западных (в районе Кавминвод их около 46%).

Некоторые типы зеркал имеют еще более узкий ареал. Так, зеркала с орнаментом из завитков, выполненных выпуклыми точками, типичны только для комплексов VIII—IX вв. из Дарьяльского ущелья и Чечено-Ингушетии. В некоторых могильниках вообще нет однотипных зеркал (например, в Мокрой Балке), в других случаях разнообразие рисунков сведено к минимуму: в Архоне больше половины зеркал украшено рельефным рисунком в виде шестиконечной звезды. Специфическая особенность аланской культуры — это обилие и разнообразие металлических амулетов (250 экз.). Они имеют лишь небольшое количество аналогий в одновременных им памятниках на территории Евразии, где их появление мы можем рассматривать как результат связей с Кавказом.

На территории Кавказа их истоки уходят в эпоху бронзы и раннего железа, и можно проследить единую линию развития до эпохи раннего средневековья, а подчас и почти до наших дней. Как правило, амулеты оказываются неотъемлемой частью инвентаря женских погребений, исключение составляют амулеты в виде всадников из мужских захоронений.

Амулеты — прекрасный хронологический признак. В комплексах V в. металлические амулеты не обнаруже-

ны (очевидно, для этой цели использовались только бусы, а возможно, и зеркала). В VI—VII вв. выделяются два типа антропоморфных подвесок: подвески (или фибулы) с птичьими головками по краю и крупные кольцевидные подвески с девятью и одиннадцатью утолщениями.

К VIII—IX вв. относится расцвет металлических амулетов, встречается несколько десятков типов солярных, а также изображения коней, всадников, оленей и козлов, человеческих фигурок, вписанных в кольцо, солярно-зооморфных и т. д. Почти нет типов, которые были бы характерны только для одного из вариантов аланской культуры, за исключением одного типа амулетов-всадников, представленного лишь в западном варианте, или колесовидных крупных амулетов с четырьмя тяжами, утолщениями и ушком, присущих памятникам восточного варианта (колесовидные семилучевые амулеты с ушком связаны с западным вариантом, а без ушка — с восточным).

Вместе с тем из этого обширного репертуара в каждом из могильников выбирается определенный (довольно ограниченный) набор. В могильниках, расположенных в 2—4 км друг от друга, он может для одновременных комплексов не повторяться; например, в могильнике у бывшего подсобного хозяйства им. Луначарского найдены амулеты с изображением оседланных коней или всадников, которых нет неподалеку — в могильнике Мокрая Балка; с другой стороны, солярно-лунарные амулеты, широко представленные в могильнике Мокрая Балка (две трети находок), полностью отсутствуют в одновременных могильниках, находящихся от него в непосредственной близости, хотя в целом это один из наиболее распространенных типов амулетов.

Возможно, амулеты как-то связаны с родовой (или фратриальной) принадлежностью (например, род оленя, орла) или же местом в дружинной иерархии. Амулеты в виде взнузданного и оседланного коня или же всадника, находимые по преимуществу в мужских захоронениях, возможно, свидетельствуют о месте данного мужчины в воинской иерархии. Интересно, что к середине IX в. происходит резкое уменьшение разнообразия типов амулетов и их количества. В ряде случаев на смену металлическим амулетам приходят каменные шарики в оковке на цепочке, которые спорадически встречались и раньше, но наряду с другими типами.

Интересные этнографические данные дают нам исследования костюма [Иерусалимская, 1976, с. 22—24]. Аланы восприняли восточные моды — кафтаны с каймой из узорчатого шелка и частично византийские формы одежды — туники, декорированные шелковыми «орбикулами», «таблионами» и «клавами». В конце I тысячелетия н. э. зарождались черты и современного горского костюма типа черкески. Штаны, являвшиеся типично кочевнической одеждой, заправлялись в мягкие сапоги, затянутые у щиколоток тонким ремешком с инкрустированными стеклом накладками и пряжками. Многообразными были и головные уборы — от простых повязок до островерхих шлемообразных башлыков.

Одежда алан была яркой и узорчатой. Достаточно сказать, что полностью сохранившийся кафтан из Мощевой Балки сшит из шелковой ткани, которую в Иране использовали только для одежды шаха. Поэтому материалы этого рода свидетельствуют о характере и ориентации торговли северокавказских алан. Если до самого последнего времени мы судили о ней лишь по отдельным импортным предметам — пиршественной посуде (находки которой на Кавказе очень редки, например сасанидский кубок из Усрдона), металлической и стеклянной (кубки, рюмки, бутылки, флаконы), отдельным предметам и украшениям (византийские монеты, медальон и пряжки, сирийская туалетная коробочка слоновой кости с резьбой), то сейчас можно привлечь такой массовый материал, как бусы [Деопик, 1959; 1961; 1965], сасанидские геммы [Луконин, 1974] и, главное, ткани [Иерусалимская, 1967].

На основании данных об импорте бус и шелков как, с одной стороны, из Индии, Китая и Средней Азии, так, с другой стороны, из Сирии четко рисуется кавказский отрезок Великого шелкового пути. По нему через Северный Кавказ, в частности через перевалы, ведущие к верховьям Кубани, шли, зачастую оседая в руках владельцев перевалов в виде пошлины, даров, платы за проводников и коней, византийские монеты, шелка (византийские, сирийские, египетские, сасанидские, согдийские и китайские), стеклянные сосуды (Египет, Финикия), мозаичные бусы (Александрия), некоторые типы стеклянных и каменных бус (Индия), китайские картины на шелке, модные одежды (не только ткани, но фасоны, характер узорной каймы и обшивки). Другим путем, через перевалы, находящиеся под контролем Ира-

на, попадали в Центральное Предкавказье сасанидские геммы (основная их часть происходит из Северной Осетии); сердоликовые бусы (часть с росписью), серебряная посуда и монеты, стеклянные перстни грузинского производства и посуда, отдельные глиняные сосуды из Закавказья. Таким образом, различное направление торговых связей для западной и восточной групп алан, выявленное ранее А. А. Иессеном [Иессен, 1941, с. 27], получило в последнее время подкрепление на массовом материале.

Выше, при описании различных категорий инвентаря, мы неоднократно убеждались, что не только те или другие вещи, но и отдельные их особенности — например, типы орнамента на зеркалах, форма язычка пряжки, такие ее конструктивные детали, как способ соединения рамки со щитком, форма ручки или место ее крепления у кувшинов и т. д. — являются определенным хронологическим признаком, часто наиболее чутко реагирующим на какие-то изменения в моде и производстве и поэтому являющимся тонким инструментом датирования. Но все же типы и признаки вещей могут существовать десятилетиями и даже веками, а наша задача заключается в том, чтобы прийти к максимально узким датам.

Базой для построения хронологической шкалы в пределах определенного могильника становятся все погребения, упорядоченные на основании взаимного сочетания в них всех обнаруженных предметов (в настоящее время уже существует целый арсенал средств, начиная от приемов ручного упорядочения комплексов до алгоритмов для ЭВМ) для проведения этой работы. Стратиграфия (вернее, планиграфия) могильника подтверждает и проверяет предлагаемые исследователем даты.

Гарантией правильности предлагаемого упорядочения становится выполнение ряда условий. Для этого необходимо:

1) проследить эволюцию предметов, при этом сопоставить между собой не отдельные предметы, а их эволюционные ряды;

2) обратить внимание на изменение количественного соотношения тех или иных массовых находок (например, изменение процента каменных и стеклянных бус, разных типов керамики и т. д.);

3) выбрать такое расположение типов вещей, чтобы оно отражало их временную последовательность.

Выполнение этих условий является доказательством того, что предложенная нами типология и упорядочение комплексов на временной оси правильны.

Следующим шагом должно быть внесение опорных абсолютных дат в конструкцию относительной хронологии, для того чтобы получить даты всех ее звеньев.

В тех случаях, когда в погребении находят монеты, точная дата чеканки которых известна, определение абсолютной даты комплекса на первый взгляд представляется достаточно легкой задачей, однако для исследуемого нами периода на Кавказе положение иное, поскольку монеты здесь, как правило, использовались в качестве украшений, о чем свидетельствует то, что все они имеют пробитые отверстия для подвешивания или нашивания. Если обратиться к таблице упорядоченных комплексов могильника Чми, где выдерживаются все три условия (прослежены эволюционные ряды, измененные процента и смена типов), то в находках монет мы наблюдаем естественную закономерность: в более ранних комплексах найдены более ранние монеты, в более поздних — более поздние. Однако этого явно недостаточно для определения абсолютных дат.

Наличие монеты лишь гарантирует от неоправданного удревления памятника — отнесения его ко времени ранее момента ее чеканки. Но предложить, к примеру, дату «не ранее VI в.» — еще не значит точно датировать комплекс, так как нам для этого необходимо знать, какой допуск нужно иметь в виду в каждом конкретном случае. К сожалению, у нас, как правило, нет и тех опорных дат, которые на западноевропейском материале можно получить при сопоставлении свидетельств письменных источников с археологическими (даты захвата тех или иных крепостей, переселения больших масс населения и т. д.). Выше мы осуществили подобный опыт по соотношению письменных данных о вожде западных алан Сарозии, деятельность которого приходилась на третью четверть VI в., с фактом появления в это время системы крепостей и соответствующих им катакомбных могильников в окрестностях Кисловодска, верховьях Кубани и западной части Кабардино-Балкарии. Это предположение позволит нам иметь опорную дату для построения хронологической шкалы Байтал-Чапкана и Мокрой Балки, тем более что поздние даты определить легче сравнением с материалом салтово-маяцкой культуры бассейнов Дона и Северского Донца.

Создание единой системы для всего Северного Кавказа, где с максимально возможной полнотой учтены как все категории вещей, детально классифицированные по единой системе, так и количество комплексов, должно явиться основанием для построения хронологии древностей раннесредневекового Предкавказья. Но для этого сначала должна быть произведена детальная классификация всего материала, затем на этой базе упорядочены комплексы внутри каждого из могильников, а лишь после этого могут быть сопоставлены между собой выявляемые частные хронологические колонки. Для интересующих нас памятников такая задача в полной мере еще не осуществлена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аланы и тюрки

Очень важно понимать, что сначала приходит опыт, а уже потом — размышления над ним.

Р. Дж. Коллингвуд

Автору данной книги хотелось сделать понятным для непосвященного читателя течение истории населения Центрального Предкавказья на протяжении двух тысяч лет и при этом не слишком упростить проблему, придав ей неоправданную четкость, которая подчас рождается из поверхностного взгляда «с птичьего полета». Нерешенных вопросов, и частных и общих, еще очень много, но не в этом ли притягательная сила занятий в этой области?

Современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися ко многим языковым группам, с присущими каждому из этносов этнографическими особенностями. Они прошли разный путь, но их объединяет не только соседство, связь глубже, она внутренняя, и корни ее уходят в «доисторические» времена.

Этот общий знаменатель (он же кавказский субстрат-подоснова) мы вычленим у современных народов в их облике, материальной и духовной культуре, по языку и нартскому эпосу, по особенностям домостроительства или зооморфной пластики, по кавкасионскому антропологическому типу и характеру погребальных сооружений, по орнаментации керамики и древним культам. Именно в этом коренится родство между ираноязычным осетином и вейнахоязычным ингушем, представителем кавказской семьи языков — сваном и тюркоязычным балкарцем или карачаевцем.

Проблема этнокультурных отношений ираноязычных алан с тюрками, поднятая еще авторами середины I тысячелетия н. э., — это животрепещущая до сих пор тема.

Много раз во время наших экспедиционных работ в горах Кавказа, в карачаевских юртах и кошах альпийских пастбищ на Эшкаконе или в Элькуше завязывались оживленные беседы о времени появления тюрко-

язычных народов на Кавказе. И каждый раз меня поражали живой интерес и глубокое знание всех сложных дискуссионных работ на эту тему моими собеседниками, молоды ли они были или стары, водили ли всю жизнь отары и табуны в горах или работали председателем колхоза или школьным учителем. Некоторые из таких бесед никогда не уйдут из моей памяти.

Лет десять назад наша экспедиция впервые попала в горный аул Хасаут, известный каждому кавказоведу по скальным катакомбам, обнаруженным М. М. Ковалевским в 80-е годы прошлого века. Меньше всего мы ожидали встретить там современника этих работ. Когда мы стали выяснять у жителей, что им известно о местных древностях (над аулом высятся две неприступные раннесредневековые крепости, где сейчас пасутся козы), то они в один голос советовали нам обратиться к Ибрагиму Джанибекову, который, по их словам, знал это лучше всех. Заведующий магазином Ханафи Балуров тут же закрыл его и отправился с нами в качестве переводчика. Мы подошли к каменному двухэтажному старому дому и вскоре оказались в прохладной комнате, нас представили седобородому старцу. Он лежал на постели на фоне прекрасного старого ковра, на котором висело оружие. Перед нами поставили пиалы с айраном и сливками, и начался неторопливый разговор. Хозяину дома было сто два года. Он оказался сыном проводника и переводчика генерала Ермолова, умершего в возрасте 135 лет. Ибрагим Джанибеков родился, когда его отцу было уже около 80 лет. Вот уже два года, как нашему хозяину отказали ноги, и он сетовал, что не может отвести нас и показать местные достопримечательности сам. У него была замечательная память, он рассказывал о своих бесчисленных путешествиях: о том, что и он, как и его отец, был проводником и знал много языков, хотя сейчас в основном говорил по-карачаевски; о тропах через Малку и перевалах в Закавказье; об охотах и «древних пещерах с большими черными кувшинами, саблями и другими вещами». Подростком принимал участие в раскопках, проводимых М. М. Ковалевским. Ибрагим Джанибеков сказал, что крепость над нынешней фермой — одна из наиболее крупных, и указал на ряд нетронутых пещер; правда, гарантией их непотревоженности оказалась неприступность: без специального альпинистского снаряжения нечего было и думать добраться до них.

Каждый год нас тянуло в этот опустевший, почти без зелени высокогорный каменный аул с руинами старой мечети, лежащий под защитой древних крепостей. Почтенный старец оставался таким же, со светлым одухотворенным лицом, погруженным в свои, неизвестные нам думы, из которых, казалось, ему все труднее и труднее было возвращаться. Каждому входящему он искренне желал добра и здоровья.

Интересно, когда, в каком качестве и где появились впервые тюрки в предгорьях и горах Кавказа и в каких отношениях они были с аланами, каков удельный вес местного горского компонента в сложении культуры современных тюркоязычных кавказцев. Для того чтобы ответить на эти вопросы, следует выделить несколько аспектов: антропологический — позволяющий оценить, с какими народами у карачаевцев, балкарцев и осетин существует наибольшая близость по всем физическим показателям, сравнить их с западными (адыги), южными (сваны), восточными (чеченцы, ингуши) соседями; языковой — определяющий, к какой группе тюркских языков относится карачаево-балкарский язык, каков его генезис, какие лингвистические сходжения наблюдаются в нем, с какими языками и к какому времени исследователи приурочивают эти связи, и выяснить, что дает ономастика, топонимика, этнонимика. Каковы археологические и этнографические данные и наблюдения относительно их происхождения? И, наконец, как можно согласовать все эти материалы со сведениями письменных источников? Разумеется, только системный комплексный подход позволит подойти к решению этой сложной темы.

Начнем с антропологических данных. Конечно, история человечества — это не просто цепочка биологических предков, идущая от древности до наших дней, хотя документировать все ее звенья для нас весьма важно. Рассмотрим этот вопрос ретроспективно. Современные балкарцы, карачаевцы и осетины относятся к кавкасионскому антропологическому типу [Алексеев, 1974]. Не заглядывая слишком далеко вглубь — в эпоху каменного века, сошлемся на мнение В. П. Алексеева, что комплекс присущих этому типу морфологических особенностей существует в горах Центрального Кавказа по меньшей мере уже 3000 лет, то есть восходит ко времени кобанской культуры [Алексеев, 1974, с. 138]. Недалом, когда при раскопках кобанского могильника мы спросили нашего антрополога Г. П. Романову о том, как

выглядели те, чьи могилы мы вскрываем, она ответила: «Высокие, стройные, с длинными ногами и руками, с выступающим носом», — и тут же добавила: — «Чтобы легче было представить, посмотрите на нашего чабана» (рядом с базой экспедиции жили пастухи-карачаевцы). Именно кавказский «субстрат» антропологически сближает балкарцев со сванами, карачаевцев с осетинами. Он сыграл решающую роль в создании их современного антропологического типа. Аланы, черепа которых из катакомбных могильников были изучены рядом исследователей, узколицы, длинноголовые южные европеоиды, заметно отличались от более широколицего, матуризованного и круглоголового типа местного населения [Алексеев, 1974, с. 113] того же времени, так же как и от современных осетин — самых прямых их потомков по языку.

Очевидно, в горах Кавказа работал фактор «психологического стереотипа», когда при заключении браков отдавалось предпочтение людям именно того внешнего облика, который проявлялся в кавказском типе и был глубоко традиционен для этих мест [Алексеев, 1974, с. 124]. Желание сохранить свой генотип проявляется в почти полном отсутствии смешанных браков среди карачаевцев и балкарцев и в наши дни.

Интересно, что монголоидность в палеоантропологическом материале появляется в эпоху раннего средневековья в Дагестане [Алексеев, 1974, с. 29—30, 105], тогда как в северокавказских степях (возможно, за счет малочисленности находок) и на территории Черкесии документируется лишь с середины II тысячелетия [Алексеев, 1974, с. 206].

Известно, что аланы и осетины ираноязычны, карачаевцы и балкарцы тюркоязычны, язык последних относится к кипчакской группе. Языковые сходства осетинского и балкарско-карачаевского языков (около 200 слов), по мнению крупнейшего специалиста в этой области В. И. Абаева, — «наследие старого аланско-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани» [Абаев, 1949, с. 275], относимого им к эпохе раннего средневековья. Еще В. Ф. Миллер обратил внимание на ираноязычные топонимы верховьев Кубани, далее этот материал был расширен В. И. Абаевым, данные по этнонимике и ономастике привели В. А. Кузнецова, неоднократно обращавшегося к этой теме, к следующему вы-

сказыванию, с которым нельзя не согласиться: «Данные археологии, языкознания и письменных исторических источников не оставляют сомнений в том, что ираноязычное аланское население в эпоху раннего средневековья жило в верховьях Кубани и на территории Балкарии» [Кузнецов, 1974, с. 84].

Тем не менее окончательное слово остается все-таки за археологией. Только с ее помощью можно конкретизировать процесс постепенной языковой ассимиляции местного горского населения (при его биологическом преобладании) ираноязычными пришельцами аланами; ответить на вопросы, как, когда и в какой форме происходит проникновение тюрков в аланскую среду. Мы знаем о сооружении монументальной крепости Хумара с тюркскими руническими надписями на блоках стен VIII в., уже шла речь о том, как археологические работы автора выявили на аланской крепости «Указатель» смену аланского строительного горизонта тюркским, скорее всего болгарским: постройки предшествующего периода разрушены, сровнены с землей, перекрыты камнем, и на этой каменной площадке за крепостными стенами предшествующего археологического периода встала юрта, небольшая, очевидно, вся обвешанная изнутри шелковыми тканями и коврами; центральное положение в крепости, сам факт ее существования должны были продемонстрировать силу завоевателей. Мы не можем четко датировать эти события — скорее всего это конец VII — начало VIII в., время враждебных отношений алан с Хазарским каганатом и арабо-хазарских войн.

Долгое время эти исторические события документировал другой археологический факт — находки глиняных лепных котлов с внутренними ушками на поселениях в районе Кисловодска [Кузнецов, 1961; 1964; 1974]. В. А. Кузнецов обнаружил их при поверхностных сборах и шурфовках и предложил типологию глиняных котлов на основании конфигурации внутренних ушек. Этот материал он датировал по аналогии с котлами салтовомаяцкой культуры VIII—IX вв. и принял их болгарскую принадлежность. С момента первого обнаружения котлов на Кавказе многое изменилось, поэтому далеко идущие выводы, как указывал и сам автор, преждевременны и неверны [Кузнецов, 1974]. Тщательный анализ котлов, произведенный С. А. Плетневой, показал, что этот тип посуды возник лишь на рубеже IX—X вв., причем лепные котлы появились позднее гончарных. Вопрос о

глиняных котлах на Северном Кавказе хотя и связан с темой вклада тюркоязычных народов в аланскую культуру, но хронологически это явление относится не ко времени появления на Северном Кавказе в VIII—IX вв. болгар, а ко времени проникновения печенегов и половцев в северокавказские степи.

Среди вещей из катакомбных погребений VIII—IX вв. в районе Кавказских Минеральных Вод в трех случаях нами найдены обычные глиняные аланские лощеные сосудики с процарапанными тюркскими рунами (правда, необычно то, что они использовались как тамги, по одному знаку, а не в виде надписей); в нескольких комплексах обнаружены бронзовые поясные наборы или пряжки, аналогии которым происходят из сибирских памятников. Эти, хотя и единичные, вещи документируют связи (или непосредственное проникновение) тюрков с территорией Пятигорья в VIII—IX вв.

Более ранние (VII—VIII вв.) связи с тюркским миром лучше документированы для Северо-Западного Кавказа (Среднее Прикубанье) и Северо-Восточного Кавказа (Дагестан), где нами выделен набор посуды, который может быть связан с болгарами: кубышки, горшочки с линейным и линейно-волнистым орнаментом, малое количество керамики в погребениях [см. Ковалевская, 1981]. В Центральном Предкавказье с болгарами связывают грунтовые могилы с заплечиками, раскопанные Е. И. Крупновым в Кешенэ-Алы (Балкария). Можно предположить, что находки металлических гривен связаны с болгарами, двухпластинчатые фибулы тоже чаще происходят из болгарских погребений.

Как мы уже говорили, определенное отношение к данной теме имеет вопрос о скальных захоронениях на Кавказе, ареал которых ограничен Урупом на западе и Чечено-Ингушетией на востоке, притом что их основная масса приходится на Верхнее Прикубанье и долину Подкумка. Введя эту категорию погребальных памятников в научный оборот, Т. М. Минаева [Минаева, 1965; 1971] выдвинула положение об их аланской принадлежности, связав их с грунтовыми катакомбами, причем в дальнейшем это положение никем не оспаривалось. На самом деле скальные захоронения могут быть разбиты на ряд типов, из которых часть оказывается по конструктивным деталям близкой к земляным катакомбам, а часть — к подземным и полуподземным каменным склепам.

По мере увеличения находок дата уточняется, но не

углубляется. Бесспорно то, что они функционировали с VIII в., в частности во второй его половине (возможно, с рубежа VII—VIII вв.); в то же время за последние годы медленно, но верно растет число классических катакомбных могильников VI—VII вв. на верхней Кубани. Пока нельзя сказать ничего определенного об этнической принадлежности населения, оставившего скальные могильники, нужны раскопки близлежащих поселений, но сейчас можно предположить, что в них погребали своих умерших не только (а может, и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно болгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна. Но это тема, требующая дальнейшего исследования, в частности расширенных полевых работ.

Новые раскопки или новый подход к материалу, тщательный анализ мелочей или взгляд сверху на всю панораму способствуют тому, что каждый год вносит свою лепту в углубление и конкретизацию наших представлений на эту тему. Следует сказать, что каждая из маленьких главок данной работы может стать темой большого специального исследования, а в предложенном кратком виде отражает лишь состояние рассматриваемой проблемы в науке. Охватить же все многообразие точек зрения, пересекающихся, дополняющих (или отвергающих) друг друга, нам не представляется возможным. Если автору удалось протянуть лишь слабую нить от читателя, который, возможно, ставит совсем другие вопросы и ждет иных ответов, к многочисленным и очень разным исследованиям, упоминавшимся в этой работе, то он будет считать свою задачу выполненной. Хотелось бы вновь обратиться к тому, с чего начиналась книга: собраны «с обширнейших лугов лишь немногие цветы» (Иордан), но этих цветов в мире так много, что каждый «в меру ума своего» может, собирая их, сплести венки и гирлянды, оценив присущие им красоту и внутреннюю гармонию, разнообразие и закономерность сочетаний:

Если о чем-нибудь сказано мало, а ты сам, живущий в соседстве с (описываемым) племенем, припоминаешь больше, сделай свои дополнения.

Иордан

- Абаев, 1949.— Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л., 1949.
- Абаев, 1958.— Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, 1958; Т. II. М.—Л., 1973; Т. III. Л., 1979.
- Абегян, 1948.— Абегян М. История древнеармянской литературы. Ер., 1948.
- Абрамова, 1972.— Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
- Абрамова, 1974.— Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры.— Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Абрамова, 1975.— Абрамова М. П. Катакомбные погребения IV—V вв. из Северной Осетии.— СА. 1975, № 1.
- Абрамова, 1978.— Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.— СА. 1978, № 1.
- Абрамова, Магомедов, 1980.— Абрамова М. П., Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андреяульского городища.— Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Агафий, 1953.— Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953.
- Алексеев, 1974.— Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Крайнологическое исследование. М., 1974.
- Алексеева, 1970.— Алексеева Е. М. Классификация античных бус.— Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Алексеева, 1975.— Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
- Алексеева, 1949.— Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа.— «Ученые записки ЛГУ, № 85. Серия исторических наук». Вып. 13. Л., 1949.
- Алексеева, 1955.— Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии.— КСИИМК. Вып. 60, 1955.
- Алексеева, 1963.— Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
- Алексеева, 1971.— Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
- Алексеева, 1976.— Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
- Алиев, 1971.— Алиев И. Сармато-аланы на пути в Ирак.— ИИГК. М., 1971.
- Амброз, 1966.— Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1966.
- Амброз, 1971.— Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хро-

- нологии Восточной Европы.—СА. № 2 (I); СА, № 3 (II). М., 1971.
- Амброз, 1981.—Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в.—Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Аммиан Марцеллин, 1906—1908.—Аммиан Марцеллин. История. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.
- Андроникашвили, 1966.—Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тб., 1966 (на груз. яз.).
- Антонова, 1980.—Антонова Е. В. О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии.—СА. 1980, № 4.
- Антонович, 1882.—Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879.—«Труды предварительных комитетов V Археологического съезда в Тифлисе». Т. I. М., 1882.
- Артамонов, 1949.—Артамонов М. И. К вопросу об этногенезе в советской археологии.—КСИИМК. XXIX. М., 1949.
- Артамонов, 1962.—Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонов, 1969.—Артамонов М. И. Этнос и археология.—Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
- Артамонов, 1971.—Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос.—Проблемы истории феодальной России (сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина). 1971.
- Арутюнов, Хазанов, 1978.—Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
- Арциховский, 1927.—Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1927.
- Асанов, 1976.—Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX—40-е годы XX в.). Нальчик, 1976.
- Атаев, 1963.—Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- Афанасьев, 1974.—Афанасьев Г. Е. Хронологические рамки могильника Мокрая Балка (тезисы докладов IV Крупновских чтений). Орджоникидзе, 1974.
- Афанасьев, Рунич, 1976.—Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Минераловодский могильник VI—V вв. до н. э.—«Известия ЮОНИИ АН Груз. ССР». Вып. XX, 1976.
- Батчаев, 1973.—Батчаев В. М. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа (автор. реф. канд. дис.). М., 1973.
- Бгажба, Воронов, 1980.—Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.
- Бернштейн, 1960.—Бернштейн Э. Б. Народная архитектура балкарского жилища.—Происхождение балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
- Бетров, 1980.—Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гунского времени у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии.—Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Бобин, 1958.—Бобин В. В. Могильник и поселение VII—VI вв. до н. э. на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске.—«Труды Крымского медицинского института, кафедра нормальной анатомии». Т. XIX. Симферополь, 1958.

- Брайчевски, 1965.—Брайчевски Г. Теоретичні основи дослідження етногенезу. УИЖ. 2. Киев, 1965.
- Брюсов, 1952.—Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Брюсов, 1958.—Брюсов А. Я. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР.—СА. 1958, № 4.
- Бунятян, 1982.—Бунятян Е. П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников.—Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.
- Виленкин, 1955.—Виленкин В. Л. По Центральному Кавказу и Западному Закавказью. М., 1955.
- Быковский, 1931.—Быковский С. Н. В. И. Ленин и основные проблемы истории доклассового общества (Методика исторического исследования). Л., 1931.
- Виноградов, 1963.—Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.—Труды ЧИНИИ. Т. VI. Грозный, 1963.
- Виноградов, Рунич, 1969.—Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа.—«Археолого-этнографический сборник». Т. III. Грозный, 1969.
- Виноградов, 1972.—Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.
- Виноградов, 1974.—Виноградов В. Б. Аланы в Европе.—ВИ. М., 1974, № 8.
- Виноградов, Рунич, Михайлов, 1976.—Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.—«Археолого-этнографический сборник». Т. IV. Грозный, 1976.
- Виноградов, 1976.—Виноградов В. Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования (историографический обзор).—«Известия СКНЦВШ. Сер. общественных наук», № 4. Ростов-на-Дону, 1976.
- Воронин, 1981.—Воронин Ю. А. Теория классифицирования: надежды и действительность. Новосибирск, 1981.
- Воронов, 1975.—Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
- Гаглойти, 1966.—Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тб., 1966.
- Гамрекели, 1961.—Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н.э. Тб., 1961.
- Гадло, 1979.—Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
- Гевонд Вардапет, 1862.—Гевонд Вардапет. История халифов. СПб., 1862.
- Генинг, 1973.—Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.—СА. 1973, № 1.
- Генинг, Борзунов, 1975.—Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда.—ВАУ. Вып. 13. М., 1975.
- Георгика, 1936.—Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. Тб., 1936 (на груз. яз.).
- Гердер, 1977.—Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гиджрати, 1980.—Гиджрати Н. И. Об одном из возможных пу-

- тей конкретно-исторического подхода к первобытной археологии.— Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- Городцов, 1925.— Городцов В. А. Археологическая классификация. М.— Л., 1925.
- Городцов, 1927.— Городцов В. А. Типологический метод в археологии. Общество исследователей Рязанского края (серия методическая). Вып. VI. Рязань, 1927.
- Грязнов, 1969.— Грязнов М. П. Классификация, тип, культура.— Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
- Гумилев, 1959.— Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь тюрко-туغو.— СА. 1959, № 1.
- Гумилев, 1960(I).— Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев, 1960(II).— Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов.— ВДИ. 1960, № 4.
- Гумилев, 1962.— Гумилев Л. Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль.— «Сообщения Гос. Эрмитажа». XX, 1962.
- Гумилев, 1967.— Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1968.— Гумилев Л. Н. Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников Евразии.— Studien zur Geschichte und Philosophie des altertums. Budapest, 1968.
- Деоник (Ковалевская), 1959(I).— Деоник (Ковалевская) В. Б. Северокавказские аланы. Очерки истории СССР III—IX вв., 1959.
- Деоник, 1959(II).— Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв.— СА. 1959, № 3.
- Деоник, 1961(I).— Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.— СА. 1961, № 3.
- Деоник (Ковалевская), 1961(II).— Деоник (Ковалевская) В. Б. Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа как исторический источник (автореф. канд. дис.). М., 1961.
- Деоник, 1961(III).— Деоник В. Б. Змейское средневековое селище.— МАДИСО. I. Орджоникидзе, 1961.
- Деоник, 1963.— Деоник В. Б. Хронология и классификация украшений VI—IX вв. (по материалам могильника северокавказских алан в Чми).— МИА, № 114. М., 1963.
- Деоник, Крупнов, 1961.— Деоник Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры.— МАДИСО. I. Орджоникидзе, 1961.
- Деоник, Карапетьянц, 1970.— Деоник Д. В., Карапетьянц А. М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа.— Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Джавахишвили, 1945.— Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература. Тб., 1945 (на груз. яз.).
- Джандиери, 1981.— Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище.— ВДИ. 1981, № 1.
- Дьяконов, 1981.— Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»).— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- Дюмезиль, 1976.— Дюмезиль М. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Егоров, 1956.— Егоров Н. М. Могильник у реки Эшкакон.— КСИ-ИМК. Вып. 64, 1956.

- Жуков, 1929.— Жуков В. С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп.— Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.
- Засецкая, 1968.— Засецкая И. П. О хронологии погребений эпохи «переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА. 1968, № 2.
- Засецкая, 1971(I).— Засецкая И. П. Особенности погребального обряда на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в гуннскую эпоху.— АС. Вып. XIII. Л., 1971.
- Засецкая, 1971(II).— Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях, конец IV— первая половина V в. н.э. (по археологическим данным) (автбрэф. канд. дис.). Л., 1971(II).
- Засецкая, 1975.— Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая, 1978.— Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса).— СА. 1978, № 1.
- Засецкая, 1979.— Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей.— КСИА. Вып. 158. М., 1979.
- Захарук, 1964.— Захарук Ю. Н. Проблемы археологической культуры.— «Археология». XVII. Київ, 1964.
- Иерусалимская, 1967.— Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье.— СА. 1967, № 2.
- Иерусалимская, 1972.— Иерусалимская А. А. Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972.
- Иерусалимская, 1976.— Иерусалимская А. А. Одежда ранне-средневекового населения предгорий Северного Кавказа (по материалам могильника VIII—IX вв. Мощевая Балка (тезисы VI Крупновских чтений в Краснодаре). М., 1976.
- Иессен, Пиотровский, 1940.— Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник.— Археологические экспедиции Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1940.
- Иессен, 1941.— Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, № 3. М.— Л., 1941.
- Каменецкий, 1963.— Каменецкий И. С. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— Методы естественных и технических наук в археологии (тезисы докладов). М., 1963.
- Каменецкий, 1970.— Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА. 1970, № 2.
- Каменецкий, Маршак, Шер, 1975.— Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
- Каменецкий, 1978.— Каменецкий И. С. Искусственные и естественные классификации в археологии.— Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
- Картлис Цховреба, 1955.— «Картлис Цховреба». Тб., 1955.
- Квирквелия, 1981.— Квирквелия О. Р. Краткий обзор советской литературы по вопросам применения статистико-математических методов исследования в археологии.— Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
- Керефов, 1975.— Керефов Б. М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время (авторэф. канд. дис.). М., 1975.
- Кипарисов, 1933.— Кипарисов Ф. В. Исторический источник.— СГАИМК. Вып. 100. Из истории докапиталистических формаций. М.— Л., 1933.

- Клейн, 1970.—Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры.—СА. 1970, № 2.
- Клейн, 1979.—Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии.—Типы в культуре. Л., 1979.
- Кобычев, 1968.—Кобычев В. П. Города, селения, жилища.—Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
- Кобычев, 1982.—Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.
- Ковалевская, 1970(I).—Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы.—Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Ковалевская, 1970(II).—Ковалевская В. Б. Центр анализа археологических источников во Франции САДА, Марсель.—Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Ковалевская, 1970(III).—Ковалевская В. Б. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала.—СА (совместно с И. Б. Погожевым и А. П. Погожевой). 1970, № 3.
- Ковалевская, 1971.—Ковалевская В. Б. Вопросы датировки памятников Северного Кавказа IV—IX вв.—ТД СПИПАИ. 1970. Археологические секции. Тб., 1971.
- Ковалевская, 1975(I).—Ковалевская В. Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели.—«Известия Академии наук Груз. ССР. Мацнэ. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства». 1975, № 3.
- Ковалевская, 1975(II).—Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе.—V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Ковалевская, 1976(I).—Ковалевская В. Б. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе.—СА. 1976, № 2.
- Ковалевская, 1976(II).—Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии.—АО, 1975. М., 1976, с. 125—126.
- Ковалевская, 1977(I).—Ковалевская В. Б. Конь и всадник, пути и судьбы. М., 1977.
- Ковалевская, 1977(II).—Ковалевская В. Б. О работе Средневекового отряда Ставропольской экспедиции.—АО, 1976, М., 1977.
- Ковалевская, 1978(I).—Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа.—Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Ковалевская, 1978(II).—Ковалевская В. Б. Анализ погребальных сооружений эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе.—VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
- Ковалевская, 1979(I).—Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.—САИ. Вып. Е1—2. М., 1979.
- Ковалевская, 1979(II).—Ковалевская В. Б. Хронология аланских катакомб VI—IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей.—КСИА. Вып. 158. М., 1979.
- Ковалевская, 1979(III).—Ковалевская В. Б. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии.—IX Крупновские чтения (тезисы). Элиста, 1979.
- Ковалевская, 1980.—Ковалевская В. Б. Некоторые методиче-

- ские вопросы подхода к абсолютному и относительному датированию (по материалам древних и средневековых могильников Северного Кавказа).— X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
- Ковалевская, 1981.— Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. Преслав—Плиска. Т. II. София, 1981.
- Ковалевская, 1981.— Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье. Северо-Западный Кавказ.— Стелы Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1981.
- Ковалевская, 1945.— Ковалевская С. В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945.
- Козенкова, 1977.— Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977.
- Козенкова, 1981.— Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры.— СА. 1981, № 3.
- Коллингвуд, 1980.— Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кропоткин, 1967.— Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967.
- Крупнов, 1953.— Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа.— Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
- Крупнов, 1957.— Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА. 1957, № 1.
- Крупнов 1960.— Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов, 1969.— Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА. 1969, № 1.
- Кузнецов, Пудовин, 1961.— Кузнецов В. А., Пудовин В. Н. Аланы в Западной Европе в эпоху великого переселения народов.— СА. 1961, № 2.
- Кузнецов, 1961.— Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии в районе Кисловодска.— Сб. статей по истории Кабарды. Т. IX. Нальчик, 1961.
- Кузнецов, 1962.— Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА. № 106. М., 1962.
- Кузнецов, 1964.— Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа.— КСИА. Вып. 99, 1964.
- Кузнецов, 1973.— Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках.— СА. 1973, № 2.
- Кузнецов, 1974.— Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа).— Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.
- Кулаковский, 1898.— Кулаковский Ю. А. Христианство у алан.— «Византийский временник». Т. V. Вып. 1 и 2. 1898.
- Кун, 1975.— Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Лебедев, 1979.— Лебедев Г. С. Структурная типология погребального ритуала (по материалам Скандинавии эпохи викингов) (тезисы докладов). М., 1979.
- Левин, Чебоксаров, 1965.— Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса).— СЭ. 1979, № 4.
- Литвинский, 1973.— Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.

- Львмтатидзе, 1961.—Львмтатидзе Г. А. Выступление на заключительном заседании сессии по археологии Дагестана в мае 1959 г.—МАД, Т. II. Махачкала, 1961.
- Марковин, 1960.—Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.
- Марковин, 1974.—Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.
- Марковин, 1980.—Марковин В. И. Рец. на: Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант.—СА. 1980, № 1.
- Маршак, 1965.—Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов). М.—Л., 1965.
- Маршак, 1970.—Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв.—Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Медведев, 1966.—Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.
- Меликишвили, 1959.—Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
- Мелконян, 1976.—Мелконян Э. Л. Проблема типологического обобщения в археологии и этнографии.—Историзм в археологии. М., 1976.
- Мизиев, 1973.—Мизиев И. И. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев.—Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Милованов, Иерусалимская, 1976.—Милованов О., Иерусалимская А. Лук из Мощевой Балки.—«Сообщения Государственного Эрмитажа». ХЛ. Л., 1976.
- Миллер, 1881—1887.—Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I—III. М., 1881—1887.
- Минаева, 1949.—Минаева Т. М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности.—МИСК. Вып. I. Ставрополь, 1949.
- Минаева, 1950.—Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан.—МИСК. Вып. 2—3. Ставрополь, 1950.
- Минаева, 1951.—Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.—МИА. Вып. 23. М.—Л., 1951.
- Минаева, 1956.—Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.—СА. XXVI, 1956.
- Минаева, 1960.—Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол.—СА. 1960, № 2.
- Минаева, 1971.—Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Минаева, 1982.—Минаева Т. М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г.—Древности эпохи «великого переселения народов» V—VIII веков. М., 1982.
- Монгайт, 1967.—Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности.—«Народы Азии и Африки». 1967, № 1.
- Мровели, 1979.—Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.
- Нечаева, 1956.—Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе (автореф. канд. дис.). Л., 1956.
- Нечаева, 1961.—Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в

- Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— Исследования по археологии СССР, Л., 1961.
- Нечаева, 1968.— Нечаева Л. Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин (тезисы докладов годичной научной сессии ЛОИЭ АН СССР). Л., 1968.
- Ногмов, 1947.— Ногмов Шора. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
- Ольховский, 1978.— Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным.— СА. 1978, № 4.
- Осетинские народные сказки.— Осетинские народные сказки. М., 1973.
- Очерки истории Грузии.— Очерки истории Грузии. Т. II, 1973 [на груз. яз.].
- Патканов, 1883.— Патканов К. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии.— ЖМНП. Ч. ССXXX, 1883.
- Петренко, 1980.— Петренко В. А. Культура населения Среднего Причеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э.— IV в. н.э.) (автор. канд. дис.). М., 1980.
- Петренко, 1975.— Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция.— АО, 1974. М., 1975.
- Петренко, 1980.— Петренко В. Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье.— КСИА. 1980, № 162.
- Пигулевская, 1941.— Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.— Л., 1941.
- Плетнева, 1967.— Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтовомая культура. М., 1967.
- Подольский, 1972.— Подольский Н. Л. Об оценке классификационной значимости признаков. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Прокопий, 1880.— Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. I. СПб., 1876; Кн. II, 1880.
- Прокопий, 1950.— Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
- Пустовалов, 1982.— Пустовалов С. Ж. О некоторых методах формализованной обработки керамики.— Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.
- Пушкин, 1978.— Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум.— Сочинения в 10 томах. Т. VI. М., 1978.
- Равдоникас, 1930.— Равдоникас В. И. За марксистскую историю культуры. Л., 1930.
- Робакидзе, 1960.— Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. I. Топография поселения.— Материалы по этнографии Грузии. Вып. I. Тб., 1960.
- Робакидзе, 1963.— Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии II. Морфология поселения.— Материалы по этнографии Грузии. Вып. XIII. Тб., 1963.
- Робакидзе, 1964.— Робакидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта, Тб., 1964.
- Робакидзе, Гегечкори, 1975.— Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии.— КЭС. V. I. Тб., 1975.
- Рунич, 1975.— Рунич А. П. Аланский могильник в Мокрой Балке у города Кисловодска.— МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975.
- Самоквасов, 1908.— Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.

- Саушкин, 1980.— Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1915.— Семенов-Тянь-Шанский [Вениамин]. Типы местностей Европейской России и Кавказа. Очерк по физической географии в связи с антропогеографией.— Записки Русского географического общества по общей географии. Том LI. Пг., 1915.
- Светоний Гай Транквилл, 1966.— Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966.
- Симокатта Теофилакт, 1957.— Симокатта Теофилакт. История. М., 1957.
- Смирнов, 1964.— Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре.— СА. 1964, № 4.
- Смирнов, 1972.— Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА. 1972, № 1.
- Сорокин, 1962.— Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА. № 120. М.—Л., 1962.
- Станчев, 1957.— Станчев Ст. Некропольт до Нови Пазар. София, 1957.
- Столяр, 1955.— Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник (Опыт историко-культурного анализа памятника).— СА. XXIII, 1955.
- Страбон, 1964.— Страбон. География. М., 1964.
- Тацит Корнелий, 1969.— Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л., 1969.
- Текеев, 1972.— Текеев К. М. Жилища карачаевцев в XIX веке.— Вестник КБНИИ. Вып. V. Нальчик, 1972.
- Тогошвили, 1978.— Тогошвили Г. Д. Византия и Алания. Мацнэ. 1978, № 2 (на груз. яз.).
- Торнау, 1864.— Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I. П. М., 1864.
- Трапш, 1970.— Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.— Труды. Т. I. Сухуми, 1970.
- Тревер, 1959.— Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.
- Уваров, 1887.— Уваров А. С. К какому заключению о бронзовом периоде вводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. М., 1887.
- Уварова, 1889.— Уварова П. С. Программа для исследования древностей Кавказа. М., 1889.
- Уварова, 1894.— Уварова П. С. Введение.— МАК. I. М., 1894.
- Уварова, 1900.— Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК. VIII. М., 1900.
- Удальцов, 1953.— Удальцов А. Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке.— Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
- Удальцова, 1974.— Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.
- Уманский, 1978.— Уманский А. П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше.— Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Успенский, 1913, 1927, 1948.— Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. I; М., 1913; Т. II. Ч. I, 1927; Т. III, 1948.
- Федоров-Давыдов, 1970.— Федоров-Давыдов Г. А. Понятие

- «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка.—СА. 1970, № 3.
- Федоров-Давыдов, 1981.—Федоров-Давыдов Г. А.—Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус).—Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
- Феофан, 1884.—Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта.—Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. I. М., 1884.
- Филимонов, 1878.—Филимонов Г. Д. О доисторической культуре в Осетии. М., 1878.
- Формозов, 1957.—Формозов А. А. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком.—СА. 1957, № 4.
- Формозов, 1977(I).—Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Формозов, 1977(II).—Формозов А. А. О критике источников в археологии.—СА. 1977, № 1.
- Фосс, 1949.—Фосс М. Е. О терминах «неолит», «бронза» и «культура».—КСИИМК. XXIX. М.—Л., 1949.
- Харвей, 1974.—Харвей Д. Научное объяснение в географии. М., 1974.
- Хлобыстина, 1978.—Хлобыстина М. Д. Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника.—СА. 1978, № 3.
- Хоренаци Мовсес, 1893.—Хоренаци Мовсес. История Армении Моисея Хоренского. М., 1893.
- Челеби Эвлия, 1979.—Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
- Чеченов, 1969.—Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
- Чеченов, 1971.—Чеченов И. М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии.—ТД СПИПАИ археол. секции Тбилиси. Тб. 1971.
- Чеченов, 1974.—Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.—Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.
- Чибиров, 1970.—Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище.—Цхинвали, 1970.
- Чичуров, 1980.—Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифорова. М., 1980.
- Членова, 1977.—Членова Н. Л. (совм. с Исмагиловым Р. Б., Суразаковым А. С.). Султан-Гора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском.—АО. 1976, М., 1977.
- Членова, 1978.—Членова Н. Л. Раскопки под Султан-горой.—АО. 1977, М., 1978.
- Членова, 1979.—Членова Н. Л. Раскопки под Султан-горой.—АО. 1977, М., 1979.
- Шер, 1976.—Шер Я. А. Методологические вопросы археологии.—ВФ. 1976.—№ 10.
- Юргевич, 1863.—Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев.—ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863.
- Alföldi, 1932.—Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische sonderung.—«Archeologia Hungarica». IX. Budapest. 1932.

- Altheim, 1954—1962.—Altheim F. Geschichte der Hunnen. T. 1—4, 1954—1962.
- Borillo, Ihm, 1971.—Borillo M., Ihm P. Une méthode de classification d'objets archéologiques dont la description est structurée et incomplète. Marseilles, 1971.
- Barth, Hodson, 1976.—Barth F. E., Hodson F. R. The Hallstatt Cemetery and Its Documentation: Some New Evidence.—«The Antiquaries Journal». Vol. XVI. P. II. L., 1976.
- Bayard, 1969.—Bayard D. Science, Theory and Reality in the «New Archaeology».—«American Antiquity». Vol. 34, 1969.
- Binford, 1971.—Binford L. R. Mortuary Practices: their Study and Their Potential.—«Memoir of the Society for American Archaeology». 1971, № 25.
- Blume, 1912.—Blume E. Die Germanischen Stämme und ihre Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, Mannus Bibliothek 8. Würzburg, 1912.
- Chantre, 1887.—Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. I—IV. Paris—Lyon, 1887.
- Child, 1929.—Child G. The Danube in Prehistory. Ox., 1929.
- Christenson, Read, 1977.—Christenson A. L., Read D. W. Numerical Taxonomy, R-mode Factor Analysis and Archaeological Classification.—«American Antiquity». Vol. 42, 1977.
- Clark, 1973.—Clark D. L. A Provisional Model of an Iron Age Society and Its Settlement System.—«Models in Archaeology». L., 1973.
- Deshayes, 1970.—Deshayes J. Points de vue subjectifs sur la construction d'une typologie.—«Archéologie et calculateurs». P., 1970.
- Doran, 1970.—Doran J. Systems Theory, Computer Simulations and Archaeology.—«World Archaeology». Vol. I, № 3, 1970.
- Doumas, 1973.—Doumas C. Grave Types and Related Burial Practices during the Cycladic Early Bronze Age.—«The Explanation of Culture Change». N. Y., 1973.
- Ellison, Harris, 1973.—Ellison T., Harris J. Settlement and Land Use in the Prehistory and Early History of Southern England: a Study Based on Locational Models.—«Models in Archaeology». L., 1973.
- Erison, Attley, 1976.—Erison J. E., Attley S. P. Reconstructing Ceramic Assemblages: an Experiment to Derive the morphology and Capacity of Parent Vessels from Scherds.—«American Antiquity». Vol. 41, № 4, 1976.
- Erison, Stickel, 1973.—Erison J. E., Stickel E. G. A Proposed Classification System for Ceramics.—«World Archaeology». Vol. 4, № 3, 1973.
- Ford, 1954.—Ford J. A. The Type Concept Revised.—«American Anthropologist». Vol. 56. I. Menascha, 1954.
- Gardin, 1967.—Gardin J.-C. Methods for the Descriptive Analysis of Archaeological Materials.—«American Antiquity». Vol. 32, № 1, 1967.
- Gardin, 1979.—Gardin J.-C. Une archéologie théoriques. P., 1979.
- Hammond, Pretty, Saul, 1974.—Hammond N., Pretty K., Saul F. P. A Classic Maya Family Tomb.—«World Archaeology». Vol. 7, № 1, 1974.
- Hodson, 1977.—Hodson F. R. Quantifying Hallstatt. Some Initial Results.—«American Antiquity». 1977. Vol. 42, № 3.
- Maenchen-Helfen, 1973.—Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley—Los Angeles, 1973.

- Montelius, 1903.—Montelius O. Die älterenkultur perioden in Orient und in Europa. I Die Methode. Stockholm, 1903.
- Peacock, 1970.—Peacock D. P. S. The Scientific Analysis of Ancient Ceramics: a Review.—«World archaeology». Vol. 1, № 3, 1970.
- Peebles, 1971.—Peebles Ch. S. Moundville and Surrounding Sites: Some Structural Considerations of Mortuary Practices II.—«Memoirs of Society of American Archaeology», 1971.
- Rathje, 1970.—Rathje W. L. Socio-Political Implications of Lowland Maya Burials: Methodology and Tentative Hypotheses.—«World Archaeology». Vol. 1, № 3, 1970.
- Renfrew, 1973.—Renfrew C. Social Anthropology. Southampton, 1973.
- Rouse, 1931.—Rouse J. Prehistory in Haiti. A Study in Method.—«Jale University Publications in Anthropology». 1931, № 21.
- Shepard, 1968.—Shepard A. O. Ceramics for the Archaeologist Carnegie Institution of Washington Publication 609. Wash., 1968.
- Spaulding, 1960.—Spaulding A. C. Statistical Description and Comparison of Artifact Assemblages.—«Viking Fund Publications in Anthropology». 1960, № 28.
- Tainter, 1974.—Tainter J. A. Social Inference and Mortuary Practices: an Experiment in Numerical Classification.—«World Archaeology». Vol. 7, № 1, 1974.
- Thompson, 1948.—Thompson E. A. A History of Attila and the Huns. L., 1948.
- Tugby, 1965.—Tugby D. Archaeological Objectives and Statistical Methods: a Frontier in Archaeology.—«American Antiquity». Vol. 31, № 1, 1965.
- Vernadsky, 1944.—Vernadsky G. Sur l'origine des Alains Byzantion. T. XVI. Boston, 1944.
- Vernadsky, 1963.—Vernadsky G. The Eurasian Nomads and Their Impact on Medieval Europe (A Reconsideration of the Problem).—Studii Medievali. 3a serie. IV. 2, 1963.
- Wedgwood, 1927.—Wedgwood G. H. Death and Social Status in Melanesia.—«Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». Vol. LVII' L., 1927.
- Werner, 1956.—Werner J. Beitrage zur Archeologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Читателю научно-популярной книги всегда безразлично, кем она написана. Является ли ее автор специалистом в той области науки, которой посвящена книга, причастен ли сам к тем исследованиям, о которых рассказывает? Или же он просто более или менее умелый популяризатор, способный изложить результаты чужих изысканий доступным широкой публике языком?

В. Б. Ковалевская уже около 30 лет ведет археологические раскопки на Северном Кавказе, изучая главным образом памятники раннего средневековья. Тесная связь автора с этим краем, присущая ему привычка смотреть на него глазами не только историка, но и человека, привязанного к Кавказу, его природе и людям, постоянно ощущаются в книге. Не случайно подробный анализ древнего поселения и могильника или тщательное исследование и истолкование какого-либо средневекового письменного источника В. Б. Ковалевская перемежает личными воспоминаниями об экспедициях прошлых лет, о встречах с жителями горных аулов или описаниями кавказских пейзажей.

И все же «главный герой» книги — археология, причем не только археология Кавказа, но археология вообще. Эта наука, изучающая давнее прошлое, пользуется в наше время необычайной популярностью даже у людей, весьма далеких от истории. О новейших археологических находках в самых разных точках земного шара постоянно сообщают корреспонденты на страницах газет. Археологическую экспедицию все чаще избирают местом действия своих повестей и романов писатели. В каком бы районе нашей страны ни разбивали свой лагерь археологи, они всегда знают, что в самое короткое время слухи об их появлении распространятся среди местных жителей и те станут постоянными гостями экспедиции. Они будут задавать ее сотрудникам десятки вопросов, часами простаивать на краю раскопа, терпеливо следя за однообразными земляными работами, с неслабевающим интересом провожать взглядом каждое движение лопаты, а то и станут, не испугавшись жары и пыли, добровольными помощниками землекопов.

При всем том можно без преувеличения сказать, что у большинства людей, непричастных к археологии, представление о ней самое приблизительное, а то и попросту неверное. Терпение добровольных зрителей, проводящих целые дни на краю раскопа, вполне объяснимо: оно питается подсознательным убеждением, что если не сегодня, то самое позднее через неделю они непременно станут свидетелями уникального открытия и что в этом уверены сами археологи, иначе зачем бы они стали здесь копать?

Причины, породивших такое представление, много, но несомненно, что главная из них — характер тех сведений о работе археолога, которые можно почерпнуть из адресованных массовому читателю газет, журналов, книг.

Журналист, публикуя информацию о работе какой-либо экспедиции, почти всегда вольно или невольно придает ей оттенок сенсационности. Авторы научно-популярных книг чаще всего избирают темой своих рассказов историю открытия самых эффектных памятников прошлого — гробниц египетских фараонов, скифских царских курганов, монументальных храмов или дворцов древних владык. Археолог, действующий на страницах повести, отправляется в экспедицию с целью найти по меньшей мере шлем Александра Македонского, а предшествующие такой находке работы воспринимает как будничную рутину... Если с такими мерками подходить к деятельности многих поколений археологов, то поневоле сделаешь вывод, что среди них каждые девяносто девять из ста — закоренелые неудачники: ведь им так и не довелось найти ни золотого шлема, ни мраморных статуй, ни новой гробницы Тутанхамона. И все же вряд ли сами археологи согласятся с такой оценкой.

— Ну как, нашли что-нибудь? — такой вопрос по возвращении из экспедиции, наверное, слышал от случайного собеседника любой археолог.

Для специалиста бессмысленность такого вопроса очевидна: «что-нибудь» археолог находит непременно каждый сезон. Известно, что он отправляется копать не наугад, а в определенное место, где существование древнего поселения или могильника уже установлено. Другое дело, что это «что-нибудь» может оказаться — и чаще всего так и бывает — не эффектными произведениями искусства, не массивными золотыми украшениями и не грандиозными дворцами, а с трудом прослеживаемыми в земле остатками жилищ рядовых труженников, сотнями и тысячами однообразных черепков или десятками одинаковых погребений, зачастую почти не имеющих инвентаря. Ценны ли эти находки? Целесообразно ли из года в год продолжать раскопки, чтобы еще увеличивать их число? Важны ли они для воссоздания картины жизни наших далеких предков и если да, то как извлечь таящуюся в этом, по терминологии археологов, массовом материале историческую информацию? Для ответа на эти и многие другие вопросы возникла и продолжает развиваться археология как историческая наука.

Археологические исследования подразделяют обычно — конечно, в известной мере условно — на два относительно самостоятельных этапа, каждый из которых имеет свою обусловленную исследовательскими задачами методику. Первый этап — полевая археология, ее цель — поиск и извлечение из земли остатков деятельности людей прошлых эпох. При этом археолог должен не просто собрать для музейной коллекции древние предметы, как это было когда-то, на заре интереса к материальным остаткам прошлого, или обнажить для всеобщего обозрения остатки древних построек.

Нужно суметь по характеру их залегания в слое, по структуре грунта, по целому ряду неуловимых на первый взгляд деталей восстановить условия их попадания в землю, внешний облик несохранившихся их частей, действия тех людей, которые некогда обитали в существовавшем на этом месте жилище или совершили здесь погребение соплеменника, то есть собрать всю ту информацию, которая может быть получена только в процессе раскопок памятника, а будучи на этом этапе упущена археологом, оказывается безвозвратно утраченной. Методика таких полевых исследований неуклонно развивается, и в целом этот процесс протекает достаточно мирно: каждое следующее поколение археологов достигает все больших результатов в «прочтении» раскапываемых ими памятников, ценя достижения сво-

их предшественников, но и не закрывая глаза на присущие их работе недостатки. Развитие же методики второй стадии археологического исследования — так называемой кабинетной, или, как теперь иногда говорят, теоретической, археологии — протекает во многом по-иному.

Каждый исследованный археологом комплекс интересен как исторический источник не столько сам по себе, сколько в сопоставлении с другими, что дает возможность выделять серии таких памятников, устанавливать их хронологические и культурные отношения и тем самым реконструировать пространственно-временную картину жизни древних обитателей исследуемого региона. Способы описания археологических памятников, оптимальные для полного ознакомления с ними коллег-исследователей, число признаков, по которым ведется сопоставление этих памятников, установление надежных критериев их сходства и различия, само количество однородных памятников, достаточное для того, чтобы говорить о существовании некоего отраженного в них культурно-исторического единства, — все это ключевые методические вопросы кабинетной археологии. На протяжении долгого времени все они решались на чисто интуитивном уровне.

Степень обоснованности таких решений зависела главным образом от способности того или иного ученого хранить в памяти большее или меньшее число памятников, их характеристики и от его «чутья», позволяющего улавливать сходство между ними. В последние годы археологи все чаще приходят к выводу об уязвимой субъективности созданных на такой основе построений. Они понимают, что ничья память уже не способна хранить информацию обо всех накопленных к сегодняшнему дню материалах, и, следовательно, получаемая картина неизбежно неполна и страдает еще одним существенным недостатком — не может быть проверена коллегами, которые также вынуждены оценивать ее точность лишь на основе собственного «чутья». Иными словами, все сильнее ощущается необходимость создания более строгой формализованной процедуры исследования массового археологического материала.

Здесь следует учитывать, что если исходить из традиционного противопоставления гуманитарных и точных наук, то археология как историческая дисциплина всегда рассматривалась как наука сугубо гуманитарная. Формализация же археологического исследования требует от ученого достаточно широкого обращения к математике, в частности к методам математической статистики, а также пристального внимания к проблеме строгости языка археологической науки.

Между тем не секрет, что наше гуманитарное образование, как правило, не дает специалистам даже начальных навыков работы в этом ключе. Поэтому подобное изменение самих принципов исследования требует от археологов и значительной психологической перестройки, и приобретения совершенно новых знаний. Вероятно, в этом одна из причин того, что отношение к вопросу о необходимости создания качественно новой исследовательской процедуры у разных археологов далеко не однозначное. Многие из них — даже очень крупные специалисты — остаются пока сторонниками «традиционных» способов исследования и вообще не видят нужды в поисках каких-то новых методов. Во многом нет единомыслия и среди самих сторонников формализации археологии, между ними ведутся довольно острые дискуссии по различным конкретным проблемам. Однако такая картина вполне закономерна для любой науки, переживающей в своем развитии качественный скачок.

Предлагаемая читателям книга В. Б. Ковалевской — по сути, пер-

вая в нашей научно-популярной литературе по археологии, где столь большое внимание уделено не описанию эффектных находок или «романтике поиска древностей», а именно процедуре археологического исследования. Тем самым она заполняет существенный пробел, знакомя с той стороной археологии, которая не видна зрителю, ожидающему на краю раскопа момента находки «сокровищ», — с самими задачами и методами археологии как исторической дисциплины. Автор знакомит читателей со способами сравнения образцов такого наиболее массового археологического материала, как керамика, с содержанием понятия «тип» в археологии, входит в суть споров о том, какая историческая реальность стоит за «археологической культурой» — совокупностью более или менее единообразных комплексов, а также с целым рядом других проблем, решаемых исследователем в ходе систематизации и осмысления массы найденных при раскопках материалов.

Вполне закономерно, что эта книга, адресованная широкому кругу любителей истории, появляется именно тогда, когда исследовательская процедура в археологии приобретает желательную строгость. Пока эта наука оставалась чисто «интуитивной», изложить ее основные принципы было бы затруднительно, даже обращаясь к специалисту, а не то что в научно-популярной форме. Не случайно и то, что написала эту книгу именно В. Б. Ковалевская — один из зачинателей применения математических методов в нашей отечественной археологии, широко использующая их в собственных исследованиях.

Разделы книги, посвященные названным проблемам, не слишком легки для восприятия. Вряд ли, однако, это можно считать ее недостатком. Обычно физики или представители иных естественных дисциплин в своих научно-популярных работах не боятся освещать достаточно сложные вопросы в форме, требующей от читателя определенной подготовки. Они справедливо полагают, что истинный любитель, заинтересовавшись проблемой и почувствовав недостаточность своих знаний, постарается их пополнить, чтобы разобраться в вопросе. Популярные же книги по истории чаще всего пишутся в каком-то нарочито облегченном стиле, история в них зачастую сводится к изложению более или менее занимательных событий. Это, как представляется, дискредитирует саму науку и одновременно свидетельствует о неуважении к читателю, о недоверии к его интеллекту. Между тем для широкого читателя увлекательность науки истории станет очевидной лишь тогда, когда он постигнет закономерности исторического процесса и принципы исторического исследования.

Итак, главное достоинство этой книги видится мне в том, что, противостоя традиционному в популярной литературе облегченному представлению об археологии как о легализованном кладовискательстве, она вводит читателя в саму лабораторию исследователя-археолога, знакомит с принципами и методами его работы, с некоторыми моментами истории становления и развития этих методов. А то, что изложение этих принципов сопряжено на страницах книги с интерпретацией конкретных памятников Северного Кавказа, в том числе раскопанных самим автором, придает этому изложению значительную наглядность, позволяет избежать абстрактно-схоластического тона. Живо и интересно рассказывает В. Б. Ковалевская о многих страницах культурной, этнической, социальной и политической истории Кавказа на протяжении двух тысячелетий, и вместе с ней мы с удовольствием прошли по этому увлекательному пути.

Д. С. Раевский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — «Археологические открытия». М.
- АС — «Археологический сборник (Гос. Эрмитаж)». Л.
- ВАУ — «Вопросы археологии Урала». Свердловск.
- ВИ — «Вопросы истории». М.
- ВДИ — «Вестник древней истории». М.
- ВФ — «Вопросы философии». М.
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
- ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древно-
- ИИГК — «История Иранского государства и культуры». М. стей». Одесса.
- КСИА — «Краткие сообщения института археологии АН СССР». М., М.—Л.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
- КЭС — Кавказский этнографический сборник.
- ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.
- МАД — Материалы по археологии Дагестана.
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края.
- СА — «Советская археология». М.
- САИ — Свод археологических источников.
- СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
- СКНЦВШ — Северокавказский научный центр Высшей школы.
- СЭ — «Советская этнография». М.
- ТД СПИПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований.
- ЧИННИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.
- ЮО НИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.
- КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. Кавказ	9
Кавказ глазами древних и современных географов	9
Темного преддвосторня	17
Кобанский могильник и открытие кобанской культуры	18
Факты и обобщения	22
Еще один кобанский могильник	30
На холмах, в горах и горных долинах	57
Поиски новых источников	69
Часть II. Аланы	74
Появление сарматских племен на Кавказе	74
Выход алан на историческую арену	80
Как археологам выявить памятники ранних алан?	88
Гуны в степях и на Кавказе	93
Гуны и археология	98
Аланы в гунское время	107
Еще немного теории	114
О чем может рассказать керамика	124
Аланы и ирано-византийские отношения в VI--VII вв.	131
Аланы, абасги и Византия на рубеже VII--VIII вв.	136
Крепости алан	143
Могилы алан	151
Археологические находки свидетельствуют	156
Заключение. Аланы и тюрки	168
Литература	175
<i>Д. С. Раевский. Последействие</i>	188
Список сокращений	192